

Полина Флер

В СЕРДЦЕ
В асилиска

1. Всем нужен василиск

— Не вертись! — сурово прикрикнул Дитер. — Заколдую!

Я замерла, испуганно тараща глаза. Он василиск, он может. Обратит в камень, и буду стоять среди цветущих слив, красивая и вечно молодая. Идеальная натурщица!

Передвинув во рту длинный мундштук, Дитер усмехнулся и выдохнул вместе с дымом:

— Так-то лучше!

Я приняла надутый вид, но хватило меня только на несколько минут. Руки затекли держать белый бумажный зонтик. Полупрозрачный альтарский халатик, расшитый пионами и райскими птицами, так и норовил соскользнуть с плеч. Подпустив в голос слезу, я осторожно осведомилась:

— И тебе совсем-совсем не будет меня жалко?

— Будет, — ответил Дитер, тщательно замешивая голубую краску. — Но только немножко. Совсем. Капельку.

— Жестокий! — возмутилась я. — Разве камень обнимет так нежно, как это делает живая женщина? Разве утешит, когда плохо? Разве поцелует? Разве родит наследника?

— Тебе мало одного чудовища? — выгнул бровь Дитер, одновременно касаясь кистью натянутого на подрамник холста.

— Мало! — с готовностью закивала я. — Хочу двоих... нет, пятерых маленьких чудовищ! И чтобы все были похожи на тебя!

— Какой ужас! — отозвался Дитер, театрально округляя глаза. — Пять маленьких надутых индюков! Тебе не кажется, что это перебор?

Я задумалась, постукивая ногтем по бамбуковой рукояти зонтика, наконец, кивнула:

— И правда, не слишком ли много радости для тебя одного? Пусть дочки будут похожи на меня.

— Капризули с острыми язычками? — Дитер схватился за сердце. — Мне хватает одной!

— Фу, какой же гадкий у меня муж! — завела я глаза. — И почему ты так не любишь детей?

— Я просто не хочу передать свое проклятие, дорогая, — возразил Дитер, снова переключаясь на картину. — Не хочу той судьбы, что была у меня. Эти косые взгляды... насмешки... презрение... вечный страх!

— Ты теперь можешь управлять силой, — возразила я. — Проклятие снято, нам нечего бояться!

— И все-таки я не уверен, — упрямо ответил он, сосредотачиваясь на портрете и полностью спрятавшись за ним. Дитер умел быть нежным и заботливым, когда хотел, но если ему что-то втемяшится в голову, пиши пропало, он становился непреклонен. Типичный характер типичного вояки, которого все еще называли фессалийским чудовищем и боялись смотреть в лицо, особенно, когда Дитер был без очков.

— Обещаю, — сквозь зубы продолжил он, нервно грызя мундштук, — скоро я обязательно разберусь с этим вопросом. Я отправил прошение в альтарский монастырь, и как только монахи-отшельники согласятся нас принять, мы узнаем наверняка.

Я вздохнула и опустила ресницы. Конечно, когда выходишь замуж за проклятого генерала, всегда есть вероятность, что твои дети тоже переймут проклятие, и ни мне, ни мужу не хотелось рисковать. Но от одной мысли о том, что у меня будет ребенок от

любимого мужчины, сердце замирало от счастья, и я готова была ждать, сколько угодно, лишь бы это однажды произошло.

— Ты веришь мне, пичужка? — спросил Дитер, на миг отрываясь от картины.

— Верю, — улыбнулась я, и генерал улыбнулся в ответ.

— Вот и хорошо. А сейчас дай мне спокойно дорисовать волосы!

— Голубой краской? — с подозрением спросила я, глядя, как Дитер снова увлеченно заелозил кистью по холсту.

— Не нравится голубой цвет? — он пожал плечами. — Я могу взять зеленый.

— Ты опять смеешься надо мной!

— Серьезен как камень. И прекрати вертеться, иначе нарисую тебе красные уши.

— Только не красные уши! — возмущенно пискнула я и взмахнула зонтиком, сбив несколько цветков. Белые лепестки закружились, осыпая меня как снегом.

— Спокойно, пичужка. Я художник, я так вижу, — выдув дымную струйку, Дитер отодвинулся от холста, окинул его довольным взглядом и удовлетворенно заявил: — Ну вот, теперь почти готово. Можешь смотреть.

Я сразу отбросила зонт и, придерживая халатик, метнулась к портрету. До этого я видела его картины только в родовом замке герцогов Мейердорфских, наследником которых был мой муж, но при мне Дитер не рисовал. Лишь недавно мне удалось уговорить его вернуться к любимому хобби, и мне нравилось, каким умиротворенным и возвышенным становилось тогда его лицо.

Оттолкнув Дитера плечом, я остановилась перед холстом и замерла, не веря своим глазам.

— О, Дитер! — тихо воскликнула я. — Это действительно талантливо...

Расплываясь в радостной улыбке, я разглядывала собственный портрет, нарисованный нежными акриловыми красками. Дитер изобразил меня в виде альтарской аристократки, неспешно прогуливающейся в цветущем саду, когда солнце только восходит над вершинами гор и золотит облетающие цветы. Мое лицо на картине было немного блее обычного, согласно альтарской моде, но тем лучше с фарфоровой кожей контрастировали рыжие волосы, уложенные в сложную многоярусную прическу и подсвеченные солнцем, и нежно коралловые губы, уголки которых приподняты в улыбке, достойной Моны Лизы.

— Глаза боятся, руки делают, — с удовольствием проговорил Дитер, глядя не на портрет, а на меня. Я счастливо вздохнула и поцеловала его в щеку.

— Спасибо, дорогой...

— Нет, нет! — засмеялся он, притягивая меня к себе. — Этого мало! Такой превосходный портрет только из-под пера мастера достоин большего, чем поцелуй в щеку!

— То был задаток, — промурлыкала я, запуская ладони ему под рубашку. — А теперь все остальное.

Дитер вытащил мундштук и ответил на поцелуй, обнимая меня властно и нежно, прижимая к себе, водя ладонями по обнаженным плечам, все ниже и ниже стягивая халатик. Я замурлыкала, тая от его ласки, глотая сладкое травяное дыхание, скользнула пальцами по крепким накаченным мышцам. Дитер довольно вздохнул и оголил мои груди.

— И правда, — шепнул он в мои губы, — может не ждать никаких отшельников, а заняться наследником прямо сейчас?

— Я буду счастлива, мой господин! — ответила я на ломаном альтарском, прижимаясь к мужу всем телом, как тут в самый неподходящий момент хлопнула стеклянная дверь,

ведущая из дома в наш уютный маленький садик.

— Ваше Сиятельство! — услышала я голос адъютанта Ганса. — Вас там...

— Не видишь, придурок, я занят? — рыкнул генерал, оборачиваясь.

Я сразу же накинула на плечи халатик и выглянула из-за Дитера. Адъютант покраснел до самой корней волос, заплетенных в короткую косичку, отвел глаза и добавил:

— И вам доброе утро, фрау Мэрион. Прошу прощения за вторжение, но...

— Отставить любезности! — рявкнул Дитер. — Ворвался, так говори!

— Не смел отвлекать, Ваше Сиятельство, — зачастил Ганс, — но в вашу резиденцию только что прибыл альтарский министр и требует аудиенции!

— Вот как, — спокойно ответил мой генерал, на лице не дрогнул ни один мускул, зато в серых глазах вспыхнули опасные золотые искры. — По какому вопросу аудиенция?

— Не могу знать! — с готовностью ответил Ганс.

— Раз не можешь, так ступай! — бросил Дитер и снова повернулся ко мне, оглаживая рукой спину. — На чем мы закончили, птичка? Ах, да... наследник!

Я тепло улыбнулась мужу, но уже понимала, что момент упущен и просто так Ганс не уйдет. Адъютант был вроде лесного клеща: если вцепится — не отпустит.

— Господин министр сказал, он прибыл по поручению Его Императорского Величества! — на одном дыхании выпалил Ганс.

— Альтарского величества? — уточнил Дитер, рассеянно поглаживая меня по плечам.

— Ясное дело, не фессалийского, — во все зубы улыбнулся адъютант, и я подхватила его ухмылку. Память о фессалийском короле Максимилиане осталась, скажу честно, нерадостная. Да и какую еще мог оставить человек, который шантажировал меня саму, держал в темнице моего мужа и откровенно использовал его в качестве ручного монстра?

— Все равно, — упрямо сказал Дитер. — Передай, что я в отставке. У меня куча незаконченных дел: дописать портрет моей жены, выпить утреннюю чашку чая, выгулять пса, а еще...

— Ваше Сиятельство! — крикнул Ганс, нарушив субординацию, чего позволял себе не часто. — С господином министром прибыл господин Ю Шэн-Ли!

Я ожидала, что имя друга вызовет у Дитера интерес, но упрямец только пожал плечами и ответил:

— Шэн войдет в наше положение, он подождет.

Лицо Ганса перекошило отчаянием, и я вздохнула и погладила Дитера по руке.

— Дорогой, — мягко произнесла я, — мне тоже жаль, что нас прервали в такой важный момент, но, возможно, у твоего друга и господина министра действительно срочное дело.

— Важнее чая и пса? — нахмурился Дитер.

— Совсем немножко! — я привстала на цыпочки и чмокнула его в гладко выбритую щеку. — Но ты нужен им.

— Я нужен всем, — вздохнул генерал, обеими ладонями пригладил свои черные как смоль волосы, привычно тронул седую прядку, оставленную древней магией, и повернулся к адъютанту: — Твоя взяла. Приглашай господ в приемную, я скоро буду. — Подумал, прижал меня к себе и добавил: — Мы скоро будем.

— Мы? — я вскинула брови.

— Да, моя генеральша, ты идешь со мной, — усмехнулся Дитер и, поцеловав в висок, шепнул на ухо: — Не забудь свой родовой кулон, посмотрим, что на уме у этого министра.

Я понимающе кивнула: кулон-оберег с духом Белого Дракона часто превращался в

барометр, нагреваясь в случае опасности, и я понемногу училась управлять его магией, подмечая, когда человек врет, а когда говорит правду, когда пришел с дурными намерениями или принес радостную весть.

— Скоро буду, — шепнула я и ответно поцеловала Дитера в краешек губ.

Мой будуар располагался на втором этаже южного крыла нашего уютного особняка, притаившегося в долине провинции Фенг между холмами Ксин. В распахнутое окно время от времени задувал легкий утренний ветерок, парусами вздымая занавески, щебетала в клетке канарейка, над головой покачивались яркие бумажные фонарики. Я потянула за витой шнурок, и в глубине дома раздался мелодичный звон.

Распахнув платяной шкаф, я стала разбирать наряды, среди которых были и фессалийские платья, по приказу Дитера доставленные из его родового замка, и альтарские ханфу, выглядящие, как длиннополые халаты из атласа или шелка, расшитые драгоценностями и золотом. Признаться, в последнее время я отдавала предпочтение местной моде: выглядели наряды торжественно и красиво, а самое главное — здесь не были приняты корсеты, которые сдавливали ребра и мешали дышать.

— Да, госпожа? Вызывали, фрау? — наперебой прочирикали мои девочки, Жюли и Гретхен. Обе темноволосые и круглолицые, они походили на сестренок, только Жюли была поживее, а Гретхен посерьезнее.

— Нужно одеться к встрече с министром, — выпалила я, пихая им в руки облюбованное мною ханфу нежно-кремового оттенка с серебряным шитьем и алой оторочкой.

Пока Жюли помогала с одеждой, Гретхен расчесала мои волосы и ловко уложила их волнами, заколов резными шпильками из кости буйвола, я меж тем проверила, застегнута ли цепочка и потрогала черный кулон — раньше он был прозрачно-белым, выполненным из лунного камня, пока не вобрал в себя древнее проклятие. Жюли говорила, что в нем теперь соединились духи Белого Дракона моего рода Адлер-Кёне и Черного Дракона рода Мейрдорфов. Несмотря на то, что теперь кулон стал непрозрачным, как уголь, силы он не утратил, и мне почему-то казалось, что эта сила проявится однажды в совершенно новом, неожиданном для меня ключе.

— Вам хоть сейчас в императорский дворец, фрау! — с улыбкой заметила Жюли, оглядывая результаты своих трудов.

— Довольно с меня дворцов! — фыркнула я и подмигнула Гретхен. Уж кому, как не бывшей служанке фессалийской королевы знать, что в некоторых дворцах ложками уксус едят, а вовсе не мед. — Нам с Дитером и тут хорошо.

— Хорошо-то хорошо, — с осторожностью возразила Жюли. — Только Ганс говорит, что Его Сиятельству жить спокойно не дадут. И, как видите, оказался прав.

Я слегка нахмурилась, понимая, что девушка права. Сколько прошло времени с тех пор, как мы сбежали из Фессалии и получили убежище в Альтаре? Без малого три недели. Ну, а теперь всем снова понадобился василиск.

Вздохнув, я вдели ноги в туфли с открытой пяткой и слегка загнутыми носками, расшитыми серебряными узорами.

Поддерживая подол, я чинно спустилась с лестницы, держа голову прямо, будто родилась альтарской аристократкой, и никому было невдомек, что на самом деле я родилась не в Альтаре и не в Фессалии, а в России, в обычном провинциальном городе и звали меня тоже обычно — Маша, а вовсе не...

— Госпожа Мэрион фон Мейердорф-Кёне! — пафосно возвестил наш пожилой лакей и

почтительно поклонился, пропуская меня в приемную.

Она была оформлена в светло-коричневых спокойных тонах, в воздухе витал ненавязчивый запах жасмина, едва слышно звучала традиционная альтарская музыка, навеявая на мысли о покое и расслабленности. Мужчина сидели на расстеленных циновках, и передавали друг другу коробочку, наполненную чайными листьями, вдыхали аромат и важно качали головами. Услышав голос лакея, Дитер поднял голову, и я вздрогнула, наколовшись на острый золотой взгляд. Голова слегка поплыла, лакей сглотнул и спиной вжался в дверной наличник. Мой агатовый кулон кольнул шею, и я ощутила страх нашего пожилого слуги. Но золотое сияние в глазах Дитера исчезло так же быстро, как появилось, и он важно произнес:

— Чайная церемония не терпит суеты, Бруно. Настаиваю отныне не тревожить нас до окончания переговоров.

Лакей почтительно склонился и поспешно закрыл за собой дверь. По губам Дитера скользнула улыбка и он похлопал ладонью рядом с собой:

— Мэрион! Присоединяйся, дорогая, — тут он повернулся к пожилому альтарцу с тонкими висячими усиками и сложил ладони на груди: — Счастлив представить свою супругу, господин Ван Менг-Ли.

Я повторила его жест, слегка поклонилась и произнесла по-альтарски с акцентом:

— Пусть солнце освещает ваш дом!

Сидевший рядом с Дитером его давний друг, альтарский посол Ю Шэн-Ли, заулыбался и заметил:

— Как вы успели выучить язык за такой короткий срок? Какая-то магия? Или врожденные способности?

— У Мэрион много талантов, — горделиво ответил Дитер.

Я стыдливо промолчала, потому что помогла мне, действительно, магия Белого и Черного драконов, соединившихся в моем кулоне-обереге. Сняв туфли, я села рядом с мужем, приняла из его рук круглую коробочку с листовым чаем и вдохнула свежий аромат.

— Пусть этот напиток наполнит нас силой и гармонией, — проговорил Дитер и принялся лить воду в глиняный заварочный чайник. — А помыслы будут чисты, как эта вода.

— Гармония понадобится, господин Ди-Тер, — заметил пожилой альтарец Ван Менг-Ли. Наверное, это и был министр, который настойчиво добивался аудиенции у моего мужа. — В мире неспокойно.

— Даже в большую бурю есть время для тихого ветра, — миролюбиво ответил ему Ю Шэн-Ли, подмигивая мне черным раскосым глазом. — Для того мы и прибыли сюда, чтобы отгородиться от бури и поразмышлять в тишине и покое.

— И сделали абсолютно верно, — подхватил Дитер, фарфоровой ложкой снимая образовавшиеся на поверхности пузырьки и всплывшие чайные листья. — Весенний ветер очистит мир от сора и принесет дыхание весны. Не зря я пригласил на эту встречу свою супругу, как олицетворение этого прекрасного времени года.

Теперь оба альтарца с интересом глянули на меня и почти синхронно поклонились.

— Император Страны Солнца, Золотоликий Ли Вэй-Дин приглашает вас ко дворцу, господин Ди-Тер, — мягко произнес Ван Менг-Ли, принимая из рук моего мужа чашку с напитком. Прикрыв глаза, он вдохнул аромат и издал долгое удовлетворенное «а-ах!».

— Зачем я понадобился Золотоликому? — спросил Дитер.

Пригубив из чашки, министр причмокнул губами, что в Фессалии выглядело бы

моветоном, но в Альтаре считалось знаком высшего расположения, и ответил:

— Вы уже три недели гостите в Империи Солнца, господин Ди-Тер, но еще ни разу не высказали Его Императорскому Величеству почтения и благодарности.

Я внутренне сжалась и ощутила, как кулон кольнул шею. Придвинувшись к мужу, взяла его за руку, переводя взгляд с министра на Ю Шэн-Ли, который сделал вид, что очень увлечен чаем и не поднимал глаз.

— Я послал Императору в благодарность трех лучших породистых скакунов из своей коллекции! — холодно возразил Дитер, сжимая мою ладонь. — И не посчитал нужным отвлекать Золотоликого от важных государственных забот.

— Его Императорское Величество благодарит за щедрый дар, — слегка поклонился Ван Менг-Ли. — Но желал бы видеть вас и вашу супругу у себя на приеме в честь летнего солнцестояния.

— Он врет, — одними губами по-фессалийски шепнула я. Кулон слегка обжигал кожу, как нагретый на солнце камень. Не знаю, услышал и понял ли мои слова министр, но Ю Шэн-Ли дернул бровью и покосился на меня поверх чашки.

— Мы с супругой польщены приглашением, господин министр, — сказал Дитер, поглаживая мои пальцы. — Но что-то подсказывает, это не единственная причина, по которой меня хочет видеть Император.

Ван Менг-Ли отставил чашку. По его гладкому лицу, с легкими морщинами вокруг глаз, нельзя было сказать, возмущен он или огорчен ответом фессалийского генерала. Наш альтарский друг слегка качнул головой и поджал губы, словно осуждая, но Дитер и ухом не повел.

— Признайтесь, — продолжил он, — все дело в конфликте между Фессалией и Кентарией из-за посла, в убийстве которого сначала обвиняли меня.

Ю Шэн-Ли поперхнулся, но чинно оставил чашку и промокнул губы салфеткой.

— Вы прямолинейны как полет стрелы, мой друг, — осторожно заметил он.

— И так же бью точно в цель, — кивнул Дитер, в его глазах за клубилась золотая мгла. Министр вздрогнул и тотчас опустил лицо, его губы дрожали и длинные усы качались как нитяные шнурки.

— Положение крайне щекотливое, господин Ди-Тер, — забормотал он, пощипывая один из «шнурков». — Назревает война. Фессалийский король желает заручиться поддержкой нашей страны как союзника.

— И просит выдать меня? — усмехнулся Дитер.

— О, нет, нет! — замахал руками министр, точно отгонял бабочек, проникших сквозь приоткрытое окно. — Об этом не было и речи!

Дитер вскинул бровь и посмотрел на меня своими внимательными серыми глазами с золотыми искрами на дне зрачков, словно спрашивая: «Врет?»

Я сжала его пальцы и слегка наклонила голову: «Врет».

Дитер вздохнул и отхлебнул ароматного чая, однако я чувствовала, как напряжены его мускулы. Эта встреча все меньше походила на чайную церемонию, и все больше на пикировку двух хитрецов. Кто кого перехитрит? Хотелось бы поставить на Дитера. После того, как генерала едва не казнили по приказу фессалийской монаршей четы, мне не хотелось снова потерять его.

— Допустим, — тем временем проговорил Дитер. — А что насчет войны? Кентарийский вождь уже выдвинул ультиматум?

— Еще нет, — вступил в разговор Ю Шэн-Ли, который до этого предпочитал отмалчиваться и предоставлял право первого слова старшему по возрасту и чину. — Но война стоит на пороге. Ей пропитался воздух, ею пахнут пожары на приграничных землях, о ней шепчут крестьяне, когда видят кентарийские отряды, топчущие посевы.

— Я бы не стал столь нагнетать, господин посол, — оборвал его министр и окончательно отставил чашку. — Вы правы в одном, мы должны защитить свои земли наравне с Фессалией. И просим в этом поддержки у господина Ди-Тера.

— Но я в отставке, — возразил мой муж.

— Знаем.

— И в провинции Фенг хорошо и спокойно.

— До поры до времени, господин Ди-Тер.

— Просит не фессалийский король, мой друг, — тихо произнес Ю Шэн-Ли. — И не только Император Альтара. Просят честные граждане моей родины. Прошу и я...

Вздыхнув, я сжала в кулаке кулон. Он запульсировал, как живой сгусток, магия потекла, обволакивая меня теплым воздухом. Ю Шэн-Ли говорил правду. Он никогда не лгал. А вот министр сидел явно как на иголках. Что-то скрывал или не договаривал?

— Мне думается, вы сказали не все, — тихо по-альтарски произнесла я.

Ван Менг-Ли вскинул голову и процедил сквозь зубы:

— Я сказал достаточно, юная госпожа.

Хотя явно собирался сказать другое: «Не женщинам лезть в дела мужчин!»

Вот уж дудки! Пока альтарцы гости в нашей резиденции, здесь действуют другие правила!

— Говорите смело, господин Ван Менг-Ли, — поддержал меня и Дитер. — Моя супруга достаточно образована и сведуща в государственных делах и может дать ценный совет.

Альтарцы переглянулись.

— Вы можете сказать, господин министр, — произнес Ю Шэн-Ли. — Я ручаюсь за своих друзей. Это останется в тайне.

Министр крякнул, почесал переносицу, завел глаза и пошлепал губами, видимо, шепча обращение к местным духам. Дитер молчал, просверливая гостей тяжелым взглядом. Молчала и я, гадая, что такого может случиться на приеме Императора, о чем хотели умолчать альтарцы? Самое дурное, что я могла представить, это встретиться с фессалийским королем и его супругой, которую, я надеялась, король сослал если не на каторгу, то на далекие острова, докуда не доплывет ни один корабль и не доберется ни один ее любовник, в том числе и кентарийский вождь. Да и кому нужна такая любовница с наполовину окаменевшим лицом?

Я поежилась, вспомнив полный ненависти взгляд фессалийской королевы и понадеялась, что теперь это в прошлом.

— Вы, господин Ди-Тер, — наконец, произнес Ван Менг-Ли, — будете не единственным военным советником, приглашенным на императорский прием. Вместе с вами Золотоликий пригласил лучших воинов Альтара, начиная от высшего командного состава и заканчивая подающими надежду капитанами.

Уголек кулон обжег меня снова. Я выдохнула и со значением глянула на Дитера. Тот покачал головой и сказал:

— Продолжайте, господин министр. Это ведь не все.

— Скажите ему, — мягко проговорил Ю Шэн-Ли, медленно покачивая головой и

улыбаясь одним уголком рта. — Мой друг не отступится, пока не узнает.

Министр снова завел глаза, очертил над головой круг, совершая охранный ритуал, и выдохнул на одном дыхании:

— Еще Золотоликий пригласил на прием Оракула, Тысячеглазую и Всевидящую госпожу О Мин-Чжу.

Имя пронеслось по комнате как дуновение сквозняка. Я поежилась и плотнее запахла полы ханфу. И увидела, как бледнеет мой муж.

— Прекрасно, — сквозь стиснутые зубы процедил, наконец, он. — Просто превосходно! В преддверии войны Его Императорское Величество не довольствуется советом воинов, а полагается на пророчества колдунов? — он дернул головой и нервно ухмыльнулся. — Так, может, сразу позвать шарлатанов со всей империи? Ясновидящих, гадалок, прорицателей, чернокнижников всех мастей?

— Госпожа Оракул не шарлатан, — возразил Ю Шэн-Ли и его голос приобрел тяжелые металлические нотки. — Она мать-основательница монастыря в горах на плато Ленг, где растет священное дерево Гиш, попирающее головой небесный свод и дарующее нектар, столь необходимый в магических ритуалах. Однажды он помог и вам, мои друзья.

Альтарец поклонился, и я вспомнила, как он привез мне зелье подчинения, с помощью которого я смогла освободить Дитера из заточения и раскрыть предательство фессалийской королевы.

Я прижала ладонь к груди, умиряя пустившееся вскачь сердце.

— Дитер, — слабо позвала я, но муж не услышал.

— Нет, — твердо сказал он. — Я в отставке. Прошу меня простить, господа.

Ю Шэн-Ли тихонько цокнул языком, пожилой министр сощурил глаза до темных прорезей на его желтоватом как пергамент лице.

— Дитер! — позвала я громче и потянула мужа за рукав. — Нам надо поговорить.

— Поговорим потом, пичужка, — механически отозвался генерал. Я в отчаянии прикусила губу. Ну как он не понимает!

— Давай выйдем, прошу тебя! — взмолилась я по-фессалийски. — Это важно!

Он, наконец, повернул ко мне строгое лицо с прямым носом и упрямо сжатыми точеными губами. В зрачках закручивались золотые спирали, и я тоже почувствовала легкое головокружение и вцепилась в спасительный кулон. Заметив мой жест, Дитер расслабился и золотое свечение слегка померкло.

— Хорошо, — сказал он. Повернулся к альтарцам и, поклонившись, произнес: — Прошу меня простить, нужно посоветоваться с супругой. Дайте нам несколько минут.

— Пусть духи укажут вам правильный путь! — улыбнулся над друг Ю Шэн-Ли, а министр разрешающе махнул рукой.

Едва мы вышли за дверь, как я набросилась на Дитера:

— Ну как ты не понимаешь?! Это же такой шанс!

— Какой? — холодно возразил генерал, буравя меня колким взглядом. — Шанс снова стать марионеткой в чужих руках? Я наелся этим за долгие годы, поверь.

— Знаю, мой хороший! Знаю! — жарко заговорила я, прижимаясь к нему всем телом. — Я боюсь за тебя, страшно боюсь! И не хочу тебя потерять снова!

— И я не хочу, моя пичужка, — Дитер обнял меня в ответ и поцеловал в макушку. — Ну что ты вся дрожишь, милая? Моя сила теперь в моих руках, меня не напугать простым зеркалом, и я всегда буду рядом с тобой, буду защищать тебя, и только ради тебя хочу

остаться в нашей резиденции... Разве ты не хочешь того же?

— Хочу! — прошептала я, обвивая его шею и заглядывая в глаза. Его зрачки дрожали как темные озера, в глубине которых то тут, то там вспыхивали золотые огни. — Но еще больше я хочу знать, будет ли у нас ребенок...

Дитер вздохнул и замер, прижимая меня к груди. Его сердце глухо билось в грудную клетку, брови хмурились, между ними то появлялась, то исчезала глубокая складка.

— Я не доверяю оракулам и магам, — наконец, произнес Дитер, тщательно подбирая слова. — С тех пор, как мой отец герцог Мейердорфский отравил мою мать магическим зельем и обрек меня на пожизненные муки, я совершенно не желаю связываться с магией.

— Оракул основательница монастыря, — возразила я. — И разве ты сам не отправил прошение монахам-отшельникам на священное горное плато Ленг?

— Отправил, милая, — вздохнул Дитер. — Но не думал, что ответ придет так скоро...

— Видишь, это знак! — возликовала я, уже чувствуя, что понемногу пробиваю защитный панцирь генерала. — Если гора не идет к супругам Мейердорфским, то супруги Мейердорфские сами идут к горе!

— Не споткнуться бы по дороге, — проворчал Дитер и поцеловал меня в висок.

— Пока ты рядом, мне ничего не страшно, — ответила я и поймала своими губами его теплые губы. Дыхание Дитера пахло чайной свежестью, тепло разливалось между нами, и я снова растворялась в его сильных руках, в его поцелуе, в его ауре, дурманящей и немного опасной.

— Я генерал и привык побеждать на поле брани, — прошептал Дитер, лаская мой живот. — Но всегда проигрываю на поле любви, и всегда готов сдаться в плен красивой женщине.

— Любой женщине? — протянула я, на миг отрываясь от поцелуя и глядя в глаза василиска как в открытый огонь. — Однако, какой вы ловелас!

— Увы, женатый ловелас! — засмеялся Дитер.

— Жалеете? — вскинула я брови, запуская ладонь под его френч и поглаживая мускулы.

— Весьма.

— О чем же?

— Что не могу сделать свою жену счастливой, — ответил Дитер и снова привлек меня к себе. Я замерла, уткнув лицо в его грудь, вдыхая родной запах и тая от накатившей нежности.

— Ты обязательно сделаешь, Дитер, — прошептала я. — У нас все будет хорошо, я узнавала.

— Верю, пичужка, — ответил он. — Ведь ты моя Звездная Роза, упавшая с неба. А небожителям всегда виднее, как лучше устроить земные дела. — Поцеловав меня, Дитер игриво хлопнул по мягкому месту. — Теперь беги собираться. Завтра мы отправимся в альтарскую столицу.

2. Оракул

Утром меня разбудил не нежный поцелуй в щеку, а звук охотничьего рога, протрубившего едва ли не над самым ухом. Я вскочила, в испуге озираясь по сторонам, но увидела только довольно ухмыляющегося Дитера с рогом в руках.

— Ты! — возмущенно вскрикнула я. — Я могла умереть от испуга!

— Подумаешь, обычная армейская побудка, — пожал плечами Дитер.

— Ах, обычная! Так получи! — я запустила в него подушкой.

Дитер подушку поймал и прижал к носу.

— Мм... люблю запах теплой и сонной птички. Она так изящно машет крылышками, когда пугается!

— А еще я изящно машу сапогами сорок второго размера! — в тон ему ответила я и подхватила стоящий у кровати генеральский сапог. — Чей туфля? Твое? Готовься, сейчас будут пули свистеть над головой!

Дитер выставил подушку как щит и принял пафосную позу.

— Фессалийские драконы не сдаются!

— Русские и подавно! — я швырнула сапог, Дитер уклонился и с рычанием бросился ко мне. Я пискнула, ныряя в облако перин и подушек. Дитер навалился сверху и просипел:

— Сдавайся, птичка!

— Ни за что! — сказала я и поцеловала его в губы.

— Вот как! — выдохнул он, глядя глаза в глаза. В его зрачках закрутились золотые спирали. — Запрещенный прием?

— Еще нет, Ваше Сиятельство, — улыбнулась я. — Но сейчас будет...

Я скользнула рукой по его груди, оглаживая напряженные мускулы, чуть выпуклые нити шрамов, круговыми движениями обвела живот. Дитер выдохнул сквозь сжатые зубы и подтянул меня к себе. Его поцелуи обжигали кожу, ладони гладили живот и ноги, задирая подол ночной сорочки все выше и выше, пока не почувствовала, как моих бедер коснулась напряженная плоть.

— Вы... ненасытны, Ваше Сиятельство, — с придыханием произнесла я, дрожа от сладкой истомы. — Неужто мало ночи?

— Твой нектар... слишком дурманит разум... моя роза, — прошептал Дитер между поцелуями. — Его всегда мало...

Горячая ладонь скользнула между бедрами. Я застонала, откидываясь на подушки, и бесстыдно раздвинула колени. Тело горело, по венам пробегал ток, а может магия.

— Дитер! — прошептала я, выгибаясь ему навстречу.

Потом грохнула, открываясь, дверь.

— Ваше Сиятельство, карета подана! — во все горло прокричал Ганс.

Дитер зарычал, но не от страсти, а от ярости. Я залилась краской до корней волос, но не потому, что оказалась почти обнаженной перед ошарашенным взглядом адъютанта, а потому, что услышала отборную и виртуознейшую фессалийскую ругань из уст моего мужа, и единственными разборчивыми словами были:

— Куда прешь, болван? Не видишь, мы с супругой не одеты?!

Потом в несчастного Ганса полетел второй сапог, оставшиеся подушки и даже медный канделябр. Дверь захлопнулась снова, и уже потом послышалось приглушенное извинение:

— Простите, Ваше Сиятельство! И вы, Ваше Сиятельство! Но вы приказали подать карету к девяти утра! И вот я...

— Выполнил и свободен! — закричал Дитер и с неудовольствием глянул на часы. Я проследила за его взглядом и увидела, что минутная стрелка стоит аккуратно на двенадцати.

— Опаздываем! — в один голос вскрикнули мы и подскочили с кровати.

Мы разлетелись по комнатам. Жюли уже ждала меня, нервно перебирая гардероб.

— Не смела тревожить вас, фрау! — зачастила она. — Ганс сказал, вы с супругом, поэтому...

— Поэтому нужно скорее собраться! — выпалила я и схватила первое попавшееся платье-ханфу красивого желтого оттенка. — К нему подойдет красный пояс, как думаешь, Жюли? И вон те прелестные туфли. А волосы мне заколи так...

Второпах, я принялась сама помогать Жюли укладывать волосы в прическу, на что девушка поджимала губы и ворчала:

— И откуда только понабрались замашек? Где это видано, чтобы госпожа сама одевалась и сама прически делала? Если так дело пойдет и дальше, то господа скоро сами обеды готовить будут и полы мыть. А на что же тогда горничные?

Она хихикнула и покачала головой, словно укоряя меня в излишней самостоятельности. Я уже почти была готова, когда в будуар заглянул Дитер.

— Ах! — вскрикнула Жюли. — Ваше Сиятельство, нельзя мужчине...

— А супругу можно, — отрезал он и повел пылающим взглядом туда-сюда. — Мэрион, ты готова?

— Почти! — с улыбкой повернулась я, но вместо ответной улыбки наткнулась на плотно сжатые губы.

— С ума сошла! — ничуть не стесняясь Жюли, произнес он. — Заявиться к альтарскому Императору в желтом ханфу? Он подумает, ты собралась узурпировать его трон.

— Что за чушь! — возмутилась я.

— Желтый — цвет солнца, поэтому и носить его можно только Золотоликому, — отрезал Дитер. — Переодевайся, у тебя десять минут.

Дверь хлопнула. Я показала язык и со вздохом развязала пояс.

— Дикая страна и дикие законы, — поддержала меня Жюли, суетливо выбирая новый наряд. — Корсетов не носят, лица белят, губы красят ярко как у куртизанок. Фи!

Она показала мне нежно-изумрудное платье, и я дала добро. Зеленый всегда хорошо сочетался с моими ярко-рыжими волосами, в таком наряде я буду настоящей королевой весны и света.

Снова распахнулась дверь. Дитер, еще суровее прежнего, повел носом и брезгливо сморщился, увидев мой новый наряд.

— А это уже оскорбительно! — сказал он.

— Что опять?! — я уперла руки в боки и с вызовом глянула на мужа. — Герр Дитер, потрудитесь объяснить свое негодование!

— В Альтаре зеленый цвет считается цветом обмана, — сквозь зубы выцедил генерал, посверкивая золотом из-под нахмуренных черных бровей. — В том числе и супружеского. Здесь все еще в ходу выражение «носить зеленую шапку», что в переводе на фессалийский означает «наставить рога».

Я испугалась и робко спросила:

— Тогда, может, белый?

— Белый в Альтаре носят только на похороны.

— Черный?

— Привлекает злых духов.

— Да что ж тогда можно, дракон их раздери? — выругалась я, беспомощно оглядывая гардероб.

Дитер усмехнулся и оттопырил лацкан военного френча с золотым шитьем и узорчатыми эполетами.

— Красный, дорогая, — важно ответил мой генерал. — И поторопись, через пять минут

жду во дворе.

Проклиная всех духов, драконов, придворный этикет и собственную невнимательность, я принялась переодеваться в алый наряд с серебряными цветами и золотыми лентами. В пять минут я уложились с натягом и поспешила вниз, на ходу застегивая серьги.

— Ты уложились, — похвалил Дитер, указывая на цветочные часы, установленные посреди нашего дворика. — Еще немного и будет собираться не хуже моих подчиненных.

— Бывших подчиненных, — поправила я. — Напомню, Ваше генеральское Сиятельство, что вы в отставке.

— Скорее, в самоволке, — невесело усмехнулся Дитер и поправил темные очки, которые привычно закрепил вокруг головы ремешком.

— Решил вспомнить прошлое? — приподняла я бровь.

— Решил, что ни к чему сеять при императорском дворе панику, — в тон мне ответил Дитер и взял меня за руку. — Помни, дорогая. Что бы ни говорил Император и какие песни не пел, мы чужие в его стране. А я более того — захватчик. Ведь не будь меня, альтарские провинции не стали бы фессалийскими колониями. И нельзя сказать, что я сожалею об этом, — он пожал плечами. — Я только исполнял долг в интересах моей родины.

Мы пошли по аллее, подсвеченной золотистым солнцем. Сливовые сады почти облетели, скоро на них завяжутся плоды, и я подумала, что тоже подобна этим садам: созрела и расцвела, а теперь пришел срок плодоносить.

Когда мы вышли на лужайку, на солнышко набежало облачко. Дорожку закрыла тень, и я подняла голову, чтобы проверить, не собирается ли дождь. Но так и замерла с запрокинутым лицом.

— Дитер, — прошептала я, в страхе сжимая его ладонь. — Ди...

— Спокойно, милая, — донесся до меня мягкий голос мужа. — Это пэн, ездовая птица.

Я проглотила заставший в горле комок. Виверны, драконы... да кто угодно! Мне казалось, я видела уже все чудеса этого магического мира, но жизнь не готовила меня к встрече с птицей размером с трехэтажный дом.

— Мы полетим на ней? — шепотом спросила я, прячась за спину генерала и разглядывая темно-синие перья на исполинской груди, сложенные черные крылья и могучий клюв, нацеленный в небо. Птица подергивала головой, пытаясь избавиться от сбруи или от шор, закрывающих ее глаза. Медные когти скребли по земле, оставляя глубокие борозды.

— Пэн самая быстроходное животное, даже виверны не могут соперничать с ней, — сказал Дитер и мягко подтолкнул меня к птице. — Давай, не бойся.

— Сначала ты, — заупрямилась я. — Вдруг эта... этот Пэн голоден?

— Думаешь, он соблазнится мной в качестве пищи? Да во мне одни жилы!

— А во мне кости!

— Ну так иди первой.

— Да вот что-то камушек в туфлю попал, — я задрыгала ногой, делая вид, что вытряхиваю камушек. Дитер хмыкнул и, отпустив мою руку, подошел к птице.

— Видишь? — он похлопал ладонью по упругому боку. — Это совсем не...

Птица раскрыла клюв и издала такой ужасающе скрежещущий крик, что все волосы на моем теле поднялись дыбом, и я зажмурилась и приложила ладони к ушам, чтобы не оглохнуть. Но даже тогда все еще слышала звенящее эхо.

— Кажется, мне надо переодеться, — пробормотала я, дрожа и оглядываясь по сторонам в поисках путей к отступлению. — Да-да, я только сейчас вспомнила, что хотела

надеть совсем другое платье...

— Мэрион, не дури! — строго сказал Дитер и, вернувшись ко мне, потащил меня за руку. — Ну что за капризная жена мне досталась!

— Я просто не каждый день летаю на гигантских чудовищах, — попыталась оправдаться я, но меня никто не слушал. Дитер посадил меня на хорошо укрепленную складную лесенку, и сам полез следом, похлопывая меня по заду и не давая ни малейшего шанса на побег. На мое счастье, птица стояла спокойно. У основания ее шеи был закреплен паланкин, перед которым на жестком сиденье держался маленький альтарец в лихой алой шапочке и алой же куртке с кожаными заплатками. Подав мне руку, он заверещал что-то на своем птичьем языке, и я смутно поняла, что альтарец просит меня забраться в паланкин, пристегнуться и не высовываться до конца полета.

— Будто я собиралась! — пробормотала я и влезла в деревянную коробку, обшитую бархатом. Дитер влез за мной следом и сразу же проверил, хорошо ли я застегнула кожаные ремни, потом пристегнулся сам.

— Осторожно, двери закрываются, — буркнула я, осторожно выглядывая в окно. — Следующая станция...

— Дворец Императора! — подхватил Дитер и сжал мою ладонь.

Земля сначала ударила снизу, потом провалилась вниз. Я изо всех сил стиснула руку мужа и зажмурилась, вжимаясь в бархатное кресло, не слыша ничего, кроме клекота и ветра от взмахов исполинских крыльев.

Птица взяла курс на альтарскую столицу.

Все-таки к полету мне было не привыкать. Немного справившись с первым волнением, я выглянула в небольшое окошко. Внизу простирались обширные равнины, засеянные рисом поля, бамбуковые рощи и деревеньки, уютящиеся в долинах и по берегам извилистых рек. Я видела, как работают крестьяне, покрыв головы широкополыми соломенными шляпами, как дети бросают игры и задирают головы, что-то крича и показывая на нас пальцами. Тень от птицы утюжила землю, касалась кончиками крыльев горной ряды на юго-востоке. Там, по словам Дитера, высился самый настоящий вулкан. Альтарцы называли его «Спящий Мао» — при определенном ракурсе вулкан напоминал голову старика. Бытовало поверье, что Мао просыпается перед каким-то трагическими событиями вроде кровопролитной войны или эпидемии, поэтому альтарцы щедро сдабривали духа подарками два раза в год: весной закалывая молодого барашка, а осенью щедрым урожаем с полей.

— Говорят, Спящий Мао едва не проснулся чуть больше тридцать лет назад, — заметил Дитер, приобнимая меня за плечо.

— И что тогда произошло? — спросила я, не отводя взгляда от черной горной вершины.

— Родился я, — усмехнулся генерал и добавил: — На самом деле, тогда Фессалия колонизировала некоторые провинции Альтара. С тех пор этот год считается трауром в Империи Солнца.

— Это не более чем глупые предрассудки, — рассеянно сказала я, но смотреть в окно расхотелось. Я приникла головой к Дитеру и прикорнула на его плече, слушая, как гигантские крылья испарывают воздух.

Проснувшись я от поцелуя в висок и мягкого голоса Дитера:

— Вставай, соня. Мы почти прибыли.

Я замурлыкала на плече мужа, потерлась носом о его руку и зевнула.

— Так быстро?

— Хорошенькое дело! — отозвался Дитер. — Да ты двое суток проспала как сурок!

— Как двое суток?! — подскочила я, раскрывая глаза и выглядывая в окно. Птица замедляла полет и ее тень накрывала стенами из красного камня и изогнутые крыши типичной альтарской архитектуры.

— Ну хорошо, всего два часа, — примирительно сказал Дитер и тут же получил тычок под ребра. — Оу! У кого ты брала уроки единоборств?

— У тебя, врунишка несчастный! — ответила я и надула губы, впрочем. Быстро отошла, потому что птица пошла на снижение, и Дитер сгреб меня в охапку, пока нас обоих трясло и мотало, как горошины в банке. Хорошо, оба пристегнулись ремнями.

— После такой тряски я буду выглядеть как кикимора, — пожаловалась я, когда птица коснулась с земли, и нас хорошенько подбросило на мягких сиденьях.

— Тем лучше для меня, — ухмыльнулся Дитер, сверкнув золотыми искрами в глубине очков. — Меньше будет желающих заглядываться на мою жену.

— А вы, однако, собственник, Ваше Сиятельство!

— Настоящий тиран, — заверил он, целуя меня в губы.

Я ответила на его поцелуй, обвивая за шею и прижимаясь к груди.

— Мне немного страшно, — призналась я шепотом. — Как нас примет Император? Что скажет Оракул и вообще захочет ли увидеться со мной?

— Захочет, — пообещал Дитер. — У меня все хотят и делают. Добровольно и с песней.

— Суровый генерал, — улыбнулась я. — За что полюбила?

— За красивые глаза, — без запинки ответил Дитер, посверкивая стеклами очков, потом расстегнул ремни. — Ну, вот мы и прибыли, моя генеральша. И даже почти не опоздали.

Возница помог нам спуститься вниз, и мы очутились во внутреннем дворике, мощеном брусчаткой. Отовсюду с башен на нас щерились разинутые морды не то львов, не то драконов. Впереди аркой раскинулись ворота, пройдя сквозь которые, мы вышли к трехъярусной террасе из белого мрамора. Слева и справа тянулись зеленые аллеи, откуда-то звучала приятная расслабляющая мелодия.

— Зал Верховной Гармонии, — шепнул мне Дитер, указывая на скульптуру дракона, из пасти которого выкатывалось несколько зеркальных шаров. Я увидела собственное отражение, искаженное и перевернутое, и сама себе казалось пришельцем из какого-то иного мира... Впрочем, так оно и было.

— Эта скульптура называется Зеркалом Истины, — пояснил Дитер, даже не взглянув на дракона. — Говорят, в нем можно разглядеть истинное обличие человека. Если он добр, то будет выглядеть красиво и благородно. Если зол — будет напоминать чудовище.

Не сбавляя шага, Дитер зашагал по лестнице, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Мой муж не любил зеркал: совсем недавно, когда он еще не умел контролировать силу, собственное отражение могло убить его.

— Ты должна поклониться перед Золотоликим, — напутствовал Дитер. — Но ни в коем случае не становись на колени, даже если увидишь, что все стоят. Мы, фессалийцы, хотя уважаем альтарские законы, но не должны преклонять колен перед проигравшей стороной.

Я послушно кивала, поднимаясь следом за Дитером. Было немного страшно: какой он, альтарский император? Похож ли на надутого Максимилиана? Что скажет, когда увидит меня рядом с фессалийским генералом и о чем будет вести речь? Торжественное запустение напрягало, а воины, стоящие по бокам лестницы, казались неживыми.

— Они ведь не статуи? — шепотом спросила я, прижимаясь к Дитеру.

— Если это не те, кого я заколдовал на поле боя, то вполне живые, — усмехнулся генерал.

Показалось, что один из воинов шевельнулся, и я пригнула голову, стараясь быстрее пробежать под вскинутой алебардой.

Когда мы, наконец, взошли по лестнице, музыка заиграла громче и торжественнее. Я оглянулась через плечо и восхищенным взглядом окинула парк с аккуратными садами камней и маленькими пагодами, с бассейнами, в которых плавали пузатые золотые рыбки, и фонтанами в виде драконов с разинутыми пастьми. А впереди слуги уже открывали массивные двери из красного дерева. Я ожидала, что о нашем прибытии возвестят, но ничего подобного не случилось.

От самого порога через всю залу лежала красная ковровая дорожка. По ее правую сторону стояли мужчины, а по левую женщины. Увидела нас, они поклонились все, как один, и у меня зарябило в глазах от обилия алых одежд, которые лишь изредка разбавляли нежно-кремовые, фиолетовые и голубые тона.

Каблуки моих туфель цокали по каменным плитам, точно отлитым из золота, и блестящим до такой степени, что невольно резало глаза. Над головой проплывали алые бумажные фонарики, традиционные в Альтаре, между колонн возвышались рослые воины, закованные в доспехи от макушки до пяток. Шлемов не было, зато лица оказались одинаково выбелены, как у призраков, нарисованные брови были сведены над переносицей, что придавало воинам свирепый и устрашающий вид. Мужчины одетые в основном или в мужской вариант ханфу — длиннополые халаты с орнаментом, или шелковые рубашки навыпуск, военных было легко отличить по красным однобортным френчам с золотыми пычками на рукавах вместо погон. Женщины, разодетые более пестро, прятались за веерами и бросали на нас лукавые взгляды черных как угольки глаз.

— Осторожно, Мэрион, — шепнул мне вдруг Дитер. — Ты сейчас сойдешь с ковровой дорожке прямо на полы одежды Его Императорского Величества!

— Как это? — подпрыгнула я, с подозрением глядя под ноги и не сразу поняла, что золотые ленты, красиво окаймляющие ковровую дорожку, тянутся все вперед и вперед, к трону, возвышающемуся у дальней стены помещения, и крепятся к золотому одеянию, в которое оказался завернутым, как в панцирь, сухощавый старик с вызолоченным лицом.

— Я думала, это статуя! — тараща глаза, ответно шепнула я.

Дитер ухмыльнулся одним уголком рта, и, не доходя до трона, сложил ладони на уровне груди и поклонился.

— Пусть солнце освещает твой дом, о, Золотоликий!

Застывшие черты старика шевельнулись и губы сложились в тонкую улыбку. Старик простер правую руку вперед и проговорил дребезжащим голосом:

— Пусть солнце освещает и твой путь, Черный дракон Фессалии.

Я повторила жест Дитера, поклонившись и произнесла приветствие на альтарском. Старик качнул головой, отчего круглый диск, укрепленный над его головой и явно символизирующий солнце, тоже качнулся и от него отразились лучи многочисленных светильников, точно над тронном блеснуло настоящее солнце.

— И тебе солнечного пути, наследница Белого дракона.

— Благодарю, что оказал нам честь и предоставил политическое убежище, Золотоликий Ли Вэй-Дин, — сказал Дитер, смело поднимая голову и спокойно глядя на Императора

сквозь свои темные очки.

— Моя страна нуждается в сильных людях, — спокойно ответил Император. — Небесный Дракон указал мне путь, на котором сойдутся великие воины и мудрецы нашего времени, и только вместе мы сможем противостоять невзгодам, которые бьют нас, как град бьет посеvy, и мучают, как засуха поля.

— Я буду счастлив оказаться полезным Альтару, но не в ущерб моей родине, о, Золотоликий, — снова поклонился Дитер, и я повторила за ним, краем глаза наблюдая, как некоторые мужчины опустились на колени и жестикулируют, отгоняя злых духов. Может, суеверно гнали прочь несчастья, а может, слава Дитера бежала впереди него, и появление василиска при альтарском дворе само по себе являлось несчастьем.

— Теперь вы можете присоединиться к церемонии объединения, — провозгласил Император, разводя руки ладонями вверх. — Да будут ваши помыслы чисты, дух крепок, а сердце горячо!

— Теперь, к сожалению, мы должны разделиться, пичужка, — прошептал Дитер, погладив меня по руке. — Мужчины идут в залу Воинской славы, а женщины — в сад Безмятежности.

— И тут дискриминация! — возмутилась я, но тут же смягчилась и ответила: — Конечно, я подожду, мой генерал. Вспоминай обо мне, и тогда я буду чувствовать тебя рядом всегда.

Я намекающе потерябила кулон и поцеловала Дитера в щеку.

Было немного беспокойно за него, я отлично помнила, чем закончилась подобная встреча при дворе фессалийского короля. Но война — мужское дело, мне оставалось только ждать своего генерала с переговоров и слушать бесконечное щебетание альтарских девиц, расположившихся кружком на плетеных циновках под навесом, разрисованном драконами и птицами.

Я присела в сторонке, с благодарностью приняв из рук служанки маленькую глиняную чашечку с ароматным напитком, и принялась прихлебывать его, вслушиваясь в разговоры девушек. Они говорили довольно громко и совершенно меня не стесняясь, то поглядывая на меня со смешанным чувством любопытства и превосходства, то наоборот, игнорируя, будто я была мебелью. Наверное, они полагали, что я совершенно не понимаю по-альтарски, но ошибались.

— Как же не вовремя эта война! — говорила одна, томно обмахиваясь веером и с досадой поглядывая в сторону дворца. — Мне только сделал предложение любимый Чен, и будет обидно, если его заберут в армию.

— Не ты одна такая, подружка, — покачивала головой другая, с густо подведенными глазами. — Мои братья подали прошение самому Императору, чтобы их приняли на воинскую службу. А еще по нашим домам проходили сборщики податей и собирали лишние вещи и рисовые зерна на благо альтарской армии.

— И у нас ходили!

— И у нас! — донеслось со всех сторон.

— А хуже всего, что изъяли новые шелка и платья, которые я только что заказала из северных провинций! — подхватила еще одна девушка, высокая и худощавая по меркам альтарок. Ее прическу украшали длинные спицы с брильянтовыми подвесками, и при каждом повороте головы подвески качались и сверкали как маленькие ледяные сосульки. — Можете себе представить? Шелка они продадут, а на вырученные деньги закупят армейский

провиант! Все с ума посходили с этой войной.

«Конечно, — зло подумала я, опуская глаза в чашку. — Когда вашу страну захватит кентарийский вождь, у вас не будет ни шелков, ни драгоценностей. Для победы уж могли бы и потерпеть! Курицы!»

Ругнувшись про себя, я взяла вторую чашку, и на меня неодобрительно поглядела размалеванная красотка. Придвинувшись к художавой, она произнесла, слегка понизив голос:

— Я все-таки надеюсь, что Кентария остережется воевать с фессалийским драконом. Говорят, его взгляд обращает в камень...

— И не только говорят, но это действительно так, — кивнула художавая, и подвески в ее прическе подпрыгнули. — Вы видели, он явился в темных очках? Василиск проклят.

— А я слышала, что проклятие снято, — робко заметила скромная девушка, сидящая, как и я, чуть в стороне. Она была наряжена не так богато, как прочие, видно, происходила из бедного рода. — Разве не с той женщиной он явился во дворец? — она слегка качнула головой в мою сторону, и несколько пар горящих глаз воткнулись в меня как шпаги. — Я слышала, это его жена...

— Если это его жена, то я птица Пэн, — усмехнулась художавая. — Фессалийский дракон любит формы, а эта сухая и костлявая как рыба.

Я вспыхнула и едва не подавилась чаем. Да что они себе позволяют? Глянув поверх чашки, я уловила, как девушки сразу же приняли скучающий вид и, обращаясь друг к другу, слегка понизили тон.

— Откуда ты знаешь, Сю-Ин? — спросила у художавой та, что была с подведенными глазами. Худжавая надменно улыбнулась.

— Да потому, что фессалийский дракон сватался ко мне, — жеманно ответила она, и на этот раз я не смогла сдержаться и закашлялась. Девушки глянули на меня с презрением, но тут же отвернулись.

— Врешь!

— Когда успел?

— Когда только принял чин генерала, — кокетливо сказала Сю-Ин. — Да, да! И не смотри так насмешливо, Мэй-Ли! Василиск правда сватался ко мне, вот только я отказала!

— Почему же, Сю-Ин? — снова спросила та, сидящая в сторонке. — Разве плохая партия?

— Мой отец был против. Сказал, что отрубит василиску руку, если он попытается тронуть меня, — Сю-Ин гордо вскинула подбородок. — А все потому, что его жены после первой ночи обращаются в камень. Нет, отец не хотел мне такой участи. Хотя говорят, фессалийский дракон хорош в постели.

— Кто же говорит?

— Я тоже слышала, — вмешалась девушка с подведенными глазами. — Братья рассказывали, что по молодости василиск часто посещал «весенние дома» и развратничал с девушками-гунци, он хорошо платил, хотя и не всегда девушки выживали после связи с ним. Однажды он испортил одну хорошую гунци, и хозяин «весеннего дома» подал на него в суд, но фессалийский дракон откупился золотом.

Девушки захохотали, а я сжала кулаки, едва сдерживая крутившееся на языке колкости. «Весенние дома» — это, значит, бордели, а гунци — шлюхи. Я понимала, что Дитер вовсе не был ангелом, но слушать сплетни о его темном прошлом у меня не было ни сил, ни желания.

— Я тоже слышала про этот скандал, — важно закивала Сю-Ин. — Поэтому и отказала. Конечно, я приняла подарки и назначила свидание, но не пришла, и тогда он улетел обратно в свою Фессалию.

— Тогда ты разбила ему сердце, Сю-Ин! — закричала веселая Мэй-ли.

— Ах! — вздохнула та. — Надеюсь, это не из-за меня его сердце окаменело! Мне было бы жаль...

И кокетливо захлопала ресницами.

Этого я уже выносить не смогла. Поднявшись со своего места, я в два шага очутилась возле наглой стервы и, нависнув над ней, прошипела на хорошем альтарском:

— Если кто и мог разбить Дитеру сердце, то не такая ошипанная курица!

И, наклонив чашку, вылила весь чай на ее голову.

Девушка заверещала и подскочила, размазывая по лицу заварку и белила.

— Ах ты, нахалка! — взвизгнула она и опрокинула на мое платье свою чашку. — Стража, взять ее! Скорее!

Вместе с ней вскочили на ноги и другие, заохали, завизжали наперебой.

— Не забудь умыться, зебра, — сказала я и с достоинством покинула поле боя, не слушая истошных воплей и кипя от ярости. Теперь Альтар не казался мне таким дружелюбным местом. Любой двор — что альтарский, что фессалийский, — одинаков. Везде найдутся змеи, готовые облить тебя ядом. Я была уверена, что про любовь Дитера эта дрянь наврала, но все-таки кипела от злости, сжимая кулаки и шагая по аллее. Кровь стучала в висках, кулон немного обжигал — наверное, где-то поблизости была магия.

Подойдя к маленькому бассейну. Я села на край и принялась с ожесточением оттирать испачканный подол.

— Сплетница! — сквозь зубы цедила я. — Дрянь!

Казалось, что если бы я сама обладала даром василиска, то от нахалки не осталось бы и каменной пыли!

Глаза щипало от подступивших слез. Я шмыгнула носом и вытерла глаза.

— Возьми платок, — раздался над ухом незнакомый голос.

Я с удивлением обернулась и увидела пожилую женщину в фиолетовом ханфу и фиолетовой же накидке, ее лицо было скрыто тенью капюшона. Женщина протягивала мне носовой платок, и ее пальцы были желтыми, сухими и длинными, точно паучьими.

— Вытри слезы, Мария, — повторила она своим глубоким голосом, звучащим как будто со дна глиняного кувшина, и мое сердце тревожно сжалось. — Воину, вступившему на дорогу жизни, не пристало показывать слабость, особенно в самом начале пути.

Эта женщина знала мое настоящее имя! Имя, которое я почти забыла, ведь в новом мире меня никогда не называли Марией, только Мэрион. Откуда меня знает женщина? Кто она?!

Вопросы вихрем пронеслись в голове, но ни один задать я не успела. Женщина резко нагнулась над бассейном и прыснула в меня водой.

— Ай! — воскликнула я от неожиданности и сразу прислонила к щеке только что протянутый платок. Меня обрызгали снова, на этот раз холодные капли обожгли шею и плечо.

— Да что вы такое делаете? — возмутилась я, подскакивая с бортика бассейна.

Женщина с невозмутимым видом выпрямилась, но капюшон по-прежнему скрывал ее лицо, и я не могла понять, смеется она или нет.

— Иные невзгоды как вода, — нараспев произнесла незнакомка. — Они холодят тело и душу, но быстро высыхают, и завтра ты уже не вспомнишь про них

Тут она быстро нагнулась, и, подобрав камешек, бросила в меня. На этот раз я успела увернуться, в ужасе прикрывшись веером. Да эта женщина сумасшедшая! Бежать! Срочно бежать отсюда! Я заозиралась, выискивая пути к отступлению, и услышала, как женщина продолжает:

— А иные беды, как камни. Летят в спину и больно ранят, и эти раны долго заживают. Как те, что были на сердце фессалийского генерала. Но ты смогла исцелить его.

— Вы знаете и моего мужа? — я повернулась к ней, комкая в руках платок. Эмоции переполняли меня, сердце трепыхалось в груди, и я не знала, чего мне больше хочется: бежать, сломя голову, подальше от этой странной женщины, или сесть рядом и заглянуть под капюшон. Но в то же время при одной мысли об этом становилось жутко и слабели колени.

Словно уловив мою нерешительность, женщина похлопала ладонью по бортику бассейна и произнесла:

— Не бойся, дитя. Сядь рядом.

— А вы не будете больше брызгаться водой и швыряться камнями? — с подозрением спросила я.

Капюшон качнулся из стороны в сторону.

— Сядь! — сказала она так настойчиво, что ноги сами потащили меня к бассейну. Я почувствовала, как защипал угольно-черный кулон на моей шее и, посмотрев вниз, увидела, что он приподнялся, точно его притягивал к себе какой-то магнит.

Магнит, которым была странная женщина в фиолетовом одеянии. Которая знала мое настоящее имя и прошлое моего мужа.

Оракул?!

Догадка пронзила меня подобно молнии. Я плюхнулась рядом, подвернув полы ханфу.

— В жизни будет еще много невзгод, — сказала женщина, покачивая капюшоном, в тени которого не было видно лица, а голос выходил глухим и глубоким. — И тех, что холодят, как вода, и тех, что ранят, как камни. Но и тем, и другим свойственно заканчиваться. Помни об этом, малютка-воин.

— Почему вы назвали меня воином? — спросила я, заглядывая в черную тень, но снова ничего не увидела, зато услышала сухой смешок.

— Потому что ты уже боролась за свою любовь, — ответила она, и ее желтые цепкие руки снова вынырнули из широких рукавов. В пальцах замелькали длинные красные нити, сплетаясь в тугие узелки. — И придется побороться еще. За любовь, — один узелок появился и повис на плетеном шнурке. — За счастье, — появился и второй узелок. — За благоденствие на земле, — а вот готов и третий. — И за свое дитя.

Она затянула четвертый узелок, и внутри меня все заныло и свернулось в такой же узел.

— Что вы знаете?! — с придыханием воскликнула я. — Умоляю, скажите! Ведь я... мы... мы как раз приехали, чтобы узнать...

— Знаю, малютка-воин. Именно поэтому я здесь.

В паучьих пальцах замелькали узелки. Женщина перебирала их быстро-быстро, как четки, бормоча под нос:

— То не узелки, то плод завязывается. Завяжись, не развяжись, с каждым днем прибывай, полней возрастай. Начинаю, приступаю, дитя заклинаю. Волосы как у отца, глаза как у матери, в руках сила, в ногах прыть, сердце призвано любить. От той любви не будет

войны, от тех очей утихнет звон мечей. Вижу ясно, слово крепко... — женщина вздохнула, и меня окатило холодком. Паучьи лапки перестали мельтешить, теперь в них оказался браслет с узелками.

— Дай руку, малютка-воин, — сказала женщина.

— Что вы увидели? — испуганно спросила я. Бормотание еще отдавалось в ушах, я тряхнула головой, пытаюсь избавиться от этого звона.

— Все хорошо будет, — ответила Оракул. — Родится дитя, от него и счастье придет, и благоденствие наступит. Войны не будет, горя не будет. Сольется ваша с мужем любовь в один сосуд, и тот сосуд принесет в мир лад и покой.

— А сила василиска? — спросила я, протягивая руку и слегка касаясь пальцами узелков. — Проклятие не перейдет к ребенку?

— О том беспокоиться не стоит, — утешила Оракул. — Духи говорят: сила уже запечатана, не сковырнешь. Будет твое дитя в безопасности.

Изловчившись, она надела на мое запястье браслет. И он волшебным образом стянулся, плотно обхватил мою руку, и запульсировал теплом.

— Не снимай его, пока не разрешишься бременем, — сказала Оракул. — На тех узелках наговор на дитя завязан.

— Не сниму, — пообещала я и тронула узелки. Они совсем не мешали и казались крохотными и теплыми, приятными на ощупь.

— И за войну не беспокойся, — продолжила провидица. — Возле двери стоит, но за порог не перекатится. Если только...

— Что? — спросила я почему-то шепотом и снова похолодела.

Капюшон качнулся, послышался тяжелый вздох.

— Если только не раскроется Черное Зеркало.

Я с опаской поглядела на небо. Уже знала, что Черным Зеркалом называют созвездие, похожее на овальную рамку, внутри которой клубилась пустота. Легенды говорили, что это портал, и он открывается раз в тысячу лет. Возможно, через этот портал и я попала в Фессалию из своей родной России.

— А если оно раскроется? — прошептала я.

— Что находится за гранью Зеркала, то скрыто даже от глаз провидицы, — сказала она и снова вздохнула. — Однако же, опасайся Черного воина и человека с каменным сердцем.

— Что это значит?

Я содрогнулась. Никакого Черного воина в моем окружении не было, а вот человек с каменным сердцем... когда-то говорили, что у Дитера окаменело сердце. Проклятый от рождения своим отцом, он очерствел и замкнулся. Значит, мне нужно остерегаться собственного мужа?! Но ведь все закончилось! Дитер изменился, мы любим друг друга...

— Вы уверены насчет каменного сердца? — спросила я с надеждой. — Возможно, вы ошибаетесь?

— Оракул О Мин-Чжу никогда не ошибается! — отчеканила женщина и вздернула голову. Капюшон качнулся и принялся сползать назад. — Я вижу вокруг себя на двенадцать сторон, небо до самых звезд и землю до самых корней. Поэтому меня прозвали Тысячеглазой!

Капюшон упал и я, наконец, увидела ее лицо.

Гладкое, почти лишенное морщин, оно было испещрено извилистым узором татуировки, линии которой складывались в маленькие и большие глаза. А самих глаз не

было — вместо них я увидела сросшиеся веки, впалые и почерневшие, как грязный пергамент.

Оракул согнула длинный костлявый палец и покачала им перед моим лицом.

— Помни это, малютка-воин! Не открывай Черное Зеркало, иначе...

Я всхлипнула, ощущая, что мою голову точно сдавливает в тисках. Появилось ощущение падения, все поплыло перед глазами, горло сдавило, и кулон стал вдруг невыносимо тяжелым, он тянул меня вниз, в беспамятство. Я рванула цепочку и стала заваливаться назад, будто земля уплывала из-под ног.

Кто-то подхватил меня под руки. Потом я почувствовала, как щеки обожгло холодными каплями. Я замотала головой и застонала.

Опять! Опять эта странная женщина брызгает мне в лицо! Оракул...

— Оракул! — вслух произнесла я и распахнула ресницы.

Надо мной склонилось встревоженное лицо молодого альтарца. Миндалевидные глаза смотрели с сочувствием, тонкие ноздри трепетали.

— Вы в порядке, госпожа? — спросил незнакомец.

Я застонала и потянулась вперед. Молодой мужчина помог мне присесть на бортик бассейна.

— Может, воды?

Я замотала головой.

— Нет, нет... сейчас пройдет... пройдет. Где она?

— Кто?

— Женщина! — я в растерянности огляделась по сторонам. Рядом с нами не было ни души. Легкий ветерок перебирал ветками кустарников и будто нашептывал о чем-то. — Здесь была женщина в фиолетовом танфу. Оракул!

Незнакомец озадаченно покачал головой.

— Но здесь никого нет, — мягко возразил он. — Прошу простить мою дерзость, госпожа. Но я вас заметил еще в Саду Безмятежности и пошел следом. Вы немногосидели у бассейна, что-то шептали. Я боялся подойти, чтобы не нарушить уединение. А потом вы упали в обморок...

Так это был сон?!

Я схватилась за кулон: цепочка не порвана, кулон на месте, все такой же черный и теплый. Тронула запястье и вздрогнула, ощутив узелки. Нет, не сон! Все это было наяву! И Оракул, и предсказание, и подаренный браслет с узелками. Вот только где она теперь? Как странно!

Вздохнула, пригладив волосы. Сердце все еще взволнованно билось в груди, и я с раздражением глянула на альтарца.

— А вы кто такой? — наверное, не очень вежливо спросила я, но нервы все еще дрожали натянутыми струнами и в ушах стоял далекий шепот Оракула.

Альтарец выпрямился во весь рост, одернул португепю на алом военном френче и браво отчеканил:

— Спешу представиться, госпожа! Капитан альтарской армии Фа Дэ-Мин к вашим услугам! И я сражен вашей красотой!

Сражен красотой? Что ж, я сражена пророчествами.

Снова оглядев сад, я подобрала одежды и поднялась:

— Рада познакомиться, капитан. Но я бы хотела...

«... догнать ту женщину», — мысленно закончила я, но Фа Дэ-Мин ловко ухватил меня за локоть.

— Осторожно! — вскрикнул он. — Вы еще слишком слабы, а на плитах полно воды. Того и гляди поскользнетесь!

Я хотела возразить ему, что не какая-то альтарская неваляшка, но как назло мои каблукы поехали по влажным плитам, и я пискнула и сама ухватилась за плечо Фа Дэ-Мина.

— Видите, — укоризненно проговорил он, сжимая мою руку и поглаживая по внутренней поверхности локтя. — Вы еще не окрепли. Но кто же налил здесь столько воды? Наверное, какие-то дети...

«Или Оракул Тысячеглазая», — подумала я, с содроганием вспомнив татуированное и безглазое лицо пророчицы.

— Однако, — продолжил капитан, — сразу видно, что вы прибыли из другой страны. Откуда? Из Фессалии?

— Из России, — буркнула я. После малоприятного диалога с альтарскими курицами мне хотелось хоть немного сохранить инкогнито.

— Что-то такое вертится на языке, — озадаченно нахмурился Фа Дэ-Мин. — Оссия... это ведь та страна, где много...

— Диких ос, — кивнула я, снова предпринимая попытку подняться, а заодно стряхивая вцепившегося в меня капитана. — Это именно она. А теперь простите, мне нужно узнать, закончились ли переговоры у Его Императорского Величества...

— Полагаю, да, моя прекрасная госпожа, — снова заулыбался Фа Дэ-Мин, и я сморщилась. Надо же: уже и «его», и «прекрасная». Местные ловеласы столь же притки, как и фессалийские. Вот только мне прямо сейчас нужно было найти своего мужа. В голове еще крутились слова Оракула, кулон пощипывал кожу, и все, что говорил капитан, проносилось мимо моих ушей. Но он не умолкал, а продолжал: — Для меня честь, госпожа, познакомиться с такой прекрасной чужестранкой, как вы! Я еще никогда не был за пределами Альтара, и прибыл в Императорский дворец с честолюбивыми помыслами снискать почет и славу. Здесь, — он положил ладонь на эфес шпаги, — сила рода драконов Фа и благословение моего отца. Пределом моих мечтаний было участвовать в боях, победить и получить награду из рук Императора. Но теперь, — он вздохнул и сокрушенно качнул головой. — Теперь я хотел бы получить другую награду...

Фа Дэ-Мин со значением поглядел на меня, ожидая ответа, и я вежливо осведомилась:

— Какую?

— Награду от прекраснейшей женщины, какую я когда-либо встречал на своем пути! — в одно предложение выдохнул капитан. И, воспользовавшись моментом, он взял мою ладонь и прижался губами к запястью.

— Какая наглость! — вскрикнула я, подскочив и сразу же вырвав руку из его горячей руки. — Что вы себе позволяете?!

— Приношу вам во владение свое сердце и воинскую честь! — шустро ответил капитан. — Не было никого в подлунном мире: ни зверя, ни рыбы, ни птицы, ни человека, который оказал бы такое впечатление на меня! — он прижал ладони к груди и низко поклонился в пояс. — Ваша красота подобна падающей звезде. Ваши глаза — озера. Ваши губы — как створки раковины. Я буду счастлив служить вам, госпожа. Всего за один поцелуй...

Тут он снова разогнулся и попытался приобнять меня за талию. Я пискнула,

вывернулась из его объятий. Бросило в жар, да так, что вспыхнул и кулон, обжигая шею, и браслет с узелками, и я сама. Отбросив со лба волосы, я с возмущением ответила:

— Вы так ухаживаете за всеми женщинами, капитан? Следите за ними, лезете с непрошенными поцелуями. И, кажется, для вас не существует слова «нет»?

— Иногда «нет» означает «да», — лукаво усмехнулся Фа Дэ-Мин.

— В моем случае «нет» означает «нет»! — отрезала я и тряхнула головой, приглаживая рассыпавшиеся локоны. — Не могу сказать, что это знакомство меня порадовало, поэтому позвольте мне удалиться без лишних расшаркиваний. Я просто...

Запнулась, пожала плечами и, подобрав полы ханфу, быстро зашагала по аллее прочь.

— Позвольте хотя бы проводить вас! — закричал мне вслед Фа Дэ-Мин.

— Обойдемся без любезностей, — пробормотала я и ускорила шаг.

Но избавиться от настырного альтарца оказалось не так-то просто. Сначала я услышала торопливые шаги за спиной, потом меня снова поймали за локоть.

— Не так быстро! — срываясь, проговорил Фа Дэ-Мин. — Возможно, вы не знаете, что в Альтаре женщина не может отказать мужчине, если он начинает ухаживать за ней!

— Даже если самой женщине это не нравится? — огрызнулась я, смело глядя в темные глаза альтарца.

— Если бы тебе не нравилось мужское внимание, крошка, — капитан перешел на «ты», — то никогда не нарядилась бы как последняя альтарская...

— Кто?! — вспыхнула я, жар бросил в голову, от ярости стало трудно дышать.

— Твои чувственные алые губы говорят об одном, — хрипло проговорил капитан, подтаскивая меня к себе. — А твои глаза... О, твои глаза! Я сразу влюбился в них, как только увидел! Император Солнца охоч до чужеземных наложниц. Он обещал, что в награду лучшим воинам страны достанутся и лучшие девушки. Теперь я вижу, что это так!

Теперь его лицо было совсем близко: все еще красивое, но уже искаженное похотливым возбуждением. Приловчилась и пнула его в колено. Альтарец охнул, сжал зубы, но меня не выпустил. Вместо этого его глаза налились гневом, он еще крепче сжал мою руку и зашипел в лицо:

— Ах, так...

— Отпусти ее! — послышался за спиной знакомый голос, глухой от сдерживаемого гнева. Я вся затрепетала, когда поняла, кто пришел мне на помощь. Хотела выкрикнуть его имя — но все слова разом высохли в горле.

— Отпусти ее, — повторил Дитер, приближаясь медленно и вальяжно. Но я не обманывалась его расслабленной походкой: так мог бы двигаться хищник, примеривающийся перед прыжком. За черными стеклами очков вспыхивали и вертелись золотые огни, и я сразу же поняла, что генерал шутить не намерен. Но Фа Дэ-Мин не сразу узнал его.

— С какой стати? — самодовольно крикнул он. — Эта наложница обещана мне!

Дитер не повел и бровью.

— Неужели? — холодно осведомился он. — Я только что сидел от императора по левую руку в Зале Воинской славы. Как и дюжина других воинов. Но тебя там не видел. Ты прятался за колонной, птенец?

Фа Дэ-Мина тут же бросило в краску. Узкие глаза еще больше сощурились, но хватку он ослабил, и я, воспользовавшись, извернулась и отскочила на шаг.

— Или тебя вовсе не пригласили на совет? — продолжал Дитер ровно и размеренно,

точно вбивал гвозди. — Конечно, куда тебе! Только вышел из военной академии.

— Но уже капитан! — Фа Дэ-Мин сжал кулаки и вскинул подбородок.

— Благодаря протекции отца, — припечатал его Дитер. — Я помню господина Фа, он вел у нас тактику боя. Должно быть, старик совсем сдал, что послал вместо себя такого желторотого щегла, как ты. И капитанские погоны не спасут, со стороны вижу, чего ты стоишь.

— А ну, посмотри! — с вызовом крикнул Фа Дэ-Мин, разом забыв обо мне, и вытащил шпагу. — Давай! Подойди, чужак! Я намотаю твою трубуху на эту шпагу! О, она повидала множество фессалийских потрохов!

— Но сегодня затупится о василиска, — отрубил Дитер, и по моей спине россыпью покатались мурашки.

— Не надо! — крикнула я. — Не смейте!

Но никто из мужчин, кажется, не обратил на меня внимания. Капитан вдруг побелел и опустил шпагу. Острым концом она прочертила в мощеной тропинке черту и дрогнула в ослабевшей руке.

— Вижу, что узнал, — ровным тоном произнес Дитер и небрежно поправил очки. Фа Дэ-Мин отшатнулся, точно ему под нос сунули гадюку, поспешно отвел взгляд. Я сама чуть не отвернулась по инерции, хотя уже знала, что сила василиска находится под контролем. Но знали ли об этом другие?

— Узнал, — с трудом вытолкнул Фа Дэ-Мин. — Фессалийский дракон, любитель опиума и шлюх.

Он сказал это так, точно сцедил яд. Во мне все задрожало не то от возмущения, не то от обиды — за Дитера? За себя?

— Я прямо сейчас сниму очки, если ты не уберешься отсюда, — сказал фессалийский дракон и тронул оправу. — Буду считать медленно и вдумчиво. Итак, раз...

Капитан сглотнул. Сунул шпагу в петлю, обеими ладонями пригладил волосы.

— Два...

— Я не хочу разжигать международный скандал, — фыркнул капитан и горделиво выпрямился. — Эта наложница не стоит того.

Круто повернувшись на каблуках и не наградив меня даже взглядом, Фа Дэ-Мин прошел мимо, выбивая из брусчатки пыль.

— Дитер! — я радостно кинулась к мужу, но остановилась. Он все так же стоял на расстоянии, раздувая ноздри, и в его очках клубилась золотая мгла.

— Значит, — медленно и ровно произнес он, — пока я решал важные государственные дела, ты всю флиртовала с сомнительными типами?

— Это я-то?! — поразилась и вскинула возмущенный взгляд. Уж чего-чего, а подобных обвинений я не ждала! Особенно после слов, которые только что услышала от капитана и еще раньше от альтарских девиц. — Я едва успела выйти в сад, как...

— Вижу, — перебил генерал. — Птички любят скакать по чужим гнездышкам?

— А сам-то! — вспыхнула я. Его холодность и несправедливые оскорбления задевали. — Ты сам не прыгал ли по альтарским притонам?

— То было в прошлом! — вскинул голову Дитер.

— Откуда мне знать? — парировала я. — Та тощая дылда говорила так, будто свидание между вами происходило совсем недавно!

— У меня не было свиданий, пичужка! — с неприязнью ответил генерал.

— И у меня!

Какое-то время мы сверлили друг друга взглядами. В очках Дитера искрились золотые молнии, но я и не думала отводить глаза. Возмущение жгло грудь, я задыхалась от невидимой силы, сжавшей меня в тиски. А ведь я хотела рассказать ему про Оракула! Узнать, что сказали на свете... Но теперь ни слова от меня не дождется! Ревнивый осел!

— Хорошо, — наконец, выдавил Дитер, и отвернулся. Я вздохнула, дрожа от негодования. — Едем домой, Мэрион, — продолжил он устало. — Там поговорим.

И первым пошел по аллее, чеканя шаг.

3. Нет розы без шипов

Всю обратную дорогу мы молчали, надувшись друг на друга, как два ежа. Прибыв в поместье, я сразу же уединилась в отдельных покоях, сбросила одежду и попросила Гретхен приготовить ванну. Улыбчивая девушка, взявшаяся было расспрашивать о визите к Императору, увидела мою скисшую физиономию и сразу же отстала.

На ужин я не спустилась. Мерила шагами комнату, крутила плетеный браслет и шипела под нос:

— Надутый индюк! Ревнивый осел! За что полюбила? Где были мои глаза?!

Мои глаза радостно смотрели с портрета, нарисованного рукой Дитера и до поры, до времени установленного на мольберте в спальне. Я остановилась, с возмущением глядя на двойника.

— Чему радуешься, глупая? — строго спросила ее. — Никаких у тебя забот, вертишься под бумажным зонтиком. Позируешь этому... этому... сатрапу! У-у! — погрозила я кулаком.

Мэрион с портрета улыбалась загадочно, точно знала какую-то тайну. Теперь тайна появилась и у меня, да не одна, а целая куча. Что значит Черное зеркало? Кто такой Черный воин и человек с каменным сердцем? Почему мой ребенок остановит войну? Значит, война все-таки будет?

Я кружила по комнате, ероша волосы и лопаюсь от невысказанных мыслей. Поделиться не с кем, не в столовую же спускаться, к этому напыщенному...

Послышались четкие шаги. Так ходят только военные, и на этот раз я сомневалась, что муж пошлет вместо себя Ганса. Я слишком хорошо узнала Дитера, чтобы понимать: некоторые вещи он предпочитает решать лично. Например, обуздать строптивую жену.

— Опять капризы? — с порога спросил Дитер, растрепанный и хмурый, как воплощение одного из местных духов, например, огня — очков на генерале не было, но я хорошо видела, как переливаются жидким золотом его зрачки. Он оглядел комнату и язвительно произнес: — На этот раз обошлись без баррикад.

— На этот раз я в своем доме, — парировала я.

Дитер хмыкнул и сложил на груди руки.

— Сколько можно тебя ждать?

— Пока рак на горе свистнет, — раздраженно ответила я, выдерживая тяжелый взгляд мужа.

— Чудесно, у нас как раз омары на ужин.

— Я на диете. Пусть Жюли принесет мне салат.

— Спустись и возьми.

— Предпочитаю сегодня ужинать в одиночестве.

— Обиделась? — сощурился Дитер.

— Да, — прямо ответила я. — И жду извинений.

— За то, что тебя целовал какой-то прощельга?

— Не целовал, а цеплялся, как репей!

— Не заметил.

— Так закажи себе новые очки! — фыркнула я и отвернулась к портрету. Лопатки тут же обожгло горячим взглядом. Кулон на груди жег, и я понимала, что в Дитере сейчас бурлит магия.

— Не спустишься? — послышался его сдержанный голос.

Я упрямо мотнула головой. Не отвечая, генерал вышел из комнаты, нарочито сильно хлопнув дверью.

— Псих! — сказала я портрету.

Мэрион-двойник продолжала улыбаться.

Жюли принесла мне салат и куриные грудки с рисом. Я поблагодарила и задумчиво ела, глядя, как за окном облетают вишневые деревья. Теперь встреча с Оракулом казалась настоящим сном, я трогала узелки, чтобы убедиться в их реальности, и, поужинав, стала готовиться ко сну. Расплела волосы, переделалась в ночную сорочку.

— Вам постелить здесь, фрау? — спросила Жюли.

— Да, пожалуйста, — ответила я расстроенно и присела на краешек софы, подперев кулачком подбородок.

— Я знаю, как это бывает, — бросила Жюли как бы невзначай, взбивая перину. — Мы с Гансом тоже иногда ссоримся.

— И кто первым просит прощения? — угрюмо спросила я. — Ты или Ганс?

— В народе говорят, первым извиняется тот, кому дороги отношения, — лукаво улыбнулась Жюли. — Мы извиняемся одновременно.

Я вздохнула и подумала, что Дитер не станет извиняться никогда. Он генерал, герцог Мейердорфский и фессалийское чудовище. А я? Студентка из России.

За дверью снова послышались чеканные шаги. Потом она распахнулась, бумкнув по стене ручкой. Жюли испуганно подпрыгнула и выронила подушку.

— Ах, Ваше Сиятельство...

— Ты свободна, Жюли, — резко сказал Дитер, из-под ресниц сверкнули золотые искры. Девушка опустила голову и глянула на меня.

— Я велел оставить нас! — громче произнес генерал.

Жюли вжала голову в плечи. Но она не хотела бросать меня одну, эта смелая девочка. А мне не хотелось, чтобы у нее были неприятности с герцогом Мейердорфским. Поэтому вздохнула и тоже сказала:

— Иди, Жюли. Хорошей тебе ночи. Мы уж тут разберемся...

Девушка присела в реверансе и мышкой юркнула мимо генерала. Он перешагнул порог и встал, глядя на меня исподлобья. Шелковый халат, расшитый драконами, ощутимо пах вином.

— Снова за старое, Ваше Сиятельство? — выгнула я бровь.

— Пролил за ужином, — процедил Дитер.

— Скорее, залил за воротник.

Я подошла к кровати и стала нарочито медленно поправлять одеяло и раскладывать подушки. Дитер молчал, высверливая между моими лопатками Артезианскую скважину.

— Когда ты вернешься в нашу спальню? — наконец, спросил он.

— После дождичка в четверг, — ответила я.

Скважина в моей спине превратилась в Кольскую сверхглубокую.

— Сегодня пятница, — могильным голосом сказал Дитер.

— Значит, придется ждать еще неделю.

Он подошел ко мне, взял за плечо. Не сильно, но достаточно властно.

— Я. Хочу. Чтобы. Ты. Пошла. Со. Мной, — чеканно проговорил генерал.

— Привыкли, что все ваши желания всегда исполняются? — съязвила я, поворачиваясь к нему.

Генерал возвышался надо мной как разгневанный демон. Золотые огни вспыхивали и гасли, и я смотрела без страха, но с саднящей под сердцем досадой.

— Я привык делить супружескую постель, — ответил Дитер.

— Ну так придется отвыкать.

Пальцы на моем плече сжались.

— Не заставляй меня, Мэрион!

— Иначе что?

Вместо ответа генерал вдруг подхватил меня на руки и перекинул через плечо. Я завизжала на все поместье, замолотила ладонями по его спине.

— Отпусти! Оставь меня! Как ты смеешь!

— Смею. Я твой муж, — ответил Дитер и похлопал меня по мягкому месту, неприлично задранному кверху.

— Ты ревнивый осел!

— А ты упрямая ослица.

Сжав меня в объятиях, генерал пошел к выходу из комнаты. Пол закачался перед моими глазами, узор завертелся, как в детском калейдоскопе.

— Индюк! — выкрикнула я.

— Курочка моя, — бесстрастно откликнулся Дитер, упрямо шагая по коридору мимо опешившей Жюли. Интересно, о чем завтра будут шептаться слуги?

— Домашний тиран! — прохныкала я, понимая, что мне не удастся выскользнуть из железных объятий василиска и покорилась судьбе.

— И это моя самая привлекательная черта, — отозвался Дитер и, захлопнув ногою дверь нашей супружеской спальни, словно мешок с тряпьем свалил меня на кровать.

Тяжело дыша, я приподнялась на локтях, но сделать ничего не успела. Дитер плюхнулся рядом и навис надо мной, уперев руки в матрас.

— Ты моя жена! — прошептал он. — В горе и в радости, помнишь?

— А ты мой муж, — так же шепотом ответила я. — Но почему не слушаешь меня?

Он промолчал, оглаживая ладонью мою ногу. Ткань ночной сорочки скользила по коже, рождая в теле неясную дрожь.

— Потому что я слишком тебя люблю, — медленно ответил Дитер. — И слишком боюсь потерять...

— Настолько сильно, что сам отталкиваешь меня? — я заглянула в его серые глаза. В зрачках все еще кружились, вспыхивали и гасли золотые искры, и мой кулон наливался магией и гудел, приятно покалывая кожу крохотными электрическими импульсами.

— Я готов убить любого, кто прикоснется к тебе, — сказал Дитер. Теперь его ладонь скользнула на мой живот и принялась поглаживать его круговыми движениями, мягко лаская и массируя. Я задрожала от удовольствия и длинно выдохнула. Ткань сорочки теперь

натирала кожу и казалась слишком грубой. Ох, как хотелось сорвать ее! И, будто отзываясь на мои мысли, рука Дитера принялась задирать подол, скользя по коже и поглаживая мои бедра.

— Наверное, ты права, — продолжил он. — И я действительно ревнивый осел. Прости меня, Мэрион.

Волна удовольствия омыла меня изнутри. Я вздохнула от счастья и обвила шею Дитера руками.

— Прощаю, — шепнула я в его полураскрытые губы. — И ты меня прости за глупые капризы. Я сильно тебя люблю.

Потом поцеловала его.

Дитер застонал и одним движением задрал подол моей сорочки. Я приподняла бедра, чтобы поскорее избавиться от мешающей одежды, и Дитер помог стянуть сорочку через голову, оставив меня обнаженной и открытой.

— Ты так прекрасна, моя роза, — срывающимся голосом проговорил он. — Каждый раз пью росу с твоих лепестков и не могу напиться...

Он скользнул вниз, лаская губами мою шею, прихватывая груди и живот. Я застонала и запрокинула голову, растворяясь в его ласках. Кровь потекла жарче, восприятие стало острее, и я раскрылась перед Дитером, как раскрывается роза под первыми лучами солнца, ласкающими лепестки.

Теперь он тоже разделся донага и гладил меня между бедер, до дрожи, до слабости в коленях. Я мяла его плечи, бессвязно шептала слова любви. Его запах будоражил, его ласки сводили с ума. Под моими ладонями скользили упругие мышцы, он был весь мой, а я его. Дракон и роза, фессалийское чудовище и девушка ниоткуда.

— Хочу тебя, — шепнул он, прижимаясь ко мне разгоряченной плотью. — Я так тебя...

— Да, Дитер, — простонала я. — Да...

Он приподнял мои бедра, раскрыл меня, как раковину. Было жарко, было хорошо, и я сама подалась навстречу, с восторгом ощущая, как упругая плоть заполняет меня изнутри. Дитер начал двигаться, сначала размеренно и мягко, потом все больше наращивая темп. Я взяла его в тиски своих ног и рук, подхватила ритм, вжимаясь в Дитера, растворяясь в нем, становясь с ним одним целым. Еще... не останавливайся...

— Еще! — стонала я, кусая губы, целуя мужа, когда он наклонился ко мне. — Сильнее! Ох, Дитер!

Воздух вокруг нас наэлектризовался страстью и магией, между веками и глазными яблоками вспыхивали золотые искры, и магия клубилась во мне, набухая, как мыльный пузырь, состоящий из восторга и света. Вот сейчас... вот!

Я напряглась и задрожала, балансируя на грани оргазма. Потом пузырь лопнул.

Меня окатило пьянящей волной. Я задвигалась быстрее, закричала, почти теряя сознание от сладости и восторга, но в последнем порыве прижав Дитера к себе. И сквозь туманную пелену чувствовала, как он пульсирует внутри меня, дрожа и отдавая семя. И это было несравнимо ни с чем, что я чувствовала ранее: восторг и чувство наполненности. Мне этого так не хватало...

Ночь тянулась патокой, в окне ласково улыбалась луна, облетали лепестки цветов, а мои тревоги и печали облетали с души. Мы пили эту ночь без остатка, растворяясь друг в друге, становясь одним целым, потом я уснула на плече Дитера.

Мой сон был спокоен и глубок. Только под утро явился тревожный образ Оракула. Она

бормотала под нос непонятные мне заклинания и сухими пальцами перебирала узелки.

— Черное зеркало, — едва разбирала я слова. — Черное зеркало...

Узелки шелестели и терлись друг о друга как панцири жуков.

Я вздохнула и открыла глаза. Меня немного мутило, робкие солнечные лучи проникали сквозь тонкие шторы.

Дитера рядом не было.

Поднявшись рывком на подушках, я подтянула одеяло к подбородку и осторожно позвала:

— Дитер?

Никто не отозвался. Тишина стояла пугающая, сердце сдавливало тревогой.

— Дитер? — повторила я.

Зазвучали торопливые шаги. Дверь распахнулась и на пороге появился мой муж: растрепанный и радостный. Он держал поднос с двумя чашками чая и ароматными булочками и, закрыв дверь ногой, бодро произнес:

— С добрым утром, моя майская роза!

Тревога сразу же испарилась, и я с облегчением рассмеялась, откинувшись на подушки.

— Дурачок! — пожурила его. — Испугал!

— Да, утром я бываю страшнее, чем на войне, — Дитер задумчиво поскреб щетинистый подбородок, поставил поднос на столик и, наклонившись, поцеловал меня в губы.

— Мм, ты так сладка! — сказал он, погладив меня по животу.

— А тебе все мало! — я бросила в него маленькой подушкой.

— Драконьи аппетиты, — усмехнулся генерал и передал мне чашку. — Осторожно, не обожгись.

— Спасибо, любимый, — счастливо проговорила я и отпила свежий зеленый чай, который умели заваривать только в Альтаре.

— Как тебе спалось, моя роза? — заботливо спросил Дитер, тоже прихлебывая чай.

Я вздохнула и призналась начистоту:

— Под утро мне приснился неприятный сон...

— Надеюсь, не обо мне, милая?

— Об Оракуле, — ответила я и наморщила лоб, вспоминая ее имя. — Тысячеглазая О Мин-Чжу. Так, кажется, ее называют.

— Да, ты правильно запомнила, — Дитер продолжил улыбаться, но между бровями уже наметилась взволнованная складка. — Она говорила что-то?

— Перебирала узелки... и повторяла «черное зеркало»...

Складка обозначилась резче, Дитер отставил кружку и внимательно поглядел в мое лицо. В зрачках блеснул золотой огонек.

— Черное зеркало, значит, — повторил он и задумался. — Ты помнишь легенду про него?

Кивнув так, что рыжие волосы завесили лицо, я откинула их легким движением.

— Да. Зеркало Небесного Дракона, которое он нес в подарок своей Розе, но уронил, и оно раскололось на осколки. Так появилось великое множество миров, и раз в тысячу лет в Черном Зеркале открывается портал, через который к нам могут явиться духи из других миров. — Подумала и добавила: — Наверное, так я и попала в Фессалию.

— Наверное, — откликнулся Дитер и снова поскреб подбородок. — Пути Небесного Дракона неисповедимы. Но что значат ее слова про Черное зеркало? Какое-то

предостережение?

— Не знаю, — поежилась я. Сказать или нет про человека с каменным сердцем? А не примет ли Дитер это на свой счет? После того, как тебя с детства называют бездушным чудовищем, после стольких лет унижений и ненависти услышать такое из уст собственной жены будет ударом... Нет, нет! Лучше я скрою это до поры, до времени, тем более предсказания всегда так туманны...

— Жаль, что мы так и не встретили Оракула при дворце, — сказал Дитер, взял мою руку и поцеловал в ладонь. — Но ты так надеялась на это, вот и снится всякое.

Я вздохнула и сжала его пальцы.

— Любимый, — как можно мягче произнесла я. — Но ведь я встретила ее...

— Как? — Дитер выпрямился, еще не отпуская мою руку и не в силах поверить в то, что я сказала.

— Я. Встретила. Оракула, — ответила ему, открыто глядя в глаза.

Дитер отпустил мою руку и ласково погладил по плечу.

— Успокойся, любимая. Это был сон, всего лишь сон. Вот, выпей чаю, тебе сразу станет легче.

— Ты слышишь, о чем я говорю? — повысила я голос, отводя протянутую чашку. — Мне не приснилось это! Я встретила Оракула в Императорском саду, пока ты совещался в Зале Воинской славы.

— Нет, этого не могло случиться, — качнул головой Дитер. И что-то в его голосе заставило меня вздрогнуть и испуганным шепотом спросить:

— Но почему?!

— Потому что Оракул не приехала на совет, моя пичужка, — мягко ответил Дитер.

Я застыла, недоверчиво глядя на мужа. Рядом будто снова кто-то засмеялся, потом вспомнились слова капитана: «Рядом с вами никого не было». Так то был сон или не сон?!

— Гонец принес Его Императорскому Величеству извинения, — продолжил Дитер, — что Тысячеглазая О Мин-Чжу слишком стара и слаба, чтобы преодолевать такие расстояния. Она теперь навечно прикована к монастырю на горном плато Ленг, и если мы захотим, то можем сами навестить ее.

— Но кого же я видела тогда? — воскликнула я и выдернула руку из-под одеяла. — Я видела ее лицо! Оракул слепая, зато у нее татуировки в виде глаз по всему лицу! А это?! — потрясла браслетом. — Это как ты объяснишь? Точно такие узелки Оракул плела и во сне!

Дитер осторожно взял мое запястье и принялся поворачивать туда-сюда, однако, не дотрагиваясь до узелков.

— Она сказала про Черное зеркало, — продолжила я, захлебываясь эмоциями. — И что у нас будет ребенок! С волосами как у тебя, Дитер, и с глазами как у меня! И что бояться проклятия не надо, потому что малютка положит конец войне...

На этой фразе мой муж нахмурился еще больше и сжал губы.

— И она дала тебе этот браслет?

— Да-да! — закивала я. — Ты знаешь, что это? Она перебирала их как четки.

— Это старинный вид пророчества на узелках, — ответил Дитер. — Используется и в качестве заговора. Она сплела их при тебе?

Я снова энергично закивала.

— И сказала, что у нас будет ребенок?

— Будет, Дитер! — радостно сказала я и прижала ладонь к груди. — Разве не чудесно?

— Чудесно, — улыбнулся Дитер, но как-то бесцветно, и я забеспокоилась

— Ты не рад?

Дитер погладил мое плечо, наклонился и поцеловал в щеку.

— Ты же знаешь, птичка. Я хочу наследника не меньше тебя. Но сейчас не самое лучшее время для этого. Я должен сказать кое-что и тебе... то, о чем мы говорили в Зале Воинской славы. То, что решили...

Мое сердце застыло.

— Что вы решили? — одними губами спросила я.

— Положение крайне серьезное, Мэрион, — ответил генерал, выпрямляясь. — Кентария стянула свои войска на границе с Фессалией. Еще не объявляет войну, но приграничье жалуется, что на их земли совершаются набеги, посеы жгут, скот убивают, по домам ходят мародеры. В Южном море стоят кентарийские корабли. Фессалия просит Альтара выступить союзником в вопросе урегулирования этого конфликта. И Альтар согласен, потому что Кентария — наш общий враг.

Я ощутила, как внутри меня все переворачивается от страха. Война! Какое страшное слово. Она проходит катком по людским судьбам, и не щадит ни детей, ни стариков.

— Я так и знала, — прошептала, кусая губы от подкатывающих слез. — Так и знала, что они завербуют тебя...

— Меня невозможно завербовать, пичужка, — ответил Дитер. — Есть такая профессия: Родину защищать. Я рожден для войны, и вся моя жизнь была войной... правда, пока не появилась ты. Теперь мне есть, что терять...

— Так уйдем! — взмолилась я. — Поедем еще дальше, на плато Ленг, в пустынные земли. Куда угодно! Уедем, Дитер!

— И бросим людей на произвол судьбы? — он крепко сжал мои ладони, и я тоже сжалась, видя, как в глубине его глаз закручиваются золотые вихри. — Я никогда не был ни трусом, ни дезертиром! — пылко продолжал Дитер, и каждое слово падало вниз, как камень, тянуло нас обоих на дно. — Я люблю тебя больше жизни. Но и Фессалию люблю тоже. Ее заливные луга, ее горные кряжи, свое родовое поместье, своих скакунов и виверн. Я не могу допустить, чтобы разорили мой дом, чтобы сожгли портрет моей матери. Чтобы моих соотечественников растерзали кентарийские псы! Я должен предотвратить это все. Ради моей Родины! Ради будущего! Ради нашего ребенка...

Он поцеловал меня сначала в левую, потом в правую ладонь. И слезы, наконец, покатались по моим щекам градом.

— Но ты не на службе, — попыталась все еще возразить я. — Ты больше не генерал...

— Никто не подписывал мою отставку, — сухо возразил Дитер. Вскочил с кровати, прошел к секретеру, и вытащил конверт. — Вот, это передал мне Император. А я показываю тебе, Мэрион, потому что открыт и честен перед тобой. Потому что люблю тебя. Прочитай, пожалуйста.

Я взяла конверт в дрожащие руки, повернула, ища глазами адресат. Хотя и так знала, кто им являлся. Знакомый вензель на сорванной печати, инициалы и завитушками: «М.С.» и крупная цифра «четыре».

Максимилиан Сарториус Четвертый. Король Фессалийский.

Я вытащила письмо и принялась читать.

Пред. часть

Вперед

3–2. (обновление 12.05.17)

«Его Сиятельству герцогу, главнокомандующему Фессалийской армией генералу Дитеру фон Мейердорфу! — так начиналось письмо. Тут же виднелся королевский герб в виде извивающегося дракона, рядом подчищенная клякса. Мне подумалось, что король Максимилиан наверняка нервничал, когда писал это письмо. Вон и официоза в следующей строчке поубавилось: — Дорогой и возлюбленный кузен! Пишу это письмо с тяжестью на сердце, прошу дочитать до конца...»

Тут снова на бумаге расплывалась россыпь крохотных точек — интересно, Максимилиан Сарториус Четвертый пролил слезы или духи? Судя по аромату, второе.

«Ты знаешь, в какую сложную ситуацию попала Фессалия, — читала я дальше. — Не буду скрывать: в текущем положении дел виноват и я сам. Моя недалёковидность и мои амбиции помешали разглядеть пригретого аспида на своей груди, ядовитую кобру в королевском капюшоне, мою супругу, предательницу и отравительницу. Она, она, трижды проклятая Анна Луиза, столкнула кузенов лбами! Убила кентарийского посла! Предала Фессалию! И подвела нас к порогу войны».

Тут я едва сдержалась, чтобы возмущенно не воскликнуть:

«Гляди-ка! А вы, Ваше Величество, весь в белом!»

Я еще хорошо помнила, как он пытался шантажировать меня и обещал освободить несправедливо обвиняемого Дитера в обмен на мои заверения стать королевской фавориткой. Брошенный бумеранг всегда возвращается к тому, кто его бросил. Жалко ли мне было короля? Вряд ли. Верила я ему? Нет. Но все же читала дальше:

«Теперь змея и ведьма выслана из страны и навеки заточена в башне, где не пробегает дикий зверь и не пролетает птица, и уж тем более не ступает нога человека. Так, навеки мучаясь от вины и справедливого наказания, Анна Луиза умрет, а ее имя станет нарицательным для черных колдунов и предателей Родины. И поэтому повторяю снова и снова: я был несправедлив к тебе, дорогой кузен Дитер. К тебе и твоей супруге Мэрион. За что низжайше прошу прощения. Мне, королю, не пристало смиренно молить, но если бы я стоял сейчас перед вами обоими, то вы бы увидели, как я преклоняю колени. Не оттого, что сам нуждаюсь в жалости и прощении! О, нет! А оттого, что болею сердцем за свою Родину, свою Фессалию...»

«Ищи дурака!» — зло подумала я и закусила губу.

«Кентария угрожает войной, — так продолжал писать король, все более поспешно, буквы складывались в неразборчивые завитушки. — Она еще не объявлена, мы изо всех сил пытаемся сдержать натиск врага. Каждый день мои послы отправляются на переговоры, но не приходят ни к чему. Кентарийский вождь опасен и зол, он отрицает, что его армия опустошает приграничные земли. Но мне со всей границы поступают неутешительные сведения, будто некие черные воины, — тут я вздрогнула, и буквы перед глазами качнулись, — всю мародерствуют в крестьянских домах и маленьких городках. Все чаще случаются пожары и падеж скота, вода в колодцах оказывается загрязненной, и люди мучаются животами и инфекциями, посевы гибнут. Мои солдаты пытались дать отпор черной кавалерии, но те пропадают без следа, словно призраки. Нет никаких опознавательных знаков, никаких доказательств, что мародеры связаны с Кентарией, однако, всадники каждый раз появляются со стороны границы, а мои подданные слышали кентарийскую речь. Поэтому фессалийские мудрецы уверены, что черные всадники

являются духами или демонами, с помощью магии призванными кентарийским вождем в наш мир с той стороны Черного зеркала...»

Мои руки задрожали так, что я едва не выронила письмо. Пульс колотился крохотными молоточками, дыхание перехватывало. Я не смела поднять на Дитера глаз, чтобы он не заметил моего волнения, но он все равно чувствовал меня, а я ощущала, как макушку жжет сверлящий золотой взгляд моего василиска.

«Прошу и умоляю, мой дорогой кузен, — дочитывала я, скользя по прыгающим строчкам, — не я один прошу ради живота своего, а просит вся страна, весь несчастный народ Фессалии: спаси нас! Во имя Родины! Во имя малых и сирых, обиженных и убитых, во имя своих солдат, ждущих командира, который поведет их в бой, и во имя будущего.

За сим раскланиваюсь и припадаю к стопам, трижды несчастный король Фессалии и твой провинившийся кузен Макс».

— Кузен Макс! — повторила я, опуская на колени письмо. — Хорошо же он умеет подольститься! Когда помощь нужна ему — так он любящий кузен, а когда нам — так король, и слово его закон!

— Он престолонаследник, — ответил Дитер, цедя слова сквозь зубы. — Родился таким. Я поглядела на мужа снизу вверх: даже в домашнем халате, хмурый, сосредоточенный, с твердым подбородком и расправленными плечами он сразу выдавал принадлежность к военным.

— А ты солдат, — тихо и задумчиво проговорила я. — Родился таким.

Все пророчества, что говорила Оракул, вдруг обрели пугающий и очень реальный смысл. Черные воины, пришедшие с той стороны Зеркала, посланники иных миров. Война, конец которой положит мое дитя с большим сердцем, полным любви. И мой Дитер, который всегда будет делать то, что считает правильным, который не предаст своих соотечественников и друзей, который...

— Люблю тебя, пичужка, — сказал Дитер и обнял меня крепко-крепко, точно прощаясь, прижал к груди. Я затихла в его руках, уткнув нос в грудь, и думала ни о чем и обо всем сразу, слышала, как он говорит мне нежно и тихо: — Ты появилась словно звезда. Вспыхнула и озарила мой темный мир, в котором не было любви, а только одиночество и холод. Я не помню о прошлом, я без тебя не жил. Но все же я не могу предать Фессалию. Ты понимаешь?

— Понимаю, — всхлипнула я, приподнимая мокрое лицо. — Я тоже была совсем другой... ты не знал меня прежней, Дитер! Какой я была глупой и смешно! И как повзрослела с тобой, раскрылась, как роза, цвела для тебя! Что будет со мной, если ты уйдешь и... никогда... не верне...

Я проглотила окончание слова, слезы душили, стояли в горле комом. Дитер наклонился и принялся осыпать поцелуями мое лицо, ловил своими губами мои губы, пил мои слезы, шептал на ушко:

— Ну что ты, птичка? Успокойся, моя маленькая. Это будет не первая военная кампания, я профессионал, я василиск, гроза и гордость Фессалии. За моей спиной будет весь Альтар, а в моем сердце — ты одна. Что со мной может случиться, пока ты молишься обо мне и ждешь?

— Жду? — я на мгновенье отстранилась и принахмурила брови. — Разве ты не возьмешь меня с собой?

— В армию? — в свою очередь нахмурился Дитер. — Какие глупости! Война — это

кровь, грязь, постоянные походы. Я не хочу подвергать тебя опасности!

— Почему? — с жаром подхватила я, развивая мысль. — Я могу оставаться при штабе. Могу помогать тебе советом или тихонько ждать с задания. Только позволь быть рядом! Знать, что с тобой все в порядке!

— Я буду писать письма.

— Письма не посмотрят ласково, так, как ты, — возразила я. — Не обнимут, не поцелуют, не передадут твой запах. Бумага мертва, а мне нужен живой Дитер. Такой, как сейчас!

— Ты не знаешь, чего просишь! — мой генерал аккуратно отстранился и поднялся на ноги. — Женщине не место в армии, это дурная примета.

— А куртизанки, значит, примета хорошая? — парировала я, тоже вскакивая и упирая кулаки в бока.

— Это совсем...

— Что? — вспыхнула я, комкая подушку. — Другое? Уу! Только попробуй сказать, что это другое. И получишь подушкой... нет, вот этой чашкой! Нет, подносом по лбу!

Я намекающе постучала по подносу на столике, и Дитер обмяк.

— Прости, — пробормотал он. — Конечно, я не собираюсь изменять тебе, пичужка. Клянусь! Но все-таки не могу рисковать твоей жизнью.

— Обещай хотя бы подумать!

Дитер вздохнул, обогнул кровать и подошел ко мне, взял мои ладони в свои.

— Обещаю, — тихо сказал он, глядя в мое лицо. — Я обещаю, пичужка. Я слишком тебя люблю...

Мы обнялись и стояли так, вжимаясь друг в друга и слушая, как внизу топчет прислуга, как за окном шумят сады. Я не знала, сколько нам отмерено времени перед расставанием, и не хотела терять ни минуты.

Этот день принадлежал нам. Мы гуляли по тенистым аллеям держась за руки и переговариваясь обо всякой ерунде. Смеялись, играя в салки. Дитер прокатил меня на виверне, и я немного поуправляла Крошкой Цахесом в небе, отдаваясь восторгу полета и стараясь не думать о завтрашнем дне. К ужину небо заволочло тучами, в отдалении порывивала гроза, и Дитер извинился и сказал, что ему нужно навестить Ю Шэн-Ли, так что к ужину его ждать не нужно.

— Лучше погрей мне кровать, дорогая, — с улыбкой сказал он. — Когда я вернусь, то сразу приду к тебе, моя роза.

— Я буду ждать моего дракона, — прошептала я, целуя мужа в губы и приглаживая его непослушную седую прядь за ухом. — Но если ты не вернешься, поднос все-таки познакомится с твоим упрямым лбом, договорились?

— Слушаюсь и повинуюсь, госпожа, — расшаркался Дитер.

Одной мне было не по себе. Вечер тянулся, ливень обходил нас стороной, но где-то далеко посверкивали белые нити молний, а здесь тихонько шуршал дождь, сбивая со сливовых деревьев последнюю цветочную пену. Я легла рано и читала под светом лампы, прислушиваясь к каждому шороху. Дитер не обманул: он явился к полуночи.

— Что сказал Шэн? — спросила я, откладывая книгу и выжидая, пока Дитер разделется.

— Он тоже собирается в составе отряда как переговорщик, — ответил генерал, юркая ко мне в постель и прижимаясь холодным боком. Я вскрикнула и оттолкнула его ладони.

— Брр! Лягушонок!

— На улице дождь, мой цветочек, — усмехнулся Дитер. — Согреешь усталого путника?

— Если только усталый путник скажет, что он решил по одному маленькому вопросу, — надула губы я.

Дитер засмеялся и поцеловал их.

— Скажу завтра. Утро вечера мудренее.

— Обещаешь? — я ответила на поцелуй и обвила его гибкими руками.

— Обещаю, пичужка, — шепнул он, лаская мое тело, так что вскоре меня бросило в жар. Я отзывалась на его ласки стоном, как хорошо настроенный музыкальный инструмент. Касания Дитера были легки и умелы, страсть и магия снова клубилась вокруг, накапливая статическое электричество и покалывая наши тела крохотными молниями удовольствия. Мы снова занимались любовью, сначала размеренно и нежно, потом напористее и грубей. Я кричала, содрогаясь в сладостных судорогах и ощущала, как внутри меня выбрасывает свое напряжение Дитер. словно губка, я впитывала его любовь каждой порой на коже и все не могла насытиться. И провалилась в счастливое забытие, обвивая Дитера руками. Наверное, я улыбалась во сне, и в ту ночь меня не беспокоило ни Черное зеркало, ни Оракул, заплетающий узелки.

Разбудил меня мерный стук по подоконнику. Открыв глаза, я долго не могла понять, почему за окном все еще темно. Большие настенные часы показывали девять утра, за окном едва брезжил серенький рассвет, и стук, разбудивший меня, оказался морозящим дождиком.

— А дождь все идет и идет, — спросонья пробормотала я и повернулась с боку на бок, чтобы приветствовать Дитера поцелуем. Но рядом на подушке никого не было. Постель оказалась пуста и прохладна: если Дитер и проснулся, то сделал это довольно давно.

— Милый? — позвала я, потягиваясь и протирая глаза. Наверное он, как и вчера, уже вышел в гостиную, чтобы налить чая и принести его в постель. На сердце потеплело, и я улыбнулась, заплетая в косу растрепавшиеся волосы. Мой взгляд упал на прикроватный столик, где, придавленная пресс-папье, лежала вдвое свернутая записка.

Расслабленность сразу покинула меня, вместо нее сердце кольнуло тревогой. Схватив записку, я развернула ее и тут же прижала к груди ладонь: внутри, под ребрами, что-то назрело и лопнуло, обдав меня слепящей болью.

«Моя дорогая, любимая Мэрион! — начиналось письмо. — Я хорошо подумал и принял решение. Я генерал фессалийской армии и останусь им, поэтому сегодня же на рассвете приказал оседлать виверн, и, когда ты прочтешь это письмо, я и Ганс уже будем в Альтарской столице. Нет розы без шипов, а любви без разлук, поэтому прости, что дал ложную надежду, но подвергать тебя опасности не хочу. Прости, что уехал так рано, не разбудив тебя, расставание слишком тяжело для нас обоих. Я поцеловал тебя в щеку... да-да, как раз туда, возле ушка, где ты когда-то отрезала локон, чтобы получить у монахов-отшельников зелье Гиш. Я остаюсь с тобой навеки душой, а ты приходи ко мне во сне, ладно? Жди, и я обязательно вернусь. Твой сердцем и душой, вечный солдат Фессалии, Дитер».

Письмо выскользнуло из рук и закружилось, падая на простыню. Я подскочила с кровати, но едва не упала от головокружения, ухватилась за подголовник и слабо позвала:

— Жюли... Жюли!

Сначала было тихо, потом за дверь застучали drobные шаги, и в комнату заглянула не Жюли, а Гретхен.

— Простите, фрау! — испуганно проговорила она. — Она не может подойти, ее муж,

Ганс, утром без предупреждения отбыл вместе с герцогом в неизвестном направлении.

— И Ганс! — в отчаянии проговорила я и закрыла лицо руками. — Что же вы наделали... что же...

Я глубоко вздохнула, утерла выступившие слезы и отчеканила:

— Прикажи конюхам седлать виверн, Гретхен.

Девушка помялась у порога и мотнула головой.

— Виверн нет, — осторожно ответила она. — Его Сиятельство и герр адъютант уехали на них верхом.

— Тогда пусть оседлают коней! — закричала я, и откинула косу за спину. Она хлестнула меня по лопаткам, точно подстегнула в спину. — Скорей, Гретхен! Скорей!

— Вы хотите догнать Его Сиятельство? — всплеснула руками служанка. — Но это невозможно! Виверны слишком быстро летят, а господа слишком рано отбыли, не сказав никому и слова, даже слугам!

— Знаю, — отчеканила я. — Поеду в поместье к Ю Шэн-Ли. Мне, как и Дитеру, есть что с ним обсудить.

4. Умник и Забияка

На улице было свежо, в карете — душно, на душе — тоскливо.

Я комкала в руках платок с инициалами Д.М., от него все еще пахло духами Дитера: крепкими, с табачными нотками. Я подгоняла кучера, умоляя ехать быстрее. Только бы успеть! Только бы Ю Шэн-Ли не умчался вместе с Дитером! Тогда я останусь совсем одна, в опустевшем поместье, и мне останется только ждать, ждать, ждать... Бог, знает сколько времени! Я не смогу вынести этого постоянного ожидания и одиночества! Я не за это сражалась с фессалийскими монархами, и не собираюсь сдаваться!

Пагода Ю Шэн-Ли заметна издалека. Покатые крыши с золочеными коньками выныривали из облетающей пены садов, на воротах — красно-белый дракон. Посматривал на меня мудрым сапфировым глазом и усмехался в длинные усы, словно спрашивал:

«И что ты собираешься делать, пичужка?»

— Сама не знаю, — пробормотала я и вошла в калитку. Лакей-альтарец смотрел на меня вопросительно и немного с недоверием. Наверное, я выглядела слишком воинственно для женщины: растрепанные волосы, собранные в простой хвост на затылке, шерстяное платье для конных прогулок, минимум украшений, максимум напора.

— Дома ли господин? — спросила я по-альтарски.

Лакей поклонился, сложив ладони на груди.

— Дома, госпожа, — ответил он, не поднимая взгляда. — Но занят сейчас, он собирает вещи к отбытию.

— Так и знала! — с досадой воскликнула я. — Мне нужно его видеть!

— Что доложить господину? — снова поклонился альтарец.

— Что его хочет видеть одна фессалийская птица, — раздраженно ответила я. — Мэрион. Передай, что его хочет видеть Мэрион фон Мейердорф.

Лакей поклонился опять. Я прикрыла глаза, подумав, что больше не могу выносить этих поклонов и прочей этикетной мишуры. Но, взяв себя в руки, пошла по мощеной тропинке следом за альтарцем, ругаясь про себя, что лакей идет так медленно. Что ж, в Империи Солнца не терпели суеты.

«Наверное, поэтому их и захватили фессалийские драконы!» — хихикнул кто-то над

ухом препротивным голосом. Кожу кольнуло на уровне кулона. Я схватила за него и завертела головой, пытаюсь понять, кто говорит? Рядом не было никого, только ветви шелестели под порывами ветра да мелкий дождик моросил и тихонько постукивал в навес.

Показалось... Выдохнув, вошла следом за лакеем.

Каждый дом — отражение хозяина.

Замок Мейрдорфского герцога и моего мужа был потемневшим от времени и случившегося там пожара, он хранил древнюю историю, местами мрачную, местами романтическую, и благодаря реставрационным работам расцветал на глазах, впуская все больше солнечного света и любви.

Дворец короля Фессалии — нагромождение золота и безвкусицы, слишком богато, слишком броско, снаружи помпезно и пусто внутри.

Дом Ю Шэн-Ли был крепким и очень уютным, обставленным почти аскетично, но с альтарским изяществом. Здесь пахло сандалом и дымом, в кабинете посла развешены изречения мудрецов в рамках красного дерева и коллекционные кинжалы. Сам Шэн в черном одеянии сидел на циновке, поджав ноги, и пил чай.

— Пусть солнце освещает твой дом, — поприветствовала я.

Ю Шэн-Ли улыбнулся и указал на место рядом с собой.

— Раздели со мной чаепитие, Мэри-Он. Последнее, которое я совершаю в родном доме перед тем, как снова надолго отправлюсь на чужбину.

Я сняла туфли и опустилась на циновку, принимая из рук красивенькой служанки теплую чашку. Ю Шэн-Ли не был женат, но наверняка сожительствовал с одной из своих служанок. А, может, и с несколькими, в Альтаре это не возбранялось, поэтому не было ничего удивительного в том, что нахальный капитан принял меня за императорскую наложницу.

— Спасибо, Шэн, — искренне поблагодарила я и отхлебнула ароматный напиток. — Мм, как вкусно!

— Твое наслаждение радует меня, — нараспев проговорил Ю Шэн-Ли. Он улыбался, но глаза были сосредоточены и серьезны. Он знал, зачем я приехала, и готовился к неприятному разговору.

— Не будем тянуть, — я сразу перешла к делу. — Шэн, я приехала, чтобы поговорить о Дитере.

— Разумеется, — ответил альтарец и снова отхлебнул чая.

— Вчера он приезжал к тебе, — продолжила я, следя, чтобы голос нигде не дрогнул. — С утра же собрал вещи и покинул поместье. Я знаю, он уехал в Фессалию.

Сделала паузу и из-под полуприкрытых ресниц окинула альтарца взглядом: тот сидел, выпрямив спину в струнку, невозмутимый, как гипсовый божок.

— Ты не отговорил его! — продолжила я, отставляя чашку. Кулон снова кольнул жаром, но я не обратила внимания. — Почему ты не отговорил его?!

— Я не собирался, — качнул головой Ю Шэн-Ли. — Когда родине угрожает опасность, мужчине приходится принимать трудные решения. И Дитер их принял. Он настоящий мужчина и настоящий воин. Это его долг.

— А какой долг у меня? — прошипела я, сглатывая не вовремя подступившие слезы. — Ждать, пока его убьют? Сидеть над рукоделием с утра до вечера? Отсчитывать дни, пока цветы на вишнях сменяются плодами, а те потом собирают служанки на варенье?

«Киндер, кюхе, кирхе[1]», — подсказал все тот же ехидный голос, который я слышала

раньше в саду. Кулон подскочил, как живой, и я накрыла его ладонью.

«Так что в этом плохого? — возразил другой призрачный голос, мягкий и теплый, отозвавшийся в кулоне легкой вибрацией. — Женщина — очаг, и нашей Мэрион подходит домашний уют».

«Синичке подходит уют, пока орлы не заклюют, — подколот первый. — Черные воины сейчас опустошают приграничье Фессалии, а скоро придут и в Альтар. Как долго нам бегать, скажи пожалуйста, Умник?»

«А тебе лишь бы воевать, Забияка! — обидчиво парировал мягкий голос. — А что ей остается? Не на войну ведь ехать!»

— Довольно! — вскрикнула я и зажала уши ладонями. Сердце колотилось, в голове стоял звон, и Ю Шэн-Ли сидел напротив с очень удивленным выражением лица.

— Прости, — пробормотала я, заливаясь краской. — Не пойму, что со мной творится. Наверное, от волнения...

Взяла чашку трясущимися руками и сделала большой глоток.

— Понимаю, — мягко сказал Ю Шэн-Ли. — Трудно принять выбор, еще труднее решить, что делать самому.

— Не знаю, — выдохнула я и почувствовала, как слезы обожгли веки. — Я не знаю, Шэн. Я так люблю его... и так за него боюсь!

Ю Шэн-Ли поднялся и подошел ко мне, погладил по волосам широкой и теплой ладонью.

— В Альтаре говорят: разлука для любви, как ветер для огня. Слабую гасит, а большую раздувает. Ты справишься, Мэрион. Не зря Небесный Дракон послал тебя Дитеру. Он скоро вернется, обещаю.

— А если нет? — я подняла заплаканные глаза. — Я знаю про черных всадников. Знаю про угрозу, которую несут посланники с той стороны Зеркала.

При этих словах лицо Шэна побледнело, глаза потускнели, лоб прорезали морщины.

— Ди рассказал о них? — тихо спросил он.

Я кивнула.

— Да. И знаю, что если они победят, если прорвут границу, то пройдут еще дальше. Уничтожат и Фессалию, и Альтар. От них нигде не спрячешься, ни в Ниэле, ни в Афаде, ни даже в пустынях Канто.

Ю Шэн-Ли молчал, по-прежнему задумчиво гладил меня по волосам. Я ощущала, как напряжены его мышцы, дрожала от предчувствия чего-то важного, что должно случиться вот-вот, и продолжала говорить:

— Когда приходит беда, решения принимают не только мужчины, но и женщины. Я выросла в тех краях, где грудью защищали Родину. Где как один вставали, чтобы дать отпор врагу. Где матери защищали своих сыновей, а жены — мужей. Где вытаскивали солдат из-под огня, где все стояли бок о бок, потому что защитить свою Родину, своих любимых и близких — священный долг каждого!

«Молодец, птичка!» — шепнул в голове колючий голос, тот, что прежде ехидничал. Я отмахнулась от него, как от надоедливого комара, крепче сжала подпрыгнувший кулон.

— Я не могу ждать, Шэн! — с жаром сказала я, глядя в его посерьезневшее лицо. — Если мне суждено было встретиться с Дитером, я пройду рядом с ним плечо к плечу. Если суждено погибнуть — погибну рядом с ним. Если суждено быть счастливой — буду!

— Ты что-то решила, Мэри-Он? — тихо спросил Ю Шэн-Ли.

— Да, — я поднялась на ноги и стояла теперь вровень, выпрямив спину и глядя глаза в глаза. — Знаю, ты собираешься в Фессалию. И я пришла, чтобы попросить взять меня с собой.

Ю Шэн-Ли смотрел на меня так, словно я говорила с ним на каком-то непонятном языке. Морщил гладкий лоб, двигал губами, точно порывался что-то сказать.

— Прошу, — прошептала я. — Возьми меня с собой в Фессалию.

— Юная госпожа, — наконец, осторожно ответил Шэн и продолжил, подбирая слова. — я альтарский посол, и хотя еду в Фессалию с мирной миссией, но я тоже мужчина и в случае чего смогу выйти против черных всадников с оружием. Но ты — женщина, Роза, спустившаяся с неба.

— У каждой розы есть шипы, — напомнила я. — Не забывай об этом. Думаешь, я не умею постоять за себя?

Шэн молчал, тогда я продолжила с еще большим жаром:

— Вспомни, как я прикинулась служанкой королевы, когда искала доказательства ее вины в смерти кентарийского посла! Вспомни, как не побоялась подлить зелье подчинения королю, чтобы спасти Дитера. Я не какая-нибудь изнеженная принцесса, Шэн!

— Но ты все еще женщина, — мягко напомнил Ю Шэн-Ли.

Я закусила губу. С этим не поспоришь, ни в альтарской, ни в фессалийской армии женщинам нет места. Даже если Шэн согласится, меня с позором изгонит высшее командование. Как убедить его? Как добраться до Дитера? Прикинуться куртизанкой, или...

Мой взгляд упал на развешанные по стенам кинжалы, пробежал по фигуре Ю Шэн-Ли — подтянутой, не слишком высокой.

«Ты почти с него ростом», — поддакнул ехидный голос.

Слегка мешковатая одежда, скрадывающая очертания фигуры, волосы до плеч, всегда стянутые в узел на затылке. Если одеться как альтарец, то вполне могу...

«Уверена?» — шепнул мягкий бесплотный голос.

— Да! — я вскинула подбородок и смело поглядела в глаза Ю Шэн-Ли. — Шэн, я умею ездить верхом, Дитер меня немного научил стрелять из мушкета, ты научить рукопашной схватке. Шэн, я поеду с тобой не как женщина или куртизанка, а как воин и твой ученик.

«Малютка-воин», — вспомнились слова Оракула, и меня обдало ознобом, но кулон успокаивающе запульсировал на груди, и оба голоса одновременнодохнули мне в уши:

«Получится... получится!»

— Это... Небесный Дракон знает, что такое, — медленно произнес Ю Шэн-Ли. Его грудь тяжело вздымалась, он отошел на шаг и оперся ладонями о край чайного столика. Я не понимала, гневается он или нет, но мышцы на лице подрагивали и хмурились черные брови.

— Это плохая идея, Мэри-Он, — начал он, но я пылко перебила его:

— Это очень хорошая идея! Ведь ты посол, тебе не нужно быть на передовой! И я могу всегда быть рядом. Я не буду бесполезной, о, нет! Я умею немного писать по-альтарски, и очень хорошо по-фессалийски, могу исполнять поручения в качестве гонца. Я хорошо держусь в седле! Могу готовить, мыть полы, ухаживать за ранеными... да много чего еще! Никто никогда не узнает! Никто не раскроет, если ты согласишься прикрыть меня!

— А если раскроет, мы оба пойдем под трибунал, — мрачно ответил Ю Шэн-Ли, ладонью прикрывая глаза. — Я обещал другу заботиться о его жене, и вот... нет, нет! Это безумная затея! Не позволю...

Я вскинула руки в жесте отчаяния, в груди клокотал огонь.

— Ты знаешь, что такое любовь? — срываясь, продолжила я. — Что значит пустой миг без родного прикосновения, взгляда, без теплого слова? Однажды я чуть не потеряла Дитера, и не хочу потерять его снова! Ты должен меня понять, Шэн! Если ты когда-либо любил...

Сложив ладони на груди, я умоляюще поглядела на альтарца. Он молчал, непрошибаемый, как статуя. Его глаза темнели, глубокие, как колодцы. И я почувствовала, что почти проваливаюсь в них. Кулон снова кольнул шею, точно подтолкнул меня к падению. И вдруг границы черноты раздвинулись, и я увидела женщину. Альтарку.

Она сидела в задумчивости под облетающим сливовым деревом, а у ее ног играла девочка, складывая пирамидку из гладко отшлифованных гольшей.

— Я маленькое яблочко, — напевала она, — душистое и сладкое, с красными щечками. Кто любит меня больше всех? Конечно, мама и папа!

«Ее зовут Ю-Мин, — подсказал мягкий голос. — И она похожа на мать».

«Больше на отца, — возразил ехидный голос. — Посмотри-ка на форму подбородка! Такой же острый и упрямый».

— Ю-Мин, — тихо повторила я.

Изображение смазлось и исчезло, оставив после себя только легкую зыбь перед глазами, да еще побелевшее, ошарашенное лицо Шэна.

— Что? — услышала я точно сквозь вату. — Что ты сказала?!

— Она похожа на маму и папу, — сонно произнесла я, — маленькое яблочко с красными щечками. Кто любит ее больше...

— Откуда?! — вдруг закричал Ю Шэн-Ли. На какой-то момент показалось, что он накинется на меня и хорошенько встряхнет за плечи. Но я не отступила, а он взял себя в руки, и только дышал тяжело, сверля меня отчаянным взглядом.

— Откуда ты знаешь это имя? — снова спросил он, и голос дрогнул.

— Увидела, — ответила я, стряхивая дремотную слабость. — Только что... У нее упрямый подбородок, как у отца... как у тебя, Шэн! Кто она?! Твоя... — догадка кольнула меня в висок вместе с тихим шепотом: «Его дочь».

Альтарец выдохнул и пригладил ладонью блестящие черные волосы.

— Никто не знает о ней, — сказал он. — Даже Ди-тер... я не говорил ему никогда, это моя самая большая тайна.

— Почему? — спросила я, подходя ближе и заглядывая в его лицо. Теперь оно немного осунулось, стало печальным и бледным. — Ты никогда не рассказывал о себе, Шэн. Почему даже Дитер не знает, что у тебя есть дочь?

— Потому что Ю-Мин мой внебрачный ребенок, — тихо ответил Ю Шэн-Ли, и в его глазах замерцала грусть. — Это давняя история...

— Расскажи? — я взяла его за руку и приготовилась слушать.

— Давно, когда я еще был очень молод, — начал рассказывать Шэн, — я полюбил девушку из очень богатого и очень знатного рода. Мы познакомились на балу, который ежегодно устраивает альтарская военная академия. Любовь... ты говорила о любви, Мэри-Он, но ведь и я знаю, что это такое. Она вспыхнула между нами очень быстро и была слаще меда, крепче вина. О, это был самый чудесный год! — Ю Шэн-Ли улыбнулся, погружаясь в воспоминания. Я ждала, все еще держа его за руку. Мне чудилась тихая-тихая песня, звучащая вдали, виделись силуэты лодок, скользящих по ночной реке, огромная луна, плавающая в черном небе, как желтая круглая рыба. Наверное, я считывала воспоминания

Шэна... но как? Пока я не находила объяснений. Я чувствовала только магию, от которой слегка потрескивал кулон, и слышала странные голоса. Наверное, была в этом какая-то связь.

— Отец моей возлюбленной не обрадовался, что его драгоценная дочь путается с простым курсантом, — продолжил Ю Шэн-Ли. — Он давно нашел ей партию, такого же богатого и знатного государственного мужа, как и он сам.

Шэн замолчал, хмурясь и собираясь с мыслями. Его пальцы подрагивали в моей руке, но я и так знала, что произошло дальше.

— Ее выдали замуж насильно? — мягко спросила я.

Альтарец согласно склонил голову.

— Да. Моя возлюбленная стала женой другого.

— Но вы все равно продолжали встречаться?

Шэн вскинул голову. Теперь в его глазах горел непонятный мне огонь, он заговорил отрывисто и четко, бросая слова, как отравленные стрелы:

— Ее муж старик! А она... она молода и прекрасна, как сама луна! Да, мы встречались тайно. Пока она не зачала от меня малышку Ю-Мин. Это самый большой позор и самая сладкая тайна. Я храню ее здесь, — Шэн стукнул себя кулаком в грудь. — Возле самого сердца. И умру с этой тайной! Горе неверной жене! И горе тому, кто соблазнил ее. Мою возлюбленную протащат по самой большой площади столицы, а потом возведут на погребальный костер. Мою малышку... — он встряхнул головой, и черный локон выбился из тугой прически. — Мою Ю-Мин отправят в рабочий дом, где она будет до скончания своих дней тачать башмаки или собирать рис на полях богачей. Или сделают гунци...

«Проституткой», — поняла я и содрогнулась, вспомнив милое личико ребенка и ее нежный голос. По телу пробежала дрожь.

— Шэн, — позвала я, сжимая его ладонь. — Я никому не расскажу об этом. Клянусь! Эта тайна останется со мной так же, как до этого она хранилась в твоём сердце. Ты веришь мне?

Ю Шэн-Ли молчал. Что-то плавало в его темных глазах — надежда? Страх? Любовь в дочери?

«Поклянись на крови, — шепнул мягкий мелодичный голос, которого назвали Умником. — Тогда поверит...»

Я лихорадочным взглядом обвела помещение, заметила нож для вскрытия писем.

— Верь мне! — сказала я и быстрым движением схватила его и кольнула ладонь. — Я знаю, что такое любовь и что значит жертвовать во имя нее.

Короткая вспышка боли!

— Мэри-Он! — альтарец бросился ко мне.

Закусив губу, я втянула воздух сквозь сжатые зубы, стараясь не смотреть на саднящую ладонь, по которой сочилось что-то теплое и мокрое.

— Клянусь, — повторила я. — Я не предаю! Никогда!

Он остановился рядом, раздувая ноздри и глядя, как алые капельки собираются на моей ладони. Я держала ее на весу, во все глаза глядя на альтарца и чувствуя, что еще немного, и упаду в обморок.

— Я... верю, — наконец произнес он. — Спасибо, Мэри-Он. Теперь я в долгу перед тобой.

Не успела моргнуть глазом, как Ю Шэн-Ли выхватил нож из моей руки и наискось

полоснул по своей ладони.

— И я клянусь, — сказал он. — Сделаю, как ты просишь. Никто не узнает, юная госпожа. Это мое слово.

Он сжал мою кровоточащую ладонь своей, и я глубоко вздохнула и почувствовала, как пол едва не уходит из-под ног. Но вместе со слабостью пришло облегчение: он поверил! Он поможет мне!

— Спасибо, — слабо проговорила я и всхлипнула, сглатывая слезы. Он сразу повеселел и, усмехнувшись, произнес нарочито грозно:

— Отставить слезы! Воину плакать не пристало! Беги немедленно умываться! А я прикажу приготовить для тебя альтарскую форму. На сборы, — Шэн сощурился и глянул на настенные часы, — полчаса.

— Милый, милый Шэн! — заулыбалась я.

— Нужно отвечать «Так точно, господин Ю!», — поправил Ю Шэн-Ли и опустил руку.

— Так точно, господин Ю, — послушно повторила я.

Не обращая внимания на саднящую ладонь, я подобрала юбки и следом за служанкой выбежала из комнаты. В груди ликовало и пело, и кто-то напевал прямо в уши:

«Получилось, получилось! Мэрион теперь малютка-воин!»

«А ты сомневался? — ехидно поинтересовался голос Забияки. — А еще называешься Умником».

Задержав дыхание, я влетела в большую со вкусом обставленную ванную и, захлопнув дверь, выпалила:

— Да кто говорит со мной?!

Напротив меня оказалось зеркало, и я отразилась в нем вся: заплаканное, покрытое красными пятнами лицо, встрепанные волосы, и кулон... теперь он переливался то густым черным, то ослепительно белым цветом. И каждый раз, когда он поворачивался той или иной гранью, из центра вылетало то черное, то белое облачко.

— Я Белый, прозванный древними предками Умником, — сказала белое облако, зависнув над моим правым плечом и постепенно густея и обретая форму крохотного дракончика с витым хвостом и острыми кожистыми крыльями. — Дух-хранитель рода Адлер-Кёне.

— Я Черный, прозванный древними предками Забиякой, — сказала черное облако, зависнув над правым плечом и уплотняясь до тех пор, пока не стало похоже на второго дракончика с рожками и блестящими алыми глазами. — Дух-хранитель рода Мейердорф.

— Мы проснулись, госпожа! — хором произнесли они. — И готовы служить тебе!

— Дожила, — пробормотала я под нос. — Кто-то до чертей допивается, а я доплакалась до драконов.

Помахала все еще саднящей и окровавленной рукой перед глазами, пытаюсь разогнать полупрозрачных духов. Черненький оторвался от моего плеча и, вытянув змеиную шею, цапнул за пальцы. Довольно ощутимо цапнул, до искр из глаз.

— Ай! — не удержалась я от вскрика и сунула ладонь подмышку.

— Мы настоящие, хозяйка, — промурлыкал на ухо белый. — Теперь не осталось сомнений?

— Ну теперь-то точно никаких! — кивнула я, хмуро рассматривая покрасневший палец с точками, оставшимися от игольчатых зубов. Оставалось надеяться, что драконы не ядовиты. На всякий случай, я скользнула взглядом по полочкам над умывальником.

— Не ядовиты, — хихикнул Забияка, точно прочитав мои мысли. Вполне возможно, что так оно и было. — По крайней мере, для вас, госпожа.

Подлетев снова к моей ладони, он длинным раздвоенным языком лизнул по косому надрезу. На какую-то секунду меня снова пронизала боль. Но быстро прошла. Кровь остановилась и края ранки принялись покрываться бурой корочкой.

— Откуда вы появились вообще? — все еще озадаченно спросила я. — Нет, нет. Не отвечайте! Я понимаю, что из кулона. Но почему не видела и не слышала вас раньше?

— Потому что раньше мы спали поодиночке, — подал голос Умник, изящно свиваясь в дымную спираль. — А потом соединились в одно целое.

— Я этого не хотел, — возразил Забияка, сверкая алыми глазами. — Но кто бы меня спросил?

— А потом вы созрели, хозяйка, — не слушая его, продолжил белый дракон. — Вы наполнились!

— Наполнилась? — моргнула я. — Но чем?

— Силой, — подсказал Забияка. С каждым словом из его пасти вылетал дымок.

Я промолчала, понимая, что некоторые вещи нужно переварить, сунула ладони под рукомойник, из носика полилась вода. Я закрыла глаза, окунувшись в эту прохладу, и ощутила, что головокружение постепенно сходит на нет, мысли проясняются и присутствие духов из кулона уже не кажется таким невероятным.

Вот только, если со мной находится дух Белого дракона Адлер-Кёне и дух Черного дракона Мейердорфов, то...

— Кто же тогда с Дитером? — я отняла лицо от ладоней и обернулась.

Оба дракончика висели в воздухе, лениво взмахивая слюдяными крылышками. Забияка глядел с любопытством, Умник — с некоторым снисхождением.

— Господину Дитеру дракон не требуется, — мягко пояснил он и сразу же стал похож на учителя, объясняющего желторотым школьникам сложную задачу. — Он сам дракон.

— Василиск, — поправил Забияка.

Я мотнула головой и твердо сказала:

— Если у Дитера нет хранителя-дракона, им буду я.

Духи переглянулись и синхронно покивали.

— Госпожа столь же мудра, сколь и прекрасна! — облизнулся раздвоенным языком Умник. — Для меня честь сопровождать вас!

— И для меня тоже! — подхватил Забияка. — Не забывай обо мне, все-таки мы теперь одно целое.

Хвосты обоих драконов переплелись и закрутились в штопор. И тут в дверь деликатно стукнули.

— Госпожа? — раздался из коридора тихий голос служанки. — Разрешите передать вам одежду!

Двухголовое существо сейчас же исчезло с легким хлопком, оставив после себя неуловимый аромат мяты и пороха. Столь же странное сочетание, как белое и черное, как роза и дракон. Однако же, без одного я не представляла себе другого.

Приоткрыв дверь на ширину ладони, я забрала у служанки сверток и ответила отрицательно, когда та предложила помочь переодеться.

В конце концов, я немало носила брюки в своей прежней жизни, которая казалась мне такой далекой и почти нереальной, словно бы я спала и видела чудесный сон о далекой

заснеженной стране. Теперь у меня была другая жизнь и другая судьба. И сердце горело от тоски по Дитеру. Где он теперь? В императорском дворце или уже летит в Фессалию на встречу с кузенком? При одной мысли о Максимилиане Четвертом меня передернуло, и я сжала зубы и принялась рывком стаскивать платье.

В свертке, который передала мне служанка, оказалась альтарская военная форма: хлопковая черная рубашка с воротничком-стойкой, темные прямые брюки, сапоги из мягкой кожи и длиннополый однобортный френч, который я сверху перехлестнула широким ремнем. Придирчиво оглядела себя в зеркало и сплюнула.

Ряженая женщина и только! Но делать нечего. В таком виде и вышла к Шэну, заплетаясь в непривычной обуви и краснея от собственной неуклюжести. Он оглядел меня придирчиво и прокомментировал:

— Никуда не годится.

Обошел меня сзади, слегка хлопнул по спине.

— Подбородок выше! Держи осанку, плечи прямее! В академии под воротник закалывали иголку острием вверх, чтобы воин умел держать голову.

Вспомнилось, что в той же академии обучали и Дитера, и сердце заныло от жалости. Что, если я не смогу?! Но мысль о том, что фессалийский дракон тоже прошел через все это, грела душу и придавала сил. Значит, и я смогу!

— Волосы придется обрезать, — сказал Ю Шэн-Ли.

Я с готовностью сорвала заколку.

— Если надо, режь!

Альтарец тихонько присвистнул, круто повернулся на каблуках, хватая со стены первый попавшийся кинжал. Отсвет фонариков блеснул на остро заточенной стали. Я зажмурилась и почувствовала только, как Шэн слегка дернул меня за волосы. Взмах! Еще один!

Я вздрогнула, приоткрыв один глаз. Мои рыжие локоны опалили как скошенная пожухлая трава. Дальше в ход пошли ножницы. Срезанные волоски кололи кожу, по обнаженной шее гуляли мурашки, и когда альтарец поднял чайный поднос, в котором я отразилась, как в хорошем зеркале, то увидела перед собой бледного и немного перепуганного паренька с торчащими во все стороны рыжими вихрами.

«Вы похожи на отца, госпожа, — осторожно подал голос Умник. — Еще в те времена, когда он был совсем юным и только мечтал о ратных подвигах...»

«Пока герр Кёне мечтал о подвигах, герр Дитер уже сражался на передовой», — ехидно возразил Забияка.

— Но я ни тот, ни другой, — возразила я. Ю Шэн-Ли отложил ножницы и нахмурился.

— Что?

— Ничего, — испуганно ответила я.

— Ничего... — Шэн повторил, сделав многозначительную паузу. Я спохватилась:

— Ничего, господин Ю.

— На первый раз пойдет, — удовлетворенно кинул альтарец. — Запоминай: ты выпускник Альтарской военной академии, а теперь мой адъютант. Будешь выполнять мелкие поручения, держись рядом, чтобы ни живая душа, ни бесплотный дух не догадались, кто ты на самом деле.

— Так точно, господин Ю.

Так непривычно было говорить это, так странно... В который раз я прикидываюсь тем, кем не являюсь на самом деле? Сначала наследницей рода Адлер-Кёне, в теле которой

оказалась, теперь — адъютантом альтарского посла. И только с Дитером я могла быть самой собой. Настоящей.

— Господин Ю? — спросила я.

Альтарец стоял рядом, такой знакомый, привычно сдержанный и добрый. И все-таки такой далекий. Теперь не просто друг. Теперь командир и учитель.

— Разрешите написать письмо Жюли, — попросила я. — Она будет волноваться за меня.

— Только ни слова о том, кем ты теперь стал, — ответил Ю Шэн-Ли, и я задержала дыхание, когда поняла, что альтарец обращается ко мне в мужском роде.

Он распорядился принести бумагу и перьевую ручку. Я жутко волновалась, но старалась, чтобы не дрогнула рука. Буквы выходили четкими, как солдаты на плацу.

«Дорогая Жюли! — писала я. — Не волнуйся обо мне, я должна послужить на благо Родине так же, как и мой муж. Я не могу тебе сказать, куда я направляюсь, а ты не ищи меня. Просто знай, что я люблю тебя и смогу за себя постоять. Передавай поцелуй подружке Гретхен. Я буду всегда помнить о вас и вернусь, когда враг отступит. Всегда ваша, Мэрион фон Мейердорф».

Я запечатала конверт и отдала его Шэну.

— Сегодня же письмо отправится по адресату, — пообещал он. — А мы выдвигаемся в поход. Осталась лишь самая малость.

— Какая, господин Ю? — спросила я.

— Придумать тебе имя, — серьезно ответил Ю Шэн-Ли. — По тебе видно, что ты из фессалии.

— Я ведь могу быть подопечным генерала фон Мейердорфа? — с надеждой спросила я. — Вы с ним друзья, и Дитер вполне мог попросить вас, господин Ю, оказать протекцию над бедным юношей.

— Вполне, — согласно кивнул Шэн. — Кто тогда? Не внебрачный сын, это очевидно. Может...

«Брат», — шепнул в ухо Умник.

И я повторила машинально за ним:

— Брат. Младший. Такой же бастард, как и сам Дитер. Вынужден прятаться в Альтаре и мечтаю достичь хоть немного таких же вершин, как знаменитый василиск.

— И называть тебя следует...

— Мартин! — в один голос с Забиякой произнесла я.

— Хорошо, — губы Ю Шэн-Ли дрогнули в улыбке. — Собирайся в дорогу, Мартин фон Мейердорф. Сегодня мы должны присоединиться к альтарской армии и принести клятву верности Императору.

5. Адъютант альтарского посла

Альтарская столица вывесила флаги, и алые драконы извивались на ветру, облизывали огненными языками изогнутые крыши пагод. Вся площадь была запружена солдатами и издали походила на чешуйчатую спину еще одного дракона, свернувшегося между Императорским дворцом и набережной реки Нэй.

Я стояла вместе с Шэном в одном из первых рядов и хорошо видела Императора Ли Вэй-Дина. Золотолицый благословлял нас на победу, разбрасывая в воздухе искрящуюся пыльцу. Подхваченная ветром, она летела над нашими головами и оседала на униформе.

«Это похоже на разбрызгивание освященной воды», — ворчливо заметил Забияка. Я уже научилась различать голоса моих духов-помощников и стала замечать, что когда говорит Черный дракон, кулон покалывает кожу с левой стороны, а когда Белый — то с правой.

«Ритуалы везде одинаковы по содержанию, — заметил Умник. — Меняется только форма».

Я не обращала на голоса в голове внимания, стараясь стоять так же ровно и красиво, как прочие альтарцы, как мой друг и учитель Ю Шэн-Ли. И радовалась, что край мундира хорошо скрывает мою грудь. Дитер не раз говорил, что ему нравится моя миниатюрность, но никогда я не радовалась ей так, как сейчас. Конечно, оставались и другие чисто женские проблемы, которые наверняка принесут мне определенные сложности, но, как говорится, я перейду по этому мосту, когда доберусь до него.

Император много и пафосно говорил про наш воинский долг. Говорил, что Альтар должен помочь Фессалии, потому что следующими окажемся мы сами. Говорил, что этой борьбой мы можем вернуть суверенитет своим провинциям. Я слушала вполуха, размышляя о том, что если простою на таком солнцепеке лишние полчаса, то превращусь в круто сваренное яйцо. На счастье, патриотическая речь длилась недолго.

— Слава Империи! — прокричал дюжий воин, стоявший по правую руку от Императора. И тысячи глоток ответили:

— Слава! Слава!

Толпа задвигалась и потекла, делясь на несколько потоков. Шэн ухватил меня за плечо и рванул за собой.

— Держись рядом, — шепнул он, хотя я и так не собиралась отставать и вилась за ним хвостом. — Мы должны сегодня же нагнать Железную гвардию главнокомандующего Е Бо-Джинга, он выдвинулся днем ранее.

— Разве нельзя полететь сразу в Фессалию? — спросила я.

Шэн качнул головой и поджал губы:

— Надо доставить главнокомандующему Е бумаги от Императора. Я лично прослежу, чтобы Бо-Джинг получил их из рук в руки. Потом нам придется держать военный совет. Император подтягивает войска на помощь Фессалии, но не спешит ввязываться в конфликт, надеясь, что все разрешится мирным путем.

На расчищенной полосе, напоминающей взлетную, сидело несколько боевых птиц. Они все издавали низкий угрожающий клекот, и мне казалось, словно это гудят вертолетные лопасти.

— Мы полетим вдвоем, — сказал мне Шэн. — Это привилегия посла и моего адъютанта.

— Так точно, господин Ю, — ответила я, не без основания полагая, что это универсальный ответ на большую часть приказов, вопросов и замечаний.

Шэн удовлетворенно цокнул языком и первым взобрался на птицу, даже не подумав помогать мне. Все правильно: назвался груздем, полезай в кузов. Сцепив зубы, я осторожно взобралась по веревочной лесенке и уселась рядом с Ю Шэн-Ли.

«Интересно, успел ли Дитер добраться до Фессалии? — подумала я. — Или как и мы вынужден ждать, пока его пропустят через границу? Может, мы встретимся с ним в этом Железном полку?»

«И не мечтай! — фыркнул Забияка. — Макс примет кузена с распростертыми объятиями и первым побежит навстречу, теряя корону».

«И мантию», — подхватил Умник.

«И туфли!»

«И панталоны!»

Я фыркнула, представив раздевающегося на ходу короля. Получившаяся картинка оказалась столь забавной, что я пропустила взлет и только вжалась в сиденье, когда птица Пэн набрала высоту.

— Жаль, у нас не было времени на тренировки, — вздохнул Ю Шэн-Ли, глядя мимо меня в окно на проносящиеся крыши и кучевые облака, собирающиеся у горизонта. — Слабый воин подобен надломанной ветке.

— Я буду гибкой веткой, — возразила я. — Такой, что гнется, но не ломается.

— Ты можешь сослаться на травму спины, Мар-Тин, — пораскинув мыслями, предложил Шэн, называя меня мужским именем, чтобы лишний раз не попасть впросак. — Доктор велел соблюдать постельный режим, но нагрянула срочная мобилизация.

— А еще у меня крайне строгий учитель, — я поклонилась, сложив ладони. — Не позволит ученику прохлаждаться ни лишнего дня.

— Ты хитер, как лис, Мар-Тин, — слегка улыбнулся Ю Шэн-Ли. — Недаром я взял тебя в адъютанты.

Потом мы немного поупражнялись в альтарском письме. Шэн называл мне иероглифы, а я выводила их карандашом в блокноте, стараясь не запутаться во всех этих палочках и закорючках. Потом альтарец разрешил мне немного отдохнуть, и я задремала, убаюканная свистом ветра и мерным покачиванием паланкина. В тягостной дремоте мне снилась Оракул, слепая О Мин-Чжу. Ее татуировки ползали по желтой коже, точно были живыми, нарисованные глаза мигали, а сухие руки перебирали узелки — щелк! Щелк! Ногти терлись друг о друга, издавая пощелкивание и шорох. Я вздрагивала от этих неприятных звуков и силилась расслышать, что Оракул шепчет потрескавшимися губами, но не могла разобрать ни слова. В отчаянной попытке пыталась дотронуться до нее — но руки не поднимались. Наконец, я сделала над собой усилие, дернулась и едва успела распахнуть глаза и выставить ладони, чтобы не влететь носом в стену паланкина.

— Что такое? — тут же среагировал Ю Шэн-Ли, удерживая меня на месте.

— Так, — пробормотала я, откидывая со лба волосы и удивляясь, почему не могу завести локон за ухо. В шею дуло, не было рядом ни пуховых подушек, ни спящего Дитера. Я вздохнула, потеряла глаза и только теперь поняла, где нахожусь.

— Подлетаем, — сказал Шэн. — Будь готов, Мар-Тин. Иначе при первом же проколе мне придется отправить тебя домой.

От этих слов бросило в жар и защемило сердце. Оказаться бы дома рядом с Дитером! Тогда не нужно было бы скрываться и лгать, носить военный мундир вместо платья и просыпаться по утренней побудке командира, а не от поцелуя любимого.

«Я справлюсь», — сказала себе строго. Кулон под рубашкой одарил меня теплом, но духи молчали. Может, тоже дремали в своем заточении и набирались сил.

Птица Пэн пошла на снижение. Я крепко ухватилась за поручни, прикрыла глаза. Это был не первый мой полет, но почему-то впервые накатила дурнота. Может, от волнения, а может, от голода, ведь я ничего не ела сегодня, только пила чай в доме Шэна, но сказать об этом не решалась: прощайте, детские капризы!

В приоткрытое окно я видела, как внизу проносятся полосатые шатры, усеивающие долину. Справа от них поблескивала река, на лугу паслись кони, встряхивая постриженными

гривами, и все это стремительно несло на нас.

Земля мягко толкнулась снизу.

Я выдохнула и осторожно приоткрыла веки. Кулон заворочался на груди, как оживший скарабей.

«С прибытием!» — сонно хором зевнули драконы.

Мы спрыгнули на мягкую траву, устилающую долину. В некоторых местах она была уже примята и вытоптана, я слышала журчание реки, ржание лошадей, звон мечей, мужские голоса и смех. Молоденький алтарьец возрастом не старше меня принял поводья и поклонился нам обоим.

— С прибытием, господин Ю! — проговорил он, не поднимая взгляда.

— Вольно, солдат, — ответил Ю Шэн-Ли, превращаясь на моих глазах из добродушного посла в жесткого воина со взглядом колким, как рапиры. — Пусть доложат главнокомандующему о моем прибытии.

— Так точно, господин Ю, — снова поклонился мальчишка и я порадовалась, что правильно запомнила универсальный ответ. Теперь мне придется произносить его особенно часто.

— А ты, Мартин, — обратился ко мне Шэн, почти не коверкая фессалийское имя, — не сиди без дела, напои птицу и задай ей зерна.

— Так точно, господин Ю! — лихо ответила я.

На самом деле немного струхнула. Мало того, что мне придется подходить к гигантской птице, рискуя быть проглоченной ею, так еще я впервые остаюсь одна без поддержки. Я долго смотрела вслед моему другу и учителю, пока не поняла, что кто-то в свою очередь рассматривает меня. Повернувшись, я встретила глазами с любопытным взглядом алтарского мальчишки.

— Чего тебе? — не совсем дружелюбно спросила я. — Не слышал, что господин велел?

— Так тебе велел, да? — ответил мальчишка, показывая щербинку между передними зубами.

— Мне, — согласилась я. — Только мы только что прибыли в лагерь. Покажи хоть, где ведра брать и откуда воду носить.

— Штабной что ли, да? — удивился мальчишка и махнул рукой. — У конюшен всегда ведра, а вода в реке.

«Железная логика! — восхитился Умник. — Ты, госпожа, могла бы и догадаться».

— Умолкни, — посоветовала ему я.

— А? — моргнул мальчишка.

— Ничего, — сказала я. — Не стой столбом, привяжи птицу, пока я воду принесу.

— И точно штабной! — снова заулыбался мальчишка. — Не успел приехать, а уже приказывает, да!

Будь я действительно мужчиной, мальчишка тотчас схлопотал бы от меня оплеуху. Но я плюнула, развернулась к нему спиной и побрела к конюшням, надеясь, что ветер, доносящий до меня запахи конского пота и соломы, приведет в нужное место.

Это были наспех сколоченные навесы, вместо крыши закиданные ветками лиственниц. Здесь же стояли деревянные ведра, в каждое я могла бы встать обеими ногами и еще хватило бы место для вредного мальчишки-конюха. О том, чтобы взять сразу несколько, не могло идти и речи, поэтому я подняла одно и, осматриваясь по сторонам, начала спускаться к реке.

На полянке дрались несколько пар алтарцев. Сбросив мундиры и оставшись в одних

рубашках, они самозабвенно рубились на клинках, только лязгала сталь и солнечные блики скакали на отточенных гранях. В редком подлеске стреляли по мишеням, до меня доносились громкие хлопки, пахло порохом и гарью. Я с содроганием подумала, что когда-нибудь и мне придется точно так же тренироваться, и от этих мыслей по коже поползли мурашки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Назвался груздем», — напомнил Забияка.

— Сама знаю, — буркнула я, сцепила зубы и зачерпнула воды.

Не полное ведро, конечно. Полное я бы не донесла. И не две трети... даже не половину.

«Ничего, — утешила я себя. — Мне не лень сходить и по два раза».

Оба дракона хихикнули, но благоразумно промолчали.

Я потащила обратно в лагерь, и боевой дух, так подстегивающий меня сегодняшним утром, все таял и таял, как туман или облака над головой, которые постепенно истончались и пропускали все больше жаркого летнего солнца. В боку с непривычки покалывало, и я прижимала его ладонью, с шеи уже градом катился пот, застилал глаза, поэтому я не увидела, когда навстречу мне из шатра вышел мужчина. Его увидели духи-драконы.

«Поберегись!» — хором завопили оба.

Я подскочила, ведро в моих руках дернулось, и вода плеснула через край прямо на новые, до блеска начищенные сапоги и выглаженные брюки.

— Гляди, куда прешь! — заорал вояка.

— Простите, господин! — испуганно пролепетала я, подняла глаза и застыла.

Я сразу узнала его: надменный взгляд, мундир с иголки и голос, недавно произнесший: «Император Солнца охоч до чужеземных наложниц. Он обещал, что лучшим воинам достанутся и лучшие девушки...»

Капитан Фа Дэ-Мин! Тот самый, из-за которого я чуть не поссорилась с Дитером!

— Так! — сказал капитан, окатив меня презрительным взглядом с головы до ног. — Теперь помимо первого вопроса: какого демона ты не смотришь под ноги? У меня появился и второй: что фессалиец делает в Железной гвардии Альтара? Теперь отвечай!

Я открыла рот, набрав в легкие воздуха побольше, но изо рта вышло только тусклое блеяние:

— Я... ээ...

— Что-что? — нахмурился капитан. — Пищишь как девчонка. А ну, отвечай по уставу!

Я сглотнула и замерла, мучительно соображая, как именно нужно по уставу?

«Адъютант альтарского посла», — напомнил Умник, и я повторила за ним:

— Адъютант альтарского посла Ю Шэн-Ли, господин Фа!

— Капитан Фа, — поправил меня Фа Дэ-Мин и поморщился. — Где тебя только учили?

— В альтарской военной академии, капитан Фа! — бодро ответила я, на этот раз голос нигде не дрогнул.

Он рассматривал меня какое-то время, ощупывая пристальным взглядом, так что мне стало неловко и боязно: а вдруг узнает? Разглядит во мне женщину? Что станет со мною тогда? Что будет с Дитером и Шэном?

— Я видел тебя раньше, — точно подтверждая мою догадку, сказал Фа Дэ-Мин.

Мое сердце оборвалось. Бросило сначала в жар, потом в холод. Я сжала пальцы в кулаки, пытаясь унять дрожь, и осторожно заметила:

— Конечно, капитан Фа. Если вы закончили ту же академию, вы могли помнить меня.

— Вздор! — поморщился капитан и пожал плечами. — Чтобы я помнил всех желторотых кадетов?

— Вы правы, — согласилась я. — Я на несколько курсов младше вас, где уж упомянуть. Но, возможно, вы знали моего брата? Для вас, альтарцев, все фессалийцы на одно лицо...

— Брата? — капитан вскинул бровь. — Почему ты решил, что я могу знать его?

— Потому что он довольно известная личность, капитан Фа, — послушно ответила я, глядя невинными широко распахнутыми глазами. — В Фессалии, да и в Альтаре тоже.

— Известный насколько?

— Настолько, что мне иной раз неловко об этом упоминать, — я отвечала все смелее и ощущала, как одобрительно загудел кулон под рубашкой.

— И кто же он? — надменно спросил Фа Дэ-Мин.

— Генерал фессалийской армии Дитер фон Мейердорф, — на одном дыхании выпалила я.

Миндалевидные глаза капитана расширились. Какое-то время он тупо глядел на меня, будто переваривая услышанное. Потом поджал губы и сквозь зубы выцедил:

— Вот оно что! Брат василиска... это все объясняет. Как говоришь, тебя зовут?

— Мартин, капитан Фа, — быстро ответила я.

— Как странно, — заметил Фа Дэ-Мин. — Я слышал, генерал убил своего брата на дуэли.

— Так это какого убил! — присвистнула я. — Старшего! А я младший.

— Странно, — все еще хмурясь, повторил капитан. — И оба Мартина?

Я вздохнула:

— Оба, капитан Фа. Так принято в нашем роду: называть сыновей через поколение то Дитером, то Мартином.

— Однако, — ответил Фа Дэ-Мин и усмехнулся. В его глазах промелькнуло что-то нехорошее, и я тут же вспомнила ссору в саду императорского дворца. Как он сказал тогда про Дитера? «Любитель опиума и шлюх». Я скрипнула зубами и тут же поймала заинтересованный взгляд капитана.

— В таком случае, — протянул он, — немудрено, что тебя взял на службу господин Ю. По протекции фессалийского дракона, значит. Что ж, этого стоило ожидать, — тут он снова смерил меня презрительным взглядом, как ледяной водой окатил. — Но на месте господина Ю я нашел бы адъютанта получше.

Заложив руки за спину, Фа Дэ-Мин обошел меня кругом, и внутри снова все сжалось от дурного предчувствия. Взгляд прожигал насквозь, губы капитана кривились в нехорошей усмешке.

— Юнец. Хиляк. Рохля, — вбивая слова как гвозди проговорил капитан, и от каждого я внутренне сжималась, но не от страха, а от злости. Эта стычка грозила перерасти в открытую конфронтацию, и только этого мне еще не хватало. — И это таких кадетов выпускает сейчас академия? — между тем продолжал Фа Дэ-Мин. — Позор!

— Я получил травму спины, капитан Фа, — сквозь зубы процедила я, сжимая и разжимая кулаки.

— Наверняка после какого-нибудь неудачного упражнения или падения с лошади, — с издевкой предположил капитан. — Но если ты вообразил, что в Железной гвардии можешь прохлаждаться и изображать больного, лучше тебе вернуться в альтарский госпиталь, принимать лекарства по расписанию и флиртовать с массажистками. Впрочем, — тут он

снова смерил меня презрительным взглядом, — ты, кажется, не столь развращен, как твой братец. Не так ли? Держу пари, мальчик, ты еще не познал женщину.

«И он прав, — не вовремя хихикнул Забияка. — Как же тебе познать женщину, госпожа, когда ты сама женщина?»

— А ну заткнись! — прошипела я. И сразу же пожалела об этом.

Фа Дэ-Мин услышал.

Резко остановившись, он круто повернулся ко мне на каблуках.

— Что, что ты сказал? — приглушенным от ярости голосом спросил он и прежде, чем я успела опомниться, рванул меня за плечо. Кулон вспыхнул, пробежали электрические импульсы, покалывая кожу и отдаваясь даже в кончиках пальцев. — Как смеешь, ты?! Наглец! Щегол желторотый! — его лицо приблизилось, в темных глазах полыхнула злость. — Вообразил, что родство с василиском дает тебе какие-то права в Железной гвардии?! Не мечтай! — он встряхнул меня за ворот мундира. — Не дает!

— Пустите, капитан! Вы не так поняли... я никогда...

Пытаясь вырваться, я схватила его за руку. Он перехватил мое запястье, прорывчав:

— Молчи! Я покажу, что значит армия! — и продолжил встряхивать с каждой новой фразой, от чего меня прокалывало насквозь, точно электрическим током. Казалось, еще немножко и волоски на коже вспыхнут как бенгальские свечи. — Для хороших солдат армия — мать родная, а для тебя будет тещей! Будешь со слезами встречать каждый восход солнца и со слезами провожать его! Вот тогда пожалеешь, что не остался в госпитале или штабе, щегол!

Его ладонь соскользнула с моего рукава. Сначала я почувствовала прикосновение к коже — крепкое, сильное. Он мог бы одним сжатием пальцев сломать мне кости, но в тот же миг из-под моей манжеты выскользнула электрическая змейка. Я услышала легкий треск, как будто переломилась сухая ветка, перед глазами вспыхнули белые пятна, а потом меня обожгло. По-настоящему, так, что я вскрикнула, потом меня отбросило назад. Не удержавшись на ногах, я шлепнулась на траву и вытаращенными глазами следила, как покачивается Фа Дэ-Мин, с удивлением глядя на свою руку, покрытую мелкими красными пятнышками ожога. Он пытался что-то сказать, но с губ слетало только бессвязное «С-сс...» Может, он хотел спросить «Что это такое?» или обругать меня последними словами, только непослушный язык с трудом ворочался во рту, а я отмахивалась от мельтешащих белых искр и судорожно сглатывала слюну, пытаюсь вытряхнуть из головы обложивший уши звон.

— Капитан! — донеслось словно издалека. — Господин Фа? Мар-Тин?!

Я ошалело моргнула и только теперь узнала человека, широким шагом спешащего к нам.

— Капитан Фа, — повторил Ю Шэн-Ли, приближаясь. — Вот вы где! Я ищу вас по всему лагерю! А вы, значит, уже познакомились с моим адъютантом?

— Познакомился, — натужно процедил Фа Дэ-Мин, засовывая руку под мышку и слегка поклонившись послу. — Пусть солнце освещает ваш путь.

— И светит вам, капитан, — ответно поклонился Шэн. — Не хотел бы прерывать вашу беседу, но вас требует к себе в шатер командир Е Бо-Джинг.

— Конечно, господин Ю, — с достоинством ответил Фа Дэ-Мин, снова вытягиваясь в струнку и делая вид, что ничего не случилось. — Я тотчас предстану перед победоносным Бо-Джингом.

Сложив ладони на груди, Фа Дэ-Мин коротко кивнул и, не глядя в мою сторону, зашагал по траве. Тогда я тоже поднялась, смущенно отряхивая штаны и не зная, куда девать глаза.

Взгляд Шэна сверлил меня насквозь. Говорят, давние друзья становятся в чем-то похожи. Если так, сейчас в альтарце было что-то от Дитера. Тем не менее, когда он заговорил, голос прозвучал привычно спокойно и доброжелательно:

— А теперь, когда мы избавились от капитана, расскажи без утайки, что тут произошло?

Я подняла глаза. Лицо Ю Шэн-Ли было безмятежно, морщинки разглажены. Если он и сердился — то совсем чуть-чуть, если и волновался — то хорошо прятал волнение за привычным добродушием. Это называлось «держать лицо», и Шэн обладал таким искусством в полной мере.

— Понемногу знакомлюсь с командным составом, господин Ю, — ровно произнесла я, хорошо понимая, что дружба осталась далеко позади, там, где была мирная жизнь, был дом и любимый рядом. Теперь повсюду могли быть глаза и уши.

— Так то было знакомство? А мне показалось, стычка...

Я пожала плечами.

— Как можно, господин Ю! Кто капитан Фа, и кто я? Только адъютант, который нес воду для птицы Пэн.

— Насколько вижу, не донес, — заметил альтарец.

— Виноват! — вздохнула я, тут же берясь за ручку ведра. — Разрешите исправить?

— Погоди, — осадил меня Ю Шэн-Ли и взял за локоть. Я вздрогнула, ожидая новой волны электрических импульсов, но кулон лежал на груди сухой и теплый, а болтливые духи затаились. Ну и где они, когда так нужны?

— Я понимаю, — пониженным голосом продолжил Шэн, — что не сразу удастся привыкнуть к полевой жизни, Мар-Тин. У тебя могут появиться друзья... а могут и недруги. Здесь ранние подъемы и большая физическая нагрузка. Я волнуюсь за тебя.

— Если вы хотите снова отправить меня домой, ответ будет «нет»! — выпалила я.

— Я не всегда могу прийти тебе на защиту, — терпеливо возразил Ю Шэн-Ли. — И может прийти время, когда меня вовсе не будет рядом. Кто защитит тебя тогда?

— Не беспокойтесь, господин Ю, — как можно более спокойно ответила я. — У меня уже есть защитники.

Показалось, кто-то хихикнул над ухом. Судя по всему, Забияка. Я тоже улыбнулась и украдкой осмотрела свою ладонь — ту самую, в которую вцепился капитан Фа перед тем, как его ударило током. Из-под манжеты вынырнул плетеный узелками браслет. Ю Шэн-Ли сузил глаза и наклонил голову набок, став похожим на любопытную птицу.

— Защитный браслет? — тихо спросил он, рассматривая его, но не дотрагиваясь. Совсем как недавно Дитер. — Насколько я сведущ в магии монахов-отшельников, подобное плетение не используется при атаке.

— Я и не думала на браслет, — призналась я, аккуратно одергивая рукав. — Мне помог родовой кулон Адлер-Кёне.

— Тот самый? — Ю Шэн-Ли приподнял брови. — Разве он не обуглился, вобрав в себя разрушительную магию василиска?

— Он поменял структуру, — ответила я, задумчиво поглаживая себя пальцами по груди и нащупывая овальный камушек оберега. — Но он пропитан магией.

— Магией? — заинтересованно переспросил Шэн. — Вот как...

Я кивнула.

— Да. С ним я вижу, когда человек лжет, а когда говорит правду. А еще он защищает

меня... — вспомнила покалывающие импульсы и поежилась. — Наверное, мне нужно научиться управлять этой силой. Вот только как?

Ю Шэн-Ли покачал головой.

— Увы, я лучше разбираюсь во внешней политике и стрельбе из мушкета, нежели в магии. Боюсь, тут ничем не смогу тебе помочь, мой юный друг.

Вспыхнувшая надежда погасла, и я вздохнула и опустила плечи.

— Конечно, — произнесла вслух, — но тогда вы, господин Ю, научите меня тому, что умеете сами?

Он помолчал, снова осматривая меня, улыбнулся одним уголком рта и ответил:

— А вы упрямы, Мар-Тин. Почти как ваш «брат», не так ли?

— О! — ответно улыбнулась я. — Про нас говорят: два сапога пара!

— В таком случае, исполните приказ, а после приходите устраиваться в шатер, — сказал Ю Шэн-Ли. — Командир Е Бо-Джинг предполагает, что Железная гвардия простоит на границе не одну неделю, у нас будет время на тренировки.

— Спасибо, господин Ю! — расцвела я, подняла ведро и как могла быстро припустила к конюшням, где уже в нетерпении скребла землю птица Пэн. К моему облегчению, здесь никого не было, даже того мальчишки, что опознал во мне «штабного». Меньше народу — меньше расспросов, с меня хватило капитана.

Напоив птицу, я оставила ведро и зашагала к одному из шатров, над которым вывесили флаг — три белых звезды на фоне дракона. Родовой герб Ю Шэн-Ли.

Внутри оказалось довольно просторно: стены утеплены войлоком, на земле постелены циновки, плотная и тяжелая занавеска отделяла мою «спальню» от отсека, который предназначался послу.

— Все, что происходит за этой занавеской — твоя собственная крепость и тайна, — сказал Ю Шэн-Ли, как только мы остались наедине. — Я не переступлю этот порог, пока ты не позволишь.

— Спасибо, милый Шэн, — я слегка обняла друга, которого впервые за прошедший день рискнула назвать по имени. — Ты всегда поддерживал нашу семью и стал для меня как сводный брат. Ты узнал что-нибудь о Дитере?

Я отстранилась и с надеждой заглянула в его лицо, но к моему разочарованию Ю Шэн-Ли поджал губы.

— Ди теперь в Фессалии, — сказал он. — А скоро направится на границу с Кентарией. Я бы хотел быть рядом с ним, но мое прошение только-только отправилось с гонцом. И мне бы не хотелось покидать тебя раньше времени, мой друг. Учитель никогда не бросит своего ученика, оставив его лишь в начале пути.

— Я знаю, — прошептала я и пожалала его сухую ладонь. — И готова ждать сколько угодно! Лишь бы не случилось войны. Лишь бы Дитеру удалось остановить черных всадников...

Тут мне вспомнилось пророчество Оракула, пощелкивания ее желтых ногтей и извилистые, точно живые узоры татуировки. Тысяча глаз, внимательно глядящих в прошлое, настоящее и будущее.

Мы пообедали рисом и лепешками, запили простой водой. Потом, сославшись на усталость и получив разрешение Ю Шэн-Ли, я отправилась в свою крохотную комнатку и легла на топчан, застеленный теплым шерстяным покрывалом.

«Дитер, — подумала я, закрывая слипающиеся глаза. — Где ты, любимый?»

И провалилась в сон.

Мне так хотелось встретиться с Дитером хотя бы там. Интересно, что скажет он? Рассердится или щелкнет по носу и проворчит: «Моя ты выдумщица!» Тогда я бы повисла бы у него на шее и прошептала: «Забери меня в плен, мой генерал!»

Но он не пришел. Не приснился ни Мейердорфский замок, ни резиденция в Альтаре. Я видела лишь белесую пустоту, густую, как туман, и куда бы ни повернулась — земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною. Над головой вращался звездный водоворот, точно кто-то размешивал небо гигантской ложкой, и метеоры горячими каплями срывались из черноты.

— Берегись Черного Зеркала... берегись... — шептал в уши глубокий голос Оракула.

В тумане почудилось движение. Я сощурилась, пытаюсь рассмотреть, кто приближается ко мне: шли две фигуры, одна побольше, вторая поменьше. Фиолетовые одежды, капюшон, скрывающий лицо... Оракул О Мин-Чжу?

Она остановилась, не дойдя до меня нескольких шагов. Фигура маячила рядом как набросок углем — лица не разглядеть, лишь неясные очертания. Животное? Карлик? Или... ребенок?

— Я ошиблась, малютка-воин, — проговорила Оракул. — Глаза уже не те, слабеют... — Она откинула капюшон, и татуировки по ее лицу поползли как черви. — Портал уже открыт, черные всадники саранчой заполняют землю, а я так стара, так слаба, что слышу духов, призывающих меня в мир вечного покоя и гармонии. Но как я могу оставить мир, и так стоящий на краю бездны? Я лишь могу передать свою силу другому. Тому, кто станет сильнее меня в сотни раз, кто будет видеть и землю, и небо, кто будет заглядывать за грань Черного Зеркала, от чьего взгляда не укроется ни живой, ни мертвый, ни дух, ни призрак, ни божество.

У меня пересохло во рту. Я во все глаза смотрела, как меняется и дрожит в тумане неясная фигурка, как звезды падают, выжигая в черноте огненные дорожки.

— О ком ты говоришь? — спросила я и по привычке хватаясь за кулон. Он был обжигающе-горяч, я видела, как кружатся в тумане извилистые тени драконов-духов — не тех, который я видела в доме Ю Шэн-Ли, эти драконы были огромны и быстры, их яростные глаза сверкали в тумане, как солнца, их пасти выдыхали горячий пар.

— О той, которой надо помочь явиться в этот мир, — ответила О Мин-Чжу. — О той, чья сила должна окрепнуть. О той, кому в силах предотвратить страшное кровопролитие, и кто выбрал тебя своим хранителем, Мария.

Туман дрогнул и расступился. Я задохнулась, во все глаза глядя, как из молочной белизны выступает маленькая девочка лет пяти, одетая в простое белое платье, очаровательная, с пухлыми щечками и вздернутым носиком, с большими зелеными глазами и темными волосами, заплетенными в две косички.

— Дар всеведения передается лишь женщинам, — сказала О Мин-Чжу. — И вот мир обрел нового Оракула, Мария. Позаботься о ней. И она тоже позаботится о тебе.

Она подвела девочку ко мне и вложила ее маленькую ладошку в мою руку. Я машинально сжала ее и, улыбнувшись, спросила:

— Как тебя зовут, крошка?

— Тея, — ответила девочка и дотронулась второй рукой до моего живота.

По телу понеслась горячая вспышка. Я проснулась и села на постели, обливаясь горячим потом и бессмысленно глядя в полумрак. Голос девочки отдавалось в голове серебряным

звоном, в животе пульсировало что-то теплое, невидимое глазу, совсем крохотное и живое. И я прижала ладони к коже и повторила шепотом:

— Тея...

6. Созревание

Я не рассказала Ю Шэн-Ли об этом странном сне, да вскоре и позабыла о нем: дни понеслись с пугающей быстротой, а сны, подобные этому, больше не снились.

Просыпались по побудке рано утром, вместе с Шэном я делала зарядку, потом наступало время легкого завтрака, а следом нужно было разучивать алтарские иероглифы, чтобы не перепутать «птицу» с «пулей», а «город» с «быком». Особенно досаждал мне иероглиф «доблесть».

«Внимательнее, хозяйка, — подсказывал в голове невидимый Умник. — Утолщение чернил в этой черточке легко превратит «доблесть» в «поросенка».

«А «доблестный воин» сразу станет «поросычьим»! — радостно подхватывал Забияка.

— Хрю! — ворчала я, вздыхала и старательно выводила зигзаги и черточки снова.

Кроме правописания приходилось ездить верхом, драться на кинжалах и стрелять по мишеням из мушкета. И если в рукопашной я оказалась не слишком умела, что налево и направо объясняла травмой спины, полученной еще до мобилизации, то стрельба получалась все лучше и лучше.

— Семь из десяти! — улыбался меня Ю Шэн-Ли. — Ты делаешь успехи.

— Рад стараться, господин Ю! — браво чеканила я и думала, что сказал бы Дитер, если бы увидел свою жену в мужской одежде, да еще и с мушкетом в руках.

В целом, жизнь в военном лагере оказалась не слишком трудной. На правах адъютанта я отстранялась от тяжелой физической работы, а варить рис или резать мясо на кухне, равно как мыть посуду и чистить конюшни мне было не привыкать. К тому же, на конюшнях я неожиданно подружилась с Ченгом — тем самым мальчиком, который первым встретился мне в лагере. Он оказался бойким и словоохотливым, про себя я звала его «сыном полка» и, пожалуй, это был единственный воин в Железной гвардии, кто относился к странному фессалийцу по-простому и без предубеждений.

— Эх, если бы у моего отца были деньги, чтобы отправить меня на обучение в академию! — всякий раз вздыхал Ченг, когда разговор заходил о будущей карьере. — Я бы стал уже лейтенантом, а не выгребал конский и птичий навоз. Но есть такие парни, как я, и такие, как ты, Мар-Тин, или Фа Дэ-Мин.

При имени капитана я морщилась, и Ченг, замечая мою гримасу, сочувственно кивал.

— Да уж, приклеился к тебе как пиявка, не отдерешь, — ворчал он. — Завидует, что раньше он был самым знатным из нас, не считая главнокомандующего. А теперь появился ты... А правда, что брат пытался убить тебя на дуэли?

— Дуэль была со старшим, — с улыбкой отвечала я. — Его тоже звали Мартиным.

— Чего только не бывает! — удивленно крутил головой Ченг. — А говорят, что василиск может лучами из глаз стрелять. Это тоже неправда?

— Нет. У Дитера обычные глаза, только иногда в них аккумулируется магия, и тогда они становятся золотыми.

— Как у дракона?

— Вроде того.

— И у него тоже вырастает чешуя и хвост?

— Ничего такого нет, — возражала я.

— И он не стреляет ядовитыми шипами изо рта?

— Кто наговорил такой ерунды? — я, наконец, хмурилась и внутренне не уставала поражаться человеческой фантазии.

Ченг пожимал плечами и отвечал, что ходят слухи.

— Словно мухи, тут и там, ходят слухи по домам, — напела я, — а беззубые старухи их разносят по умам. Поменьше слушай всякую дичь, Ченг!

Мальчишка смеялся и в шутку прыскал в меня водой из шланга. Я пищала, уворачивалась и старалась, чтобы не намочила грудь: хотя я и утягивала ее эластичным бинтом, а мешковатый мундир скрывал женские формы, всегда оставалось опасение...

Особенно, когда рядом крутился Фа Дэ-Мин.

— Восемь из десяти? — презрительно морщился он, вырастая за моей спиной как из-под земли. — Для выпускника академии могло быть и лучше.

— Приглядитесь лучше, капитан Фа! — возражала я. — Две пули попали точно в яблочко! Девять из десяти!

— Бахвальство не украшает воина, — желчно отвечал Фа Дэ-Мин.

— Но я говорю правду.

— А пустые споры делают из воина сварливую женщину.

Спорить мне действительно не хотелось, я молча заносила результаты в лист учета, забирала мушкет и брела в свой шатер, а капитан сверлил меня взглядом, потирал обожженную руку, но притрагиваться опасался. Впрочем, его опасений поуменьшилось бы, знай он, что мне ни разу не удавалось повторить этот трюк с электричеством.

«Разве я не могу управлять силой кулона?» — спрашивала я недоуменно у духов-хранителей.

«Можешь, — отвечал Умник. — Но пока сила прорывается в минуты наибольшего душевного волнения. Так работает почти вся магия, и чтобы намерено управлять ей, понадобится время и усилия».

Я понимающе кивала. В конце концов, и Дитеру потребовалось время, чтобы осознанно управлять силой василиска, иначе стоять бы мне в его саду каменной статуей.

Шла к концу третья неделя.

Ю Шэн-Ли получил весточку из Фессалии, но к моему разочарованию писал не Дитер, а министр короля, имени которого я не запомнила. Кентария и Фессалия вели переговоры, и вот уже десять дней как о черных всадниках не было ни слуху, и духу. Фессалийские воины укрепили границу, ее дважды в день объезжал лично сам генерал фон Мейердорф, разговаривал с пострадавшими крестьянами, а кентарийский ярл требовал вернуть ему спорные земли, но войну не объявлял. Обе стороны выжидали, и это ожидание тянулось бесконечно долго, дрожа натянутой струной, вот-вот готовой лопнуть.

Это ощущалось и в альтарском лагере. Офицеры ходили хмурые и напряженные, солдаты бурчали. Что уже можно было бы выдвинуться в Фессалию, иначе когда придет нужда — будет поздно. А я пыталась отвлечься от тягостных мыслей, изнуря себя тренировками и верховой ездой и совершенно не слушая ворчливое недовольство хранителей-духов. Но так продолжалось недолго: то ли день выдался слишком жарким и душным, то ли действительно я слишком устала с утра, но после обеда, пытаясь забраться в седло, мир вдруг подернулся темной пеленой, в ушах зашумело, а ноги подкосились, сделавшись вдруг ватными. Я потеряла бы сознание, не вцепись в узду, и не будь рядом со

мною вездесущего Ченга.

— Что такое, эй? — услышала я сквозь противный обложивший уши звон. — Мар-Тин! Да что с тобой?

В лицо брызнуло что-то холодное. Я всхлипнула мотнула головой и увидела перед собой бледное лицо мальчишки.

— Что-то... голова кружится. Может, солнечный удар? — слабо проговорила я. Попыталась удержаться на ногах, но слабость пригибала к земле, и больше всего на свете мне хотелось лечь. Желательно в собственную постель, а не на колкую траву.

— Еще бы не перегреться! — понимающе закивал Ченг. — Вон солнце как печет! Небесный Дракон огнем пышет как из печки, давай, провожу до шатра.

Я оперлась о его плечи и, пригибаясь под собственным весом, поплелась в лагерь. Ноги заплетались, голова гудела, к тому же как-то странно подташнивало, и я с облегчением вздохнула, когда увидела прокалывающий небо флаг с тремя звездами на фоне дракона.

— Я позову лекаря, — предложил мальчишка, втаскивая меня под тенистый полог. — Вдруг это дает знать твоя травмированная спина?

«Только не лекаря!» — встрепнулся Забияка, и я повторила за ним:

— Нет, нет! Мне уже лучше, правда! Я полчаса полежу, и все пройдет, вот увидишь!

Наверное. Смотрела с такой мольбой и испугом, что Ченг хоть и удивился моему порыву, но все же ответил:

— Хорошо, хорошо! Отдыхай. Если я увижу господина Ю, то сообщу ему, что ты перегрелся на солнце и я отвел тебя в шатер. Так?

— Так, Ченг, — улыбнулась я, падая головой на подушку, и слабо пожала его ладонь. — Ты настоящий друг! Ну, теперь беги, командир не похвалит, что ты оставил лошадей без присмотра.

Мальчишка кивнул и испарился, задернув за собой полог. Я вздохнула и закрыла глаза. Живот немного крутило, тошнота так и не отступала, и в целом состояние походило на похмелье, которое мне приходилось пережить в своей далекой студенческой жизни. Может, и вправду перегрелась на солнце? А, может, отравилась походной едой или плохо вымытыми овощами. В следующий раз надо лучше следить за тем, что тащу в рот, а еще лучше попроситься на внеочередной наряд по кухне и устроить ревизию. Заодно приготовлю что-нибудь стоящее, куда лучше пресного риса с рыбой. Чего мне не хватало в местных блюдах — так это соли. Эх, хорошо бы ее да с черным хлебушком... а еще лучше с малосольным огурчиком из банки, какие делала моя бабушка. При одной мысли об этом у меня потекли слюни, и я даже замотала головой, чтобы избавиться от слишком яркой картинкой хрустящих огурчиков на блюде. Но тотчас головокружение вернулось, и я замерла, борясь с приступом. Поэтому сначала только услышала, как снова мазнул по воздуху отодвигаемый полог, потом послышались шаги по циновке, а потом только увидела склонившуюся надо мной фигуру Ю Шэн-Ли.

— Что-то случилось? — тихо спросил он, дотрагиваясь сухой ладонью до моего лба.

— Сейчас пройдет, — слабо ответила я, стараясь дышать размеренно и ровно, чтобы снизить позывы к тошноте. — Перегрелась... перегрелся на солнце, господин Ю. Или отравился.

Кажется, мои слова вовсе не убедили Шэна. Он сел на край моего топчана и покачал головой.

— Я говорил, — пониженным тоном произнес он, — что в армии будет нелегко. И это

только начало, мой друг. Что будет, когда мы выдвинемся в поход?

— Справлюсь, — сквозь зубы возразила я. — Всего лишь недомогание! Пустяки!

— Уверена? — прошептал Ю Шэн-Ли, сделав акцент на окончании слова. Я вздрогнула и подняла на альтарца непонимающий взгляд. Он не называл меня женским именем даже наедине. Почему же теперь?

«А ты не понимаешь?» — хмыкнул Забияка.

— Нет! — выдохнула я и только потом поняла, что Шэн воспринял мои слова как ответ на свой вопрос.

— Есть ли у тебя головокружение, слабость? — спросил он и сразу стал похож на заботливого семейного врача. — Может, тошнота?

— Немного, — кивнула я.

— А как у тебя проходит женский цикл?

Уж к чему-чему, но к этому вопросу я оказалась не готова! Однако же поняла, чем вызвано беспокойство: в некоторые дни прикидываться мужчиной будет особенно трудно.

— Думаешь, слабость вызвана этим? — я покачала головой. — Нет, Шэн. У меня еще нет...

И запнулась. Мысль понеслась галопом, и я едва могла угнаться за ней. Действительно, когда должны были начаться женские дни? Неделя назад? Две? Да, наверное, две... Здесь время летело так быстро, а дни были так похожи друг на друга, что я потеряла им счет.

— Задержка? — все так же тихо спросил Ю Шэн-Ли.

Живот опалило огнем. Я вспомнила, как в том сне маленькая девочка положила ладонь на мой живот и произнесла имя — Тея.

Будущая Оракул, которая выбрала хранителем меня.

Ребенок, способный остановить войну.

Духи, пробудившиеся сразу после последней совместной ночи с Дитером...

«А ты не слишком догадлива, хозяйка», — насмешливо заметил Забияка.

«Люди иногда бывают крайне беспечны, — поддакнул Умник. — Конечно, мы проснулись не просто так».

— Я созрела, — прошептала я. — Созрела и наполнилась силой. Так вы сказали тогда...

«В яблочко!» — воскликнул Забияка.

«В самое зернышко!» — подхватил Умник.

— Я беременна, — ошарашенно произнесла я и подняла на альтарца глаза. — Я жду ребенка, Шэн! Нашего с Дитером ребенка!

Перевернулся ли в этот момент мир? Не знаю, скорее, перевернулось что-то во мне. Нахлынуло теплой волной, обдало радостью, закружило в дурманящем водовороте.

«Спокойнее, госпожа! — предупредительно шепнул Умник. — Вам теперь нужно меньше волноваться!»

Я заулыбалась. Ах, если бы рядом был Дитер! Я бы так хотела сказать это ему в глаза! Увидеть, как загораются в его зрачках золотистые огоньки, утонуть в нежных объятиях...

Но так вышло, что самую важную новость я сказала не любимому человеку, а другу семьи, в военном лагере, где прожила почти три недели, переодевшись мужчиной. И вслед за радостью пришла грусть, а вслед за грустью — тревога.

— Тебе надо вернуться, — сказал Шэн, возвращая меня на землю. Я вздрогнула, хотя именно этих слов и нужно было ожидать. Приложила ладонь к животу, убеждая себя, что это мне чудится, но все равно чувствуя теплую пульсацию. Мой малыш...

— Куда? — спросила я и умолкла.

А действительно, куда мне возвращаться?

Мой настоящий дом остался далеко-далеко, за гранью Черного Зеркала. Теперь мое место рядом с Дитером, но и он уехал. А я, как жена декабриста, последовала за ним. Ни в Мейердорфском замке, ни в альтарском поместье не будет покоя, если туда нагрянут черные всадники. Да и слишком одиноко и пусто будет там без мужа.

— Вернешься в Альтар, — ответил Ю Шэн-Ли. — Мэри-Он, все стало гораздо серьезнее. Это уже не игра. Если ты ждешь ребенка, тебе сегодня же надо уехать домой, в резиденцию. Я не могу подвергать тебя такой опасности.

— Поэтому готов подвергнуть опасности еще большей? — невесело усмехнулась я. Ю Шэн-Ли непонимающе воззрился на меня и я села на постели, взъерошив остриженный затылок.

— В резиденции безопасней, — начал говорить альтарец, но я упрямо мотнула головой.

— Разве? Я никого там не знаю, Шэн. Мои служанки такие же чужачки, как я сама. После отъезда Дитера ты единственный человек, кто мог мне помочь. Я буду там одна, совсем одна! Со своими мыслями, с тяжестью на сердце. Здесь мне спокойнее, Шэн. Рядом с тобой мне кажется, я все преодолею! А скоро увижу и Дитера... я чувствую, что так будет! Здесь есть лекари. Здесь я под присмотром все двадцать четыре часа в сутки! Подумай сам!

Ю Шэн-Ли молчал, между бровями темнела привычная вертикальная складка.

— Если начнется война, — продолжила я, — если почувствую, что мне и ребенку грозит опасность, я сама уеду в тыл. А пока — рядом с тобой мне спокойней и безопаснее. Кто защитит меня там, на чужбине? А здесь... помнишь, как я узнала тайны фессалийской королевы? Я прикинулась ее служанкой! И могла без опасения мелькать перед ее носом. Так и сейчас, будучи воином Железной гвардии, я наиболее защищена от врагов. К тому же, — тут мой голос окреп, — мне не нужно лезть на передовую, пока я твой адъютант, господин Ю. Мальчик с травмированной спиной, штабная крыса...

— И весьма хитрая в придачу, — со слабой улыбкой заметил Ю Шэн-Ли. Я воспрянула духом и добавила:

— К тому же, я могу приносить пользу! Даже будучи беременной, смогу писать и доставлять куда нужно приказы, убираться на кухне и даже стрелять. Восемь из десяти, Шэн! А скоро будет и все десять. И потом, — я вздохнула и покрутила браслет на запястье, трогая крохотные узелки, — Оракул предсказала, что мой малыш... наш с Дитером ребенок положит конец войне.

— Так сказала Оракул? — переспросил Ю Шэн-Ли, оживая. В его глазах загорелся интерес.

— Да. Вот на этот браслет, — я протянула руку, — завязан заговор на моего ребенка. Я не должна снимать его, пока не рожу. И я не знаю, как это произойдет, но малютка положит конец кровопролитию. Так сказала мудрая О Мин-Чжу.

— О Мин-Чжу, — эхом повторил Шэн и как-то странно посмотрел на меня. — Ты все-таки видела ее?

— Да, — кивнула я, решив, что нет смысла подробно рассказывать Шэну о том, что произошло в императорском саду.

— Тогда ты удостоилась великой чести, — тихо ответил Ю Шэн-Ли. — Возможно, была последней, кто видел ее воочию. Тысячеглазая провидица скончалась несколько дней назад.

— Как?! — воскликнула я и замерла, прижав ладони к груди. Сердце тревожно колотилось, и мне казалось, что бьется не одно сердце, а два.

«Оракул сказала, что передала силу, — пронеслось в голове. — Неужели она являлась ко мне уже...»

«Духом, — подтвердил Умник. — Да, хозяйка».

— Значит, — прошептала я, — она приходила не только проститься, но и передать силу.

Вздыхнула и снова погладила живот. Было немного страшно, и я ждала, что ответит мне Ю Шэн-Ли. Но он почему-то молчал, задумчивый и серьезный, как статуя в императорском саду. Я ждала. И ждал, казалось, сам воздух, застыв вокруг плотным коконом, не пропускающим звуки внешнего мира.

Но вот в воздухе прошла рябь. Полог шатра качнулся, я сразу же прикрылась покрывалом, а Ю Шэн-Ли приподнялся, загородив меня спиной. Я услышала только, как кто-то позвал моего друга:

— Господин Ю! Приказ главнокомандующего!

— Говори, — позволил Ю Шэн-Ли.

— Приказано сворачивать лагерь и завтра на восходе солнца выдвинуться в Фессалию!

Вот оно! Внутри меня все сжалось, я скомкала одеяло и сидела, не шевелясь, пока солдат не покинул шатра, а Ю Шэн-Ли не повернул ко мне лицо с нахмуренными бровями.

— Слышал? — спросил он. — Армия выдвигается в поход завтра.

Я испуганно кивнула. В висках стучала одна мысль: «Отправит... отправит назад»

Но что мне сказать еще? Я сделала, что могла. Неужели этого не достаточно? Отчаяние билось в грудную клетку, как приливная волна, рубашка намочила от пота.

— Волнуешься? — снова спросил Ю Шэн-Ли.

Я опять кивнула, не понимая, куда клонит посол.

— В твоём положении не нужно волноваться, — сказал он. — Если слабость прошла, то собирайся.

— Куда, господин Ю? — пискнула я, поднимая наполненные отчаянием глаза. — Обратно в провинцию Фенг?

— До провинции Фенг два дня пути, — хмыкнул Ю Шэн-Ли. — Или ты думаешь, что главнокомандующий Е Бо-Джинг пожертвует ради какого-то адъютанта своей ездовой птицей?

Я растерянно молчала, не зная, что сказать. Драконы-духи тоже затаились и только изредка возились в кулоне, отчего по плечам разбегались мурашки.

— К тому же, — продолжил Шэн, — я нужен здесь, и одну тебя не отпущу. Поэтому нравится мне это или нет, но ты права. В армии рядом со мной ты в безопасности.

— Господин Ю! — задыхаясь, проговорила я, не веря своим ушам. — Но это значит, что...

— Кто я такой, чтобы противиться воле духов и пророчеству Оракула? — Ю Шэн-Ли пожал плечами. — Надо собрать вещи и хорошенько отоспаться перед походом.

— Шэн! — я радостно взвизгнула, сияя, как начищенный медяк. — То есть господин Ю! Если бы вы знали, как я счастлива! То есть счастлив...

Тут я подскочила и кинулась Шэну на шею, не в силах сдержать порыв. Альтарец сухо засмеялся, хлопая меня по плечам и спине.

— Ну, ну, довольно! — проговорил он, мягко отстраняя меня. — Не хватало еще, чтобы это увидели солдаты, тогда нам обоим придется объясняться перед суровым Бо-Джингом.

Знаю, я еще пожалею об этом, но лучше довести тебя до Ди и сдать из рук в руки.

— Спасибо! — радостно откликнулась я. — Благодарю вас, господин Ю!

— Тогда принеси бумагу и перо, адъютант Мар-Тин, — строго сказал Ю Шэн-Ли. —

Нужно отправить в Фессалию депешу.

Мне снова пришлось вспоминать альтарские иероглифы, и хотя я писала фессалийскому министру о том, что армия союзника выдвигается в поход, мои мысли были далеко-далеко, уже там, на границе Фессалии и Кентарии, рядом с Дитером.

— Ты справишься, любимый, — шептала я, старательно выводя знаки. — А потом мы будем вместе... ты, я и наша доченька.

Интересно, обрадуется ли Дитер девочке? Конечно, любой мужчина мечтает о наследнике, но не в любой семье рождается Оракул. Насколько этот дар тяжел? Тяжелее, чем проклятие василиска? Я вспоминала разрисованное глазами лицо провидицы О Мин-Чжу и сжималась от неясной тревоги...

Наверное, поэтому и сны в ночь перед походом были запутанны и странны.

Я видела Тею.

Она стояла посреди пшеничного поля, тоненькая и хрупкая, как колосок. Ветер едва колыхал ее белое платье и темные косички. Над ее головой вращалось Черное Зеркало, но звезды больше не срывались с неба, они горели, как острые бутылочные осколки. Тея показывала рукой куда-то в сторону и, повернувшись, я увидела, как на горизонте сгущается тьма, изредка пронизываемая огненными сполохами.

Мне хотелось закричать, позвать мою девочку, но она повернулась и пошла, раздвигая колосья, прямо навстречу сгущающейся тьме. Такая маленькая, такая хрупкая. А впереди бушевала буря — искрила молниями, густела, надвигалась неумолимо, как цунами. Мне хотелось побежать за моей малышкой, догнать, оградить от всех опасностей этого мира! Но ноги тонули в вязкой жиже, а Тея все удалялась, и вот уже тучи перед ней обретали очертания и формы, и вот уже неслись на черных скакунах черные всадники, как стаи саранчи. И имя им было Легион!

— Тея! — закричала я, пытаюсь вырваться из трясины.

И проснулась, обливаясь потом.

От слабости дрожали мышцы, меня мутило, накатывала тошнота. Наспех обернувшись простыней, я выскочила из шатра и согнулась в позыве рвоты. В ушах все еще стоял мой собственный крик, а белые флаги развевались как оборки на платье Теи.

Мимо пробежал солдат, лишь раз покосившись на меня, но не задержавшись надолго. У других шатров тоже колдовали люди: сворачивали пестрые ткани, спускали флаги, седлали коней и грузили припасы на повозки. То здесь, то там металась юркая фигурка конюха Ченга, и к моей радости капитана Фа нигде не было видно. Прокашлявшись и утерев выступившие слезы, я вернулась в шатер, где меня уже встречал Ю Шэн-Ли. Скользнув по мне взглядом, он спокойно осведомился:

— Дорога дальняя. Выдержишь?

— Должна, — дрожащим голосом ответила я, смахивая со взмокшего лба налипшие волосы, которые за время нахождения в лагере уже немного отросли.

— Если станет плохо, не стесняйся, говори сразу, — сказал Шэн. — Иногда солдаты получают солнечный удар и травятся рыбой или овощами, так что в твоём недуге нет ничего странного, Мар-Тин. Только держись рядом со мной, тогда никакая буря не сломает твою плодоносящую ветвь.

«Кроме черной бури из сна, — подумала я. — Бури, из которой приходят черные всадники...»

«Не думайте сейчас об этом, хозяйка», — шепнул Умник.

«Много будет знать — плохо будет спать», — поддакнул Забияка.

И оба хихикнули.

«Смешно вам! — мысленно огрызнулась я. — Существуете в моей голове и ничем не полезны, кроме подковырок!»

«Дайте нам время, — дружелюбно ответил Умник. — Нам еще предстоит окрепнуть. Но ведь и новый Оракул не больше зерна».

Я слабо улыбнулась и дотронулась до живота. Не больше зерна — а уже теплом веет. Совсем кроха — а уже снится мне во сне. Пусть таком пугающем, зато вряд ли есть в мире женщины, которые уже на таком сроке знают, кто у них родится и как будет выглядеть. А я запомнила Тею целиком: от пухлых щечек до мягкого подбородочка с крохотной ямкой, я видела ее улыбку и слышала самый мелодичный голос. Моя девочка... сумеем ли мы выстоять перед бурей?

— Куда деваться с подводной лодки? — пробурчала я и побрела собираться.

Я все еще чувствовала слабость, но была готова платить эту цену. Позавтракать нам не дали, Шэн пояснил, что некогда, придется ждать до привала. Солнце еще только-только карабкалось на безоблачное небо, и воздух прогревался, но все еще был прозрачным и свежим.

За все прошедшие недели в лагере я не видела столько солдат. Обычно группы делились, кто-то занимался рукопашной, кто-то на стрельбище, кто-то дежурил по кухне или на конюшнях, да мало ли находилось дел в походной жизни? Но теперь вся Железная гвардия собралась в одном месте, и люди сновали, гудели, как пчелы в улье.

Подтянув лямки походного рюкзака, я направилась к скакунам.

— Эй, Ченг! — замахала я рукой мальчишке. — Подготовил мне Резвого?

Резвый — это мой конь, на котором я тренировалась брать препятствия и к которому уже успела прикипеть душой. Мальчишка заулыбался и махнул в сторону:

— Все готовы! Поедешь со мной?

— А ты в каком отряде?

— В четвертом.

— А я в первом, — огорчилась я, зная, что Ю Шэн-Ли как посол наверняка поедет вместе с главнокомандующим. Главное, чтобы не во втором, которым командовал капитан Фа Дэ-Мин. А вот и он, легок на помине: прошел мимо с выражением крайней спеси на лице.

«Лучше бы под ноги смотрел, не ровен час, споткнется», — заметил Забияка.

— Если бы! — вслух хмыкнула я. — Такие по приборам летят.

Ченг воззрился на меня с недоумением, но, видимо, уже привык к странному поведению и ничего не сказал.

— Мы поедем в пятом, — раздался за спиной голос Ю Шэн-Ли.

Я обернулась. Посол стоял в походной одежде, легкая броня поблескивала заклепками, волосы туго стянуты на затылке.

— Почему в пятом? — удивилась я.

В пятом едут обозы с провиантом, оружием, свернутыми шатрами и палатками и прочим скарбом. Конечно, кто-то должен сопровождать и их, но явно не посольский

адъютант.

— Не с твоей спиной, — ответил Ю Шэн-Ли. — Запоминай: повозка под синим флагом, груз — медикаменты.

— Но...

— Никаких но, Мартин! — отрезал посол. — Выполняй!

Я расстроено ковырнула землю носком. Конечно, дело далеко не в спине, а в моей беременности. Ю Шэн-Ли обещал присматривать за мной и не собирался поступаться своими принципами. Ну что ж, ему виднее, хотя на первых сроках мог бы и позволить побыть мне немного в седле.

Не стала спорить и пошла к обозам, держа спину ровно и ничем не показывая своей досады.

— Что такое? — услышала я краем уха. — Мальчика не допускают до мужских игр?

Я продолжала идти, не сбиваясь с шага, надеясь, что это адресовано не мне. Зря.

— Тепло под крылышком посла, — продолжил все тот же насмешливый голос, и, скосив глаза, я увидела капитана Фа. Держа под уздцы вороного жеребца, он улыбался и говорил будто бы с другим офицером, который стоял тут же рядом, но так, чтобы я хорошо слышала его.

— Брось цепляться к мальчишке, Дэм, — добродушно проговорил незнакомый мне офицер. — Я слышал, он получил травму.

— Выпал из гнездышка, да неудачно, — хмыкнул Дэ-Мин. — Такие никогда не научатся летать.

— А кое-кому нужно крепче стоять на земле, — буркнула я, — а не витать в фантазиях, иначе есть риск свалиться и переломать кости.

— Что, что?! — вскинулся капитан. Он тут же бросил гладить коня по темной гриве и шагнул ко мне. — Ты это мне говоришь, Щегол?

— Нет, — ответила я, не сбавляя шага. — Я обращаюсь вон к тому ослу.

— Ослу?!

— Господину послу, говорю! — гаркнула я, и духи-драконы в голове хихикнули. — У вас что-то со слухом, капитан Фа.

— А у тебя не только с позвоночником, но и с головой! — в запальчивости бросил Фа Дэ-Мин. — Думаешь, смог одурачить всех побасенками о госпитале?

Я вздрогнула и споткнулась. Что он имел в виду? Неужели раскусил...

Меня прошиб пот и медленно пополз по спине, но капитан продолжил:

— Фессалийский василиск наверняка неплохо заплатил золотом, чтобы держать своего молокососа поближе к теплу. Безопасность брата превыше всего, не правда ли? А ну, стой, когда с тобой говорит офицер!

Я остановилась.

— Так точно, капитан Фа. Вы крайне проницательны.

— Я знал! — фыркнул капитан.

— А еще независимы, — продолжила я. — Сами придумали мне историю, сами сделали вывод.

«И сам распускает сплетни за твоей спиной, хозяйка, когда ты не видишь», — заметил Умник.

«Пусть, — мысленно огрызнулась я. — Когда я не вижу, меня можно даже бить».

— Наглец! — зарычал Фа Дэ-Мин, сверкая угольными глазами. — Такой же

избалованный и острый на язык, как и брат-чудовище! Но не думай, что сможешь вечно прятаться за его спиной и отсиживаться в штабе! Знаешь, что нас ждет?

— Дэм, идем! — окликнул второй офицер. — Оставь парня в покое, ради Небесного Дракона! Время!

Но капитан только отмахнулся и приблизился ко мне, но все же сохраняя между нами дистанцию.

— Черные всадники, — приглушенным голосом проговорил он. — Посланники небытия. Демоны, вырвавшиеся из недр земли. Как ни прячься, как ни таись, они придут за тобой с карающим огненным мечом. И как ты поступишь тогда, Мартин? — Фа Дэ-Мин жутко усмехнулся. — Убежишь? Или примешь бой?

Во рту у меня пересохло. Сон, виденный мною прошедшей ночью, снова встал перед моим внутренним взором. Маленькая девочка в белом платье, черный водоворот над головой, тысячи всадников...

Струшу я или нет?

— Нет, — прохрипела я. — Не струшу!

— Посмотрим, — жестко ответил Фа Дэ-Мин, будто полоснул по спине кнутом.

— Посмотрим! — повторила я, вскидывая подбородок.

— Мартин! — окликнул меня Ю Шэн-Ли. Он быстрым шагом шел к обозам и махал мне рукой. — Довольно болтать! Был приказ: грузиться в повозки и выдвигаться!

— Так точно, господин Ю! — крикнула я и сложила ладони на груди. — Прошу прощения, капитан Фа. Я должен ехать.

— Беги, трус! — сквозь зубы выцедил Фа Дэ-Мин.

Я вздрогнула, сжала кулаки от ярости, но постаралась не подать вида, а только ответила как можно более спокойным тоном:

— И все же, не витайте слишком высоко в своих фантазиях. Держитесь поближе к земле: с низкого не так страшно падать.

И, не дожидаясь ответа, помчалась к обозам.

Железная гвардия выдвинулась в поход.

7. Твари из Туманного Лога

Уже шестой день армия медленно продвигалась в Фессалийские земли.

Меня тошнило по утрам, от слабости постоянно кружилась голова и я, кажется, съела четверть всех запасов соли, чем вызвала у солдат насмешки и пересуды.

— В Фессали принято есть пищу посолонее, — спокойно пояснил Ю Шэн-Ли, и он был единственным, кто вселял в меня уверенность в том, что я все-таки дойду.

— Ох, и отравился же ты! — с удивлением качал головой Ченг. — Вот так положет!

— Пройдет, — улыбалась я. Похудевшая, с синяками под глазами, теперь я еще меньше напоминала фессалийскую герцогиню, а все больше заморыша, такого же грязного и всклоченного, как и все остальные воины.

Возникшее на пути озеро встретили ликующими возгласами. Здесь решили сделать привал. Главнокомандующий, которого я видела всего пару раз, да и то издали — он путешествовал на птице, бросая на свою гвардию тень гигантских крыльев — приказал развернуть полевую кухню. Шатры разворачивать не стали, довольствовались ночевкой на свежем воздухе, благо ночи были теплыми. Конечно, вместо со всеми купаться я не пошла, и с завистью глядела, как мужчины с мальчишескими воплями прыгают в воду, поднимая кучу

брызг.

«Отвернулись бы, госпожа», — ворчал Умник.

— Что естественно, то небезобразно, — парировала я, провожая завистливым взглядом очередного офицера.

«Задница у него тощая, — комментировал Забияка. — Кости выпирают. И фитиль короток».

— Есть, с чем сравнивать? — полюбопытствовала я.

«Разумеется, хозяйка, — тут же откликнулся дух. — Вы ведь не снимали кулон, когда кувыркались с василиском».

Вот теперь пришлось густо покраснеть.

— Извращенцы! — возмутилась я и щелкнула ногтем по кулону. — И часто вы наблюдали?

«Как только проснулись, в последнюю ночь, — с радостью откликнулся Умник. — Она была о-очень жаркой!»

Оба захихикали, и я готова была провалиться сквозь землю.

— Боишься отморозить зад, а, щегол? — это опять был капитан Фа Дэ-Мин. Он вытирался полотенцем и фыркал, вытряхивая из ушей воду.

— Боюсь ослепнуть от вашего величия, — пробормотала я, упрямо глядя в землю.

— Снова дерзишь? Лучше колоть кинжалом, чем языком.

— Тогда подождите боя, а не пикируйтесь со мной словесно.

— Тебе не победить ни в пикировке, ни в бою, — усмехнулся капитан, оборачивая бедра полотенцем, и теперь я смогла поднять на него взгляд. Накаченное тело Фа Дэ-Мина поблескивало от воды, твердые мускулы перекачивались под бронзовой кожей, волосы черным каскадом падали на плечи.

«Не Дитер, конечно, но в целом ничего», — одобрил Умник.

— Вот еще! — фыркнула я и снова уставилась в землю.

— А я говорю, что кишка тонка, — продолжал капитан, считая, что мои слова предназначаются ему. — Давай на спор, щегол? Один заплыв до того берега и обратно.

Он мотнул головой, и волосы черным жгутом хлестнули его по спине.

— У меня напрочь отсутствует соревновательный дух, — ответила я, все еще надеясь, что Фа Дэ-Мин сейчас уйдет, но тот не уходил.

— Ставлю на кон свой именной кинжал, — предложил капитан.

— У меня есть свой.

— Тогда вороного Бурана!

— Мой Резвый куда лучше.

— Еще вино из альтарских погребов!

— Я не пью вина.

Фа Дэ-Мин презрительно фыркнул.

— Ни оружие тебе не надо, ни коня, ни вина. Ну чисто девчонка!

«Угадал», — радостно сказал Забияка.

Я рывком поднялась на ноги и, не отвечая ничего, поплелась к лагерю. Продолжать разговор мне не хотелось, да и слова капитана коробили. Узнал или нет? Или ляпнул, лишь бы унижить меня? Перед солдатами, перед Шэном, перед самым главнокомандующим?

Стиснув зубы, я решила дождаться ночи, чтобы тоже искупаться. Может, Шэн мог бы меня прикрыть? Хотя и не пристало послу ходить на озеро со своим адъютантом.

Лагерь долго не засыпал. Солдаты сидели у костров, переговаривались, хлебали чай и травили байки. Я сидела возле Шэна, нахохлившись, как воробей. Он поначалу спрашивал, все ли у меня в порядке, не тошнит ли меня и нет ли слабости, но я отвечала односложно и только кивала, уверяя, что все в порядке, что скоро все пройдет. Самочувствие и правда быстро восстанавливалось, токсикоз не был долгим, и я полагала, что этим обязана охранному браслету из узелков. Клонило в сон, но я твердо решила тоже вымыться перед дальнейшим переходом, а потому упрямо ждала, когда основная масса уснет. Ночь густела, разбрасывала пригоршни звездного бисера. Небесный Дракон полетел сквозь пустоту навстречу любимой Розе, и я подумала, что точно так же теперь лечу навстречу моему генералу. Скоро ли воссоединимся? И что я ему скажу, когда увижу? Рассердится ли он?

Так, в думах, я пошла к озеру, оглядываясь по сторонам и надеясь, что никто не идет за мною следом.

Вода блестела рыбными чешуйками. В ней прятался лунный серп, блестящий и острый, точно сделанный из белого металла.

— Умник? Забияка? — окликнула я духов. — Можете посмотреть, нет ли кого рядом?

Кулон вспыхнул снежной искрой. Как два бестелесных призрака, от него отделились полупрозрачные силуэты драконов и потекли, свивая змеиные тела, один направо, другой налево. Издалека они казались струйками тумана, наползающего на лог. Глаза драконов посверкивали, как светлячки.

— Никого, лагерь спит, —дохнул сыростью Умник.

— Посторожим, госпожа, — полыхнул пламенем Забияка.

Я поспешно скинула сапоги, потом штаны и мундир. Подумала, снимать ли рубашку, но в мокрой одежде потом будет неудобно, да и поди просуши ее над костром. Поэтому скинула и их и с разбегу нырнула в воду.

— Ух! — тело едва не свело судорогой. Озноб иголочками пронизал разгоряченное за день тело, и, чтобы согреться, я поплыла, раздвигая ладонями кувшинки и водоросли. Плыла медленно, наслаждаясь тишиной. Куда спешить? К тому же, боялась, что могло от холода свести живот, и это навредило бы ребенку. Подумав об этом, я повернула к берегу и, нащупав ногами дно, принялась с наслаждением тереть кожу, смывая пот и пыль.

Драконы резвились в зарослях камыша, оставляя в воздухе туманные клочья. Туман сгущался и над озером, насыщаясь молочной белизной и постепенно скрывая все очертания.

— Хозяйка! — вдруг донесся призрачный голос Забияки. — Кто-то идет.

— Кто?! — я распрямилась, прикрыв грудь руками, и закрутила головой из стороны в сторону. В туманной дымке просматривался лес и далекие отблески костров. Но шагов не слышно, все тонуло в плотной тишине. Слышался только стук моего сердца и, казалось, ребенок в животе тоже тревожно задрожал в ожидании.

— Ш-щ, успокойся, моя хорошая, — прошептала я и погладила живот ладонью. Еще плоский, но скоро он будет расти, и тогда скрываться будет все труднее, но я надеялась в скором времени на встречу с Дитером, поэтому не слишком волновалась.

— Он уже близко, — шепнул Умник.

И оба дракона растворились над водой, превратившись в туман.

Я нырнула, оставив над поверхностью воды только голову, и отплыла в сторону, за камыши. Темный человек вышел из тумана и застыл, словно размышляя. Потом наклонился, и я с ужасом увидела, как он поднимает мои штаны.

— Так, так! — произнес знакомый и такой ненавистный мне голос. — Кто-то

устраивает ночные купания?

Он наконец вышел на освещенное луной пятно и я со стоном разглядела Ф Дэ-Мина. Только его и не хватало!

— По, это ты, пьянчуга? — продолжил капитан, и я услышала, что его язык немного заплетается. Наверняка офицеры приложились к походным флягам перед сном. — Решил освежить голову?

Он хохотнул. Я молчала, дрожа всем телом. Становилось зябко, к горлу подкатывала икота.

«Перейди на Федота, — подумала я. — С Федота на Якова, с Якова на...»

— Или ты, Ченг? — снова спросил капитан, подходя к самой кромке воды и всматриваясь в озеро. — Вылезай, маленький поганец! Выпей с нами, как мужчина!

Я все-таки икнула и зажала ладонью рот. Фа Дэ-Мин молчал, покачиваясь с носка на пятку.

— Ну хорошо, — с пьяным дружелюбием сказал он. — Сейчас я сам залезу в воду и найду, кто тут плещается. Раз-два-три-четыре-пять, — весело пробубнил он, стягивая сначала сапоги, потом штаны и рубашку, — я иду тебя искать. Кто не спрятался... — Фа Дэ-Мин размял плечи и развел руки в стороны, — я не виноват!

И плюхнулся в воду.

— Ай! — взвизгнула я, укрываясь от брызг.

— Ага! — Фа Дэ-Мин тут же повернулся в мою сторону и наши взгляды пересеклись.

«Беги!» — крикнул в голове Забияна.

«Куда, дурак? — возмутился Умник. — Чтобы госпожа сразу рассекретили?»

— А вот и сюрприз, — произнес капитан с нехорошей улыбочкой. — Конечно, я должен был сразу догадаться! Малютка Мар-Тин!

Я икнула, уже не сдерживая себя, и переступила назад по илистому дну. На коже уже выступали пупырчатые мурашки, а зубы выстукивали дробь.

— Решил все-таки сплавать к тому берегу и обратно? — спросил капитан.

— Почему бы и нет? — отозвалась я. — Ночь... теплая.

— Вижу, какая теплая, — лениво отозвался Фа Дэ-Мин. — Зуб на зуб не попадает.

Он засмеялся и в два гребка оказался подле меня. В тумане его глаза масляно поблескивали, мокрые волосы струились по плечам.

— Значит, брезгуешь нашим обществом, да, щегол? Возле костра не сидишь, вина не пьешь, купаться с нами не ходишь. Считаешь альтарцев недостойными своего общества?

— Нет... вовсе нет! — я отступила еще, но капитан вдруг подался вперед и схватил меня за плечо.

— А ну, стой! Скрываешь ты что-то, щегол! Говори, зачем притащился в Железную гвардию?!

Я взмахнула руками, отбиваясь от капитанской хватки. Испуг вспыхнул во мне как бенгальский огонь, опалил внутренности. Если он сейчас дотронется... если узнает! Нельзя допустить!

Кулон прыснул искрами. Они рассыпались по воде, скакнули на кожу Фа Дэ-Мина. Он зашипел, отдернув руку, лицо перекосило яростью.

— Магия, значит? Ах ты, гусенок!

— Гусь свинье не товарищ! — выкрикнула я.

Капитан зарычал. Я вскинула ладони, ощущая, как на коже собирается покалывающая

магия. Голубые искорки перетекали по пальцам. Я знала, что если Фа Дэ-Мин снова схватит меня, я обожгу его, как медуза.

Но никто из нас ничего не успел сделать.

Со стороны лагеря вдруг послышались истошные крики, потом выстрелы.

— Нападай! Твари... иэх! — донес ветер.

Туман колыхнулся и пополз с озера на берег, перевалившись через камыш, словно молоко через край кувшина.

Снова дикие крики — на этот раз полные ужаса и боли. Я услышала гудение, точно неподалеку заработала электрическая подстанция. Вибрация прошла по воде, и я тоже задрожала, прижав ладони к груди.

— Это в лагере! Кто-то напал на нас! — выдохнул капитан. Повернувшись ко мне спиной, он поплыл к берегу.

Я медлила, дрожа от озноба и все еще не решаясь вылезать следом. Туман становился все гуще, и вскоре Фа Дэ-Мин почти полностью пропал с моих глаз. Только тогда я решилась и медленно побрела к берегу.

«Уверена, хозяйка?» — спросил Умник.

Крики и пальба — единственное, что доносил ветер. А еще неясный гул, точно в воздух поднялась небольшая вертолетная эскадрилья. От этих звуков сжималось сердце, и я неосознанно держалась за живот, будто хотела защитить свою еще не родившуюся малышку.

«А у нее есть выбор? — спросил Забияка. — В этом тумане не видно ни зги, в одиночку и без оружия ее убьют быстрее».

Я вздрогнула. Слово «убьют» прозвучало зловеще и тревожно.

Поняв, что на берегу больше никого нет, я поспешно оделась. Зубы все так же колотились друг о дружку, но я не обращала внимания на холод. Ах, если бы рядом был Дитер! Он бы наверняка придумал, что делать! Мне так не хватало его хладнокровия и иронических советов, с ним было легко и не страшно. А теперь я была одна: беременная и без оружия. И туман надвигался со всех сторон, желая поглотить и меня, и всю Железную гвардию.

— Капитан Фа? — прокричала я в пустоту.

Нет ответа, только выстрелы и крики.

— Господин Ю? Шэн!

Я ускорила шаг, потом побежала. Мне тоже нужен мой мушкет! Добраться бы поскорее, но все скрадывал туман. Куда бежать? В какую сторону? Я остановилась, споткнувшись обо что-то мягкое и теплое. Нагнулась, с ужасом узнавая альтарца. В его груди зияла черная дыра, которая подобно кислоте разъедала грудную клетку. Мертвый.

Я закрыла рот ладонями. Ужас потек по венам, от слез защипало глаза.

Нет, нет! Так не может быть! Пожалуйста, кто-нибудь! Скажите, что я сплю!

«У него мушкет! — заметил Умник. — Скорее! Оно надвигается!»

— Что? — хрипло спросила я. — Что надвигается?

Дух не ответил, а меня снова бросило в холод. Нагнувшись, я выдрала из сведенных пальцев мушкет, зарядила его порохом. На мое счастье, не промок. Дрожа, я выставила вперед дуло. Непонятное гудение нарастало.

Из тумана вынырнула еще одна человеческая фигура и, раскинув руки, упала, как подкошенная. На его плечах шевелился горб. Вытаращив глаза, я наблюдала, как дергается существо на спине альтарца — теперь я была уверена, что это живая тварь. Суставчатое тело

шевелилось, трепетали слюдяные крылья, которые и издавали тот низкий гул, который я слышала еще на озере, шесть тонких лап скребли по доспехам воина, стаскивая их вместе с кожей. Я подумала, что еще немного, и сойду с ума. Но тогда тварь подняла голову и вскрикнула: на меня смотрел гигантский овод. Присосавшись к шее алтарца, он пил кровь. Фасетчатые глаза смотрели холодно и злобно.

— Ах, ты! Тварь! Получай! — закричала я и выстрелила.

Голова овода лопнула. Я зажмурилась, охнув от ударившей в руку отдачи.

«Надо бежать! — в панике просипел Забияка. — Хозяйка, вы забрели в Туманный лог!»

— Что это такое? — воскликнула я, загравленно озираясь, опасаясь, что тварь встанет и набросится на меня, но она только сгибала и разгибала лапы, а вскоре и затихла.

«С туманом приходят твари, — ответил Умник. — Наверное, их выпустили с той стороны Черного Зеркала. Помните, Оракул говорила, что портал открыт?»

В воздухе почудилось движение. Я нервно вскинула мушкет и прицелилась. Бах! Выстрел снес туго набитое брюхо существа раньше, чем он дотянулся до меня острыми когтями.

— Шэн! — закричала я, уже не думая о субординации. — Где ты, Шэн?! Где все?

Теперь меня по-настоящему трясло от ужаса. Я ожидала чего угодно: черных всадников, солдат, засады. Но все они были людьми или походили на них. Не на мерзких насекомых, от одной мысли о которых у меня сводило живот и желчь подступала к горлу.

— Малышка, — всхлипнула я. — Моя малютка...

Я должна была спастись и спасти свою дочь. Любой ценой!

И я побежала.

Откуда-то из тумана пикировали оводы, и я отстреливалась, пока хватало сил. Других звуков не было, кроме гудения крыльев и отдаленных криков, но они звучали разом со всех сторон, и я терялась в пространстве, тонула в молочном тумане. Господи! Пусть это скорее закончится! Пусть я спасусь! Пусть найду Шэна, пожалуйста!

По ногам хлестали папоротники, иссохшие ветки кололи плечи, и голова кружилась от усталости и страха.

— Шэн!

Мой голос сорвался на хрип. Я закашлялась, сложившись пополам. И вовремя!

Над головой спикировал овод. Я ощутила, как ветер от его крыльев поднял волосы на макушке, вскинула мушкет и нажала на спусковой крючок.

— Получи, гад!

Щелк!

И ничего не произошло.

«Перезаряди! — завопил Умник. — Скорее! Скорее...»

Овод заложил крутой вираж и навис надо мной.

Так близко, что я видела раздувшееся пузо, покрытое короткой и колючей шерстью. Видела когти, блестящие, как ножи. Я зажмурилась и выставила ладонь, одновременно почувствовав болезненный укол в шею.

Все? Это все?...

По телу разливалась электрическая дрожь. Я тяжело дышала и ждала. Голова наполнялась гулом, но ничего не происходило.

Я приоткрыла один глаз.

Овод все так же висел на расстоянии протянутой руки. А по моей ладони сновали

голубые искры. Они оплетали мою руку точно паутиной, дрожали на пальцах, срываясь с ногтей, как маленькие звезды. Скользя взглядом вниз, я увидела, что кулон горел, под его угольным панцирем вспыхивали голубые прожилки.

Овод протянул хоботок — едва не в толщину моего запястья. Поводил им из стороны в сторону, в темных глазах зеркально отразилась я сама и повторилась тысячу раз в каждой ячейке.

— Уходи, — прошептала я, не зная, что сказать еще. — Пожалуйста, оставь нас...

Овод отпрянул. Подпрыгнув в воздухе, как поплавок на волнах, он развернулся и понесся прочь, пока совсем не растаял в тумане.

«Он послушался, хозяйка! — радостно заревел Умник. — Он ушел!»

— Да, — устало прошептала я. — Наверное, послушался...

Голубые искры в последний раз вспыхнули и погасли. И тут же навалилась такая слабость, что голову обложило звоном, колени подкосились, и я упала прямо во влажную от тумана траву. И потеряла сознание.

Не знаю, как долго я провалялась в обмороке. Когда очнулась, туман поредел, и брезжил рассвет. Мой мундир был мокрым от росы, и я долго не понимала, где нахожусь, видя вокруг себя только деревья и овраги. Два дымных клочка кружились вокруг меня хороводом, посверкивая глазами и остановились, только когда я окончательно пришла в себя.

— В порядке! — радостно выдохнул Умник.

— Хозяйка справляется и без нас, — поддакнул Забияка.

Я поднялась на ноги, пошатываясь и хватаясь за молоденькую лиственницу. Меня пошатывало, перед глазами расходились круги.

— Где... все? — едва ворочая языком, спросила я. Вспомнила оводов и содрогнулась. Но лес хранил тишину: ни стрекота крыльев, ни выстрелов. Мушкет валялся в траве. Я подобрала его и машинально сунула за пояс.

— Не знаю, — сказал Умник.

— Не знаю, — откликнулся Забияка. — Наверное, ушли...

— Как ушли?! — закричала я.

Всхлипывая и спотыкаясь, побрела по лесу

— Шэн! — звала я. — Ченг! Кто-нибудь!

Тишина. Только с ветвей срывались капли и падали то на макушку, то за шиворот.

— Мы оберегали вас, хозяйка, — сказал Умник. — Твари отступили, но гвардия понесла потери.

Он мог бы и не говорить этого: я увидела распростертого на земле человека. Он лежал ничком, и я порадовалась, что не вижу его лица.

— Шэн! — снова крикнула я, на этот раз тише и не ожидая ответа. На глаза навернулись слезы. Как же так? Бросили одну... Может, уже посчитали мертвой.

— Здесь! — вдруг крикнул кто-то со стороны.

Я подпрыгнула и завертела головой. Кто сказал? Откуда звук?

— Эй! — позвала в ответ. — Тут есть кто-нибудь!

— Да, — слышалось со стороны оврага. — Помоги...

Голос перешел на хрип и сорвался в кашель.

— Сейчас! Иду! — прокричала я и припустила, перепрыгивая выпростанные из земли корни.

— Осторожнее, хозяйка! — предупредительно сказал Умник. — Не в вашем положении

так бегать. Да и потом, мы не знаем, кто это может быть...

— Он говорит по-альтарски! — отмахнулась я. — И ему нужна помощь!

Словно в подтверждение моих слов человек снова закричал:

— Скорей!

И застонал.

Драконы обогнали меня. Свиваясь в дымные штопоры, метнулись вперед и зависли над оврагом, покачиваясь на крученых хвостах.

— Это и правда альтарец, — сказал Забияка.

— И вы его знаете, — заметил Умник.

Я подбежала и остановилась на краю оврага.

— Капитан Фа, — растерянно проговорила я.

Фа Дэ-Мин поднял на меня бледное лицо, по лбу и вискам катились крупные градины пота.

— Ты! — выдохнул он. — Ще... гол!

Я отступила, на всякий случай положив ладонь на рукоять мушкета. Капитан закашлялся, замотал головой и подался вперед.

— Нет, нет! — поспешно сказал он. — Не уходи... Меня ужалила тварь... помоги, Мартин!

Он отнял ладонь от живота. Мундир оказался разорван, из черной дыры тонкой струйкой вытекало что-то ядовито-зеленое и густое.

— Ты... один? — снова спросил капитан Фа.

Я неуверенно кивнула и на всякий случай покосилась через плечо, но драконы истаяли туманом, лишь вспыхивали крохотные глазки, похожие на светлячков.

— Все... ушли, — прохрипел капитан. — А мы... заблудились в тумане. Эти твари...

Он снова закашлялся и захрипел. Мое сердце заныло от жалости. Каким бы врединой ни был капитан, он прежде всего оставался человеком и ему нужна была помощь. Вот только что я могла?!

— Я уверен, нас будут искать, — терпеливо ответила я. — Или хотя бы дождутся.

— Некогда... ждать, — вздохнул капитан и поднял на меня болезненные глаза, подернутые пленкой. — Подумают... что мы погибли... не догоним, не найдем...

Я с жалостью оглядела капитана. Выживет ли он? Рана не выглядела глубокой, но яд истекал вместе с сукровицей, а у меня не было лекарств, да и никого не было на многие километры вокруг.

Ступая осторожно, чтобы влажная земля не поехала из-под ног, я принялась спускаться в овраг. Капитан попытался подняться мне навстречу, но снова натужно закашлялся и согнулся, хватаясь за живот.

— Вас надо перевязать, капитан Фа.

Я опустила рядом на колени и осторожно отвела его руку. Фа Дэ-Мин поморщился, но ничего не сказал и не вскрикнул. Выглядела рана нехорошо, тут бы противоядие, да где его взять? А главное, как выбраться из этого леса?

— Нечем, — ответил на мой вопрос капитан. — Разве что рубаху порвать...

Я промолчала. В другой ситуации порвала бы свою, но не перед мужчиной, который также принимает за мужчину меня.

— Порви... мою, — сказал Фа Дэ-Мин и, привстав, принялся расстегивать мундир. Его руки дрожали, лицо перекосило страдальческой гримасой, и я бросилась ему помогать.

Пришлось отдирать присохшую ткань, и тогда капитан кусал губы и дрожал. Его к тому же лихорадило, я ощущала исходящий от кожи жар.

«Позвольте немного помочь, хозяйка?» — попросил Умник.

— Конечно, — пробормотала я, и капитан пропустил мои слова мимо ушей.

Я увидела, как два полупрозрачных туманных сгустка отделились от мокрой травы и поплыли к капитану, зависнув на уровне его головы. Фа Дэ-Мин хрипло выдохнул, и драконы выдохнули вслед за ним тоненькие и одной мне видимые струйки прохладного воздуха. По крайней мере, капитан не обратил на них никакого внимания, зато я заметила, как расслабились его мышцы, ему явно полегчало.

— Возьми кинжал и осторожно срежь ткань, — более ровным тоном произнес Фа Дэ-Мин.

— У меня нет, капитан Фа, — призналась я. — Только мушкет.

Капитан окатил меня презрением и цокнул языком.

— Штабной! Не успел получить оружие, а уже потерял.

— Зато меня не ранили, — возразила я и сняла кинжал с пояса капитана. В несколько взмахов раскроила заскорузлую ткань, стянула с Фа Дэ-Мина и промокнула вокруг раны. Он зашипел как рассерженный кот.

— Потерпите! — строго сказала я. — Я-то штабной, а вы? Наверняка не в первый раз.

— В... первый, — признался капитан и скрипнул зубами, когда я начала аккуратно перебинтовывать его. Рана и вправду выглядела небольшой, но от нее во все стороны разбегалась почерневшая паутина капилляров.

«Яд, — сказал Умник. — Он покойник».

— Не говори так! — не сдержалась я от окрика, и Фа Дэ-Мин дернулся и поглядел на меня с удивлением.

— Ну да, — сказал он. — Я еще не был... на настоящей войне... только на учениях.

— Значит, вы в какой-то степени тоже штабной, — с улыбкой заметила я, завязывая тугой узел.

— В некоторой степени да, — ответно усмехнулся Фа Дэ-Мин и прикрыл глаза. — И в первом же бою... позор!

— У каждого бывает в жизни черная полоса, — добродушно откликнулась я. — Вот так, теперь готово.

Набросила мундир обратно на его плечи. Что теперь?

— Поблизости должна быть деревня, — просипел Фа Дэ-Мин. — Я видел ее на картах.

— Сомневаюсь, что вы сможете идти, — с сожалением произнесла я, глядя, как колотит капитана. — Надо что-нибудь придумать.

«Сделать волокушу», — подсказал Умник.

— Как?

— Что? — капитан поднял на меня взгляд.

— Сейчас, — сказала я, поднимаясь на ноги. — Потерпите немного, капитан Фа.

Я сделала шаг. Он вдруг бросился ко мне и схватился за штанину.

— Не уходи, — захрипел он. — Не бросай. Я не хочу умирать! Я обещал отцу... что буду достойным его! А теперь... первая же битва! Мать умрет от разрыва сердца. Отец отречется даже от памяти обо мне... Капитан Фа погиб от жала твари из Туманного Лога! Позор!

Его глаза лихорадочно блестели, плечи сотрясались от озноба. И жалость снова опалила меня, я наклонилась и взяла его мокрую ладонь.

— Успокойтесь, капитан. Я вовсе не собираюсь бросать вас. Для меня вы слишком тяжелы, я не смогу нести вас на себе. Поэтому сооружу носилки. Подождите немного, хорошо? Я вернусь, обещаю!

Он подержал меня за руку, цепляясь, как за последнюю соломинку. Отпустил, и взгляд его потух.

— Хорошо, — прохрипел он. — Я... верю тебе, щегол... Мартин...

И попробовал слабо улыбнуться. Я улыбнулась в ответ.

Веток здесь валялось в достатке. Я выбирала сухие, но достаточно крепкие. Сняла мундир, связав рукава между ветками так, чтобы получилось что-то вроде носилок. На первое время сойдет, а там, возможно, удастся дотащить до деревни и заручиться помощью местных жителей.

Когда я вернулась, то с удивлением увидела, что капитан лежит на краю оврага, пыхтя и обливаясь потом. Он скреб пальцами по земле, подтягиваясь еще на несколько лишних сантиметров, и я сразу же подбежала к нему.

— Вам нельзя! Капитан Фа, вы истечете кровью!

— Я должен... был выбраться, — сквозь стиснутые зубы проговорил Фа Дэ-Мин. Растрепавшиеся из прически волосы липли ему на лоб черной паутиной. — Я не какой-то... слюнтяй!

— Конечно, нет, — успокоила я его и подтащила волокушу. — Сможете забраться сюда?

Не отвечая ни слова, капитан с пыхтением пополз вперед, загребая носками сапог размокшую глину. Я помогла ему устроиться удобнее на мундире, отбросила волосы с его лица. Он поймал меня за руку и слегка пожал.

— У тебя... доброе сердце, Мартин, — тихо произнес капитан.

Потом откинулся в изнеможении на волокуше и прикрыл глаза.

Солнце поднималось над лесом, туман таял, и пейзаж становился все более прозрачным. Драконы-духи летели впереди, указывая мне дорогу.

— Откуда ты знаешь, куда идти? — ворчал Умник. — Ты тоже видел карту?

— Нет, но я помню эти места, — отвечал Забияка, посверкивая рубиновыми глазами.

— Откуда?

— Так это наши родные места! Разве не знаешь?

Я хотела спросить, откуда Забияка помнит здешний лес и не является ли он сам выходцем из Туманного Лога, но не успела. Откуда-то со стороны послышались человеческие голоса и треск веток под шагами.

— Там люди! — воскликнула я, оборачиваясь к капитану. Но он не слышал меня, погрузившись в беспамятство.

— Умник, Забияка! — позвала тогда я. — Посмотрите, кто там?

Духи мгновенно растворились в воздухе, оставив после себя порыв холодного ветра. А я опустила ветки и в изнеможении присела на краешек. Сердце колотилось, дышалось с трудом. Я погладила живот: не тяжело ли малышке? Все ли с ней в порядке? Но ничего тревожащего не почувствовала, моя Тея спала, созревая и набираясь сил.

— Там фессалийские крестьяне, госпожа! — отрапортовал Умник, являясь прямо передо мной и гордо расправляя крылья. — Собирают хворост, а заодно и трупы тварей.

— Зачем им трупы? — растерялась я. В голову скакнул образ распухшей туши, крутящейся на вертеле над огнем. — Фу-у!

Я затрясла головой, прогоняя мерзкое видение. Нет, есть оводов вряд ли будут.

— Будут жечь их, — пояснил Забияка, — чтобы не осквернять Мейердорфскую землю останками тварей.

— Какую землю?! — вскричала я и подскочила с волокуши, как ужаленная. Не ослышалась ли?

— А вы еще не поняли? — невинно ответил Забияка, подмигнув алым глазом. — Туманный Лог примыкает к долине Водопадов, которая непосредственно находится в Мейердорфском герцогстве. Уж поверьте, недаром я дух Черного Дракона! Я родился в этих краях!

— А Железная Гвардия прокладывает путь вслед за Фессалийской, — подхватил Умник. — Не думаете же вы, хозяйка, что Его Сиятельство пошел бы какой-то другой дорогой?

От этих слов повеяло теплом. Я снова опустилась на волокушу и спрятала лицо в ладони, чувствуя, как по щекам льются слезы облегчения и радости. Мой новый дом и моя новая родина ждала меня и пришла на помощь. Шаги стали четче, голоса слышнее. Я смахнула слезы и, сложив ладони рупором, закричала по-фессалийски:

— Сюда! На помощь! Здесь человек ранен!

8. Противоядие

Пока доктор осматривал капитана, я сидела на крыльце хозяйского дома и чистила мушкет. Славные, но небогатые люди накормили меня, чем смогли, а заодно поделились последними сплетнями. Так я узнала, что альтарцы действительно идут по маршруту, проложенному Дитером, что сам герцог заезжал в замок за какой-то надобностью и что все были рады его возвращению. А еще шепотом передавали, что стоило Его Величеству разругаться с Его Сиятельством герцогом, как стабильность в стране тут же пошатнулась.

— Раньше Фессалия что? Как крепость стояла! — рассуждал кряжистый немолодой мужчина, задумчиво почесывая щетинистую щеку. — А теперь от Кентарии надвигается ураган, подует ветер — и снесет всех нас, как соломенный домик. Фью-у! — мужчина вытянул губы трубочкой и покачал головой. — Только на нашего хозяина и надежда.

— Видели его? — украдкой спросила я, поглядывая на собеседника из-под рыжей челки. Интересно, видел ли он госпожу Мейердорфскую? Узнает ли ее в чумазом мальчишке в мешковатой альтарской форме?

— Нет, — мотнул головой мужчина. — Вихрем пронесся, ну оно и понятно, черные всадники ждать не станут, — я вопросительно подняла взгляд, и мой собеседник снова дернул подбородком: — Нет, и их не видел. Спасибо Господу и Его Сиятельству, в наши края они не заглядывают. А вот я слышал, что в приграничье спасу от них нет. Думаю, и твари из Туманного Лога не просто так появились.

— Почему? — спросила я. — Я думал, они тут не редкость.

— Да как почитай Его Сиятельство титул принял, то и не было такой напасти. А теперь снова... Поговаривают, Черное Зеркало открыли.

Я вздрогнула и опустила голову. Об этом и предупреждала меня старая провидица.

— Но кто мог открыть его? — спросила я.

Мужчина не ответил. Из дома вышел доктор, вытирая руки мокрым полотенцем.

— Плохо, — сказал он. — Зовет вас... как, говорите, ваше имя?

— Мартин, — ответила я.

— Как нашего бывшего господина, брата Его Сиятельства, — заметил мужчина и завел глаза, сложив ладони в молитвенном жесте. — Упокой Господь его грешную душу!

— Я пока жив, — холодно отозвалась я и вошла в дом.

Фа Дэ-Мин лежал на лавке, бледный до синевы, укрытый до подбородка лоскутным одеялом. При виде меня его глаза загорелись лихорадочным блеском, он захрипел, попытался приподняться.

— Лежите, лежите! — прикрикнул доктор.

— Подойди, — просипел капитан, дрожа в лихорадке.

Он уже не казался таким напыщенным и сильным, по осунувшемуся лицу я поняла, что Фа Дэ-Мин не намного старше меня. Как он сказал? Это его первая битва. И в ней капитан проиграл, так глупо и обидно. Я вздохнула и села рядом. Его ладонь тут же вынырнула из-под одеяла и горячие пальцы сжали мое запястье.

— Мар-тин, — выдавил капитан. — Спа... сибо...

Я подняла брови, замерев от изумления. Тщеславный и гордый капитан благодарит меня, штабного щегла? Чудны дела творятся в Фессалийском королевстве! Но я сейчас же прогнала язвительные мысли, да и не хотелось ехидничать, когда я снова заглянула в его лицо: в глазах теперь сквозило отчаяние.

— Спасибо... что... вытащил... — повторил капитан, пожимая мою руку. — Могу ли я просить об... услуге, Мартин?

— Какой, капитан Фа? — откликнулась я.

Он провел кончиком языка по губам.

— Когда все закончится... поехать в провинцию Янь. Найти... моего отца, господина Фа... рассказать, что я доблестно сражался за Империю... что умер... на поле боя, как воин...

— Что вы такое говорите? — воскликнула я, и сердце заныло. Каким бы он ни был человеком, сейчас ему было плохо, и он умирал. И, зная это, так буднично рассуждать о смерти, что меня саму бросило в жар.

— Я знаю, что говорю! — запальчиво крикнул капитан, вложив все силы в эти слова. Его щеки на мгновение вспыхнули румянцем. — Я не... дурак, Мартин! Я знаю... умру, умру... но ты скажи отцу... я старался быть хорошим воином! Что ж... такая судьба... пусть мама отправит по священной реке двенадцать плавучих свечей... как память обо мне... и сестра... у них еще останется моя сестра! Она обязательно... выйдет замуж за доблестного... воина, а может... за государственного мужа... и родит им внуком. Пусть одного... назовет Дэ-Мином...

— Капитан Фа... — я снова попыталась вставить хоть слово, но он упрямо мотнул головой и стиснул зубы.

— Не обманы... вай, Мар-тин! Я слышу... поступь смерти. Вот она идет! Топ-топ-топ... как тысячи черных всадников! Я хочу... напоследок... — он сглотнул и задрожал снова, с трудом выталкивая слова, — изви... ниться перед тобой... Я был... несправедлив...

— Все хорошо, капитан Фа, — улыбнулась я, чувствуя, как щиплет уголки глаз. — Все позади.

Поддавшись порыву, я погладила его по руке. Кожа была сухая и горячая, натянутая, как пергамент.

— У тебя... доброе сердце, — прохрипел Фа Дэ-Мин. — И пальцы... у тебя тонкие пальцы, как у моей... сестры...

Он попытался улыбнуться одним краешком рта. Веки затрепетали и опустились, дыхание все еще с хрипом выходило изо рта.

— Спасибо, — шептал он. — Спаси...

Не договорил, проваливаясь в обморок. Горячая волна омыла меня, ударила в виски, слезы брызнули, как я не пыталась их сдерживать. Смерть всегда грязна и несправедлива, особенно, когда приходит к таким молодым.

— Капитан Фа! — звала его. — Дэ-Мин!

— Он не слышит вас, — мягко произнес доктор, тронув меня за плечо. — Я сожалею, господин...

— Нет, нет! — закричала я, вскакивая. — Он не может умереть! Только не сейчас! Не на моих глазах! Я ведь тащил его по лесу! Я ведь...

— Сожалею, — повторил доктор.

Я сглотнула слезы, утерла щеки ладонью.

— Должно быть какое-то противоядие, — зло сказала я. — Вы говорили, твари появлялись тут и раньше. Неужели все столкновения с ними заканчивались фатально?

— Неа, — откликнулся хозяин дома, скорбно стоящий в дверях и угрюмо посматривающий на умирающего капитана из-под насупленных бровей. — Не все, господин. Я же говорю, с тех пор, как титул принял герр Дитер, вздохнули свободнее!

— Но у меня нет противоядия, — возразил доктор. — Если оно и есть, то только в замке Его Сиятельства. Я слышал, у него коллекция разнообразных снадобий, в том числе и вытяжка из зоба альтарской птицы джэнь.

— Противоядие есть!? — закричала я и шагнула к доктору. — Умоляю, расскажите о нем! Вы говорите, у Его Сиятельства есть?

— Да, да, — закивал тот. — Вы знаете, наш герр Дитер фон Мейердорф дружен с Альтаром. Если бы не он, то Император никогда не послал бы своих воинов на поддержку Его Величеству Максимилиану.

— В этом не сомневаюсь, — энергично кивнула я. — Но все-таки, птица...

— Да, птица джэнь. Она обитает на священном альтарском плато Ленг, у птицы фиолетовый живот, зелёные перья, длинная шея и алый клюв. Она питается исключительно головами гадюки, поэтому мясо птицы токсично, а в зобе содержится вещество, способное растворять камень. Оно может убить человека, едва пройдя через горло и еще не достигнув пищевода. Однако, в малых дозах способно нейтрализовать действие любого-другого яда.

— Я понял, это сорбент, — кивнул я. Мысли понеслись быстрее ветра. Действительно, Дитер — василиск, его мать пытались отравить, убив таким образом и ее, и самого Дитера. Ни один яд не действует на него, и он сам хорошо разбирается в ядах. У кого и может быть противоядие — так это только у него.

— Запрягите мне повозку, — сказала я. — Мы выдвинемся немедленно!

— Вы собрались в Мейердорфский замок? — спросил доктор.

Я кивнула.

— Да. И чем быстрее мы уедем, тем лучше. Вы можете сделать что-нибудь, чтобы капитан перенес эту дорогу?

— Я постараюсь сделать все возможное, юный господин, — согласился тот. — Кровопускание и лекарство из коры дерева нут на время оттянут действие яда. Но если вдруг что-то случится... вы понимаете? Надеюсь, вы не будете винить меня за неудачу.

— Клянусь, я не стану! Только скорее, соберите капитана Фа!

— Может, вам нужен проводник, юный господин? — спросил хозяин дома.

Я покачала головой и грустно улыбнулась.

— Спасибо, но я сам из здешних мест. В Мейердорфский замок я найду дорогу с закрытыми глазами.

Я немного кривила душой, герцогство знала не слишком хорошо, зато все дороги здесь отлично знал Забияка. Он и показывал дорогу, полупрозрачным облачком пара над головой лошади. Она прядала ушами, пофыркивала, но слушалась беспрекословно. А Умник все это время парил над капитаном, обмахивая его крыльями и дуя на пылающие лихорадкой щеки.

Раз мы заночевали в подлеске. Дорога здесь становилась круче и извилистее, а это означало, что мы неуклонно поднимаемся в горы. Я напоила лошадь и смачивала водой пересохшие губы Фа Дэ-Мина. Он не приходил в сознание, бормотал что-то неразборчивое по-альтарски. Я спала рядом, укрывшись одеялом и вздрагивая каждый раз, когда Фа Дэ-Мина сотрясали судороги.

«Интересно, что скажет Его Сиятельство, когда узнает, что вы ночевали в одной телеге с мужчиной?» — задумчиво проворчал Забияка.

— Он не узнает, — твердо сказала я. — А я должна спасти капитана.

«Почему вы так цепляетесь за него?» — спросил дракон.

— Потому что пока есть возможность бороться за жизнь, я буду за нее бороться, — ответила я. Вдруг представилось, что на месте капитана мог лежать мой Дитер. Такой же бледный, мокрый, как мышь. Кто ухаживал бы за ни? Я бы отдала все, чтобы быть сейчас с ним рядом. Я бы так же поила его и смачивала лоб влажным платком, прижималась бы к спине, согревая своим телом и ощущая, как бьется его сердце.

Снились тревожные сны. Я снова видела черных всадников, но теперь они были гораздо ближе. Девочка в белом платье, моя маленькая Тея, все так же бежала им навстречу, и я не могла пошевелиться, только с животным ужасом наблюдала, как из кавалькады выскочил вперед рыцарь, закованный в черные латы. Его лицо скрывало забрало шлема, но я видела, как сверкают огнем демонические глаза. Конь под ним хрипел, выдувал из ноздрей огонь и пар. Я почему-то боялась, что рыцарь сейчас снимет шлем, и я увижу его лицо...

Проснувшись, я долго молчала, глядя в рассветное небо, настороженно вслушивалась в хриплое дыхание Фа Дэ-Мина и поглаживала живот.

— Ты тоже спишь, моя девочка? — шептала я. — Конечно, ты еще совсем крохотная, но я уже тебя люблю. И знаешь, иногда мне бывает немного страшно... как после этого сна. Я не знаю, как ты остановишь войну. Что может сделать такая кроха? И что делать мне?

Ответа не было, под сердцем царила тишина и умиротворение. Драконы нарезали надо мной круги и торопили в путь.

Мы достигли Мейердорфского замка после полудня.

В воротах открылась бойница и суровый голос осведомился:

— Кого принесла нелегкая?

«Как грубо! — возмутился Белый Дракон. — Хозяйка, можно я плюну в него паром?»

«Не надо, Умник, — с улыбкой подумала я. — Не мешай парню делать его работу».

А вслух сказала:

— Пусть солнце освещает твой путь! Я прибыл издалека повидать герра Кристофа. В добром здравии ли старина?

Из-за ворот послышалось сопение, потом тот же голос аккуратно осведомился:

— Откуда вы знаете дворецкого Кристофа?

— Как же! — воскликнула я. — Он меня еще на коленях в детстве катал! Доложи ему, что из Альтара вернулся Мартин фон Мейердорф. Да не один, со мной альтарский воин, которому нужна помощь.

Снова сопение. Должно быть, часовой раздумывал, впустить или нет незнакомцев.

— Мы держали битву с тварями из Туманного Лога, — веско произнесла я. — Отбились от отряда, потерялись в тумане. Наша гвардия под предводительством главнокомандующего Е Бо-Джинга едет к границам, чтобы противостоять черным всадникам. Приказом короля Максимилиана объявлено, что на протяжении всего пути альтарцам будет оказана любая помощь, какая только понадобится.

— Как говоришь, твое имя? — спросил часовой.

— Мартин фон Мейердорф, — прилежно повторила я. — Брат Его Сиятельства Дитера фон Мейердорфа.

Кажется, парень икнул. Я услышала топот сапогов по брусчатке. Вздохнула и положила ладонь на лоб капитану: Фа Дэ-Мин горел и в сознание не приходил. Что, если я не найду противоядия в замке?

«В любом случае, вы пытались», — заметил Умник.

— Конечно, — прошептала я.

Шаги послышались снова, теперь шли двое. Заскрипел ворот, загромыхали замки.

— Быть того не может! — услышала я ворчливый стариковский голос. — Мартин? Ты уверен?

— Так точно, герр Кристоф! — браво отвечал часовой. — Спросите сами.

— Мартина убили много лет назад! — рыкнул Кристоф и распахнул ворота.

Какое-то время мы смотрели друг на друга: я упрямо из-под челки, он с недоверием, хмуря кустистые брови.

— А ты ничуть не изменился, Кристоф, — наконец, тихо сказала я.

Старик охнул. Схватился за сердце и выдавил:

— Гос-пож...

Подбежав к нему, я сгребла его в объятия, не давая закончить фразу, шепнула в ухо:

— Шш! Подыграй, Кристоф, миленький!

Похлопала его по спине и залихватски расцеловала в обе щеки.

— Как же я рад встрече! Кристоф, старина!

Часовой пялился на нас, на всякий случай крепко схватившись за мушкет. Кристоф тяжело дышал, порываясь что-то сказать, но в последний миг передумывал.

— Разве ты не узнаешь Мартина, брата Дитера? — весело подмигнула я. — Помнишь, как ты катал меня на коленях и играл со мной в солдатиков?

— Разве Мартина не убили? — подал голос часовой.

Я махнула рукой.

— Так это старшего убили! А я младший. И оба Мартины.

Засмеялась, и Кристоф неловко подхватил мой смех. Вздохнув от облегчения, я посерьезнела и показала на телегу:

— У меня раненый. Его ужалила тварь из Туманного Лога. Скорее, отнесите его в замок, мы должны ему помочь!

— Конечно, Ваше Сиятельство, — наконец, ответил Кристоф и почтительно поклонился мне.

Я подождала, пока к часовому присоединятся слуги и загрузят капитана на носилки.

Немного отстав, дернула Кристофа за рукав и прошипела:

— Все объясню, обещаю.

— Надеюсь, фрау, — так же шепотом ответил он, как мне показалось, немного язвительно. — Его Сиятельство знает, что вы вырядились в альтарца, да еще и обрезали свои чудесные локоны?

— Не знает, — ответила я. — Но мы скоро встретимся, я собираюсь ехать к нему.

— Уверен, это будет сюрпризом, — пробормотал дворецкий.

Вредные драконы рассмеялись в моей голове, а я дернула подбородком, отгоняя не слишком приятные картины нашей встречи. Дитер умеет быть несносным, если того захочет. Особенно, когда идут наперекор его воле.

— Он был здесь? — спросила я.

— Нет. Но посылал за снадобьем Чи, ускоряющим заживление ран, — ответил дворецкий. Я подпрыгнула от радости. Значит, действительно, у замке есть коллекция лекарств и противоядий. Только бы найти ее!

— А ты знаешь, где Дитер хранит лекарства и яды? — спросила я.

— Нетрудно догадаться, — усмехнулся Кристоф и завел глаза вверх. Я проследила за его взглядом и увидела рамы, лишь недавно избавленные от глухих досок, и выкрашенные в белый цвет.

Комната, где Дитер хранил портреты родителей. Запретная комната.

Капитана оставили в гостевой комнате, положив на кровать. Тогда как мы с Кристофом поднялись вверх. Замок после реконструкции выглядел куда светлее и воздушнее, в стрельчатые окна лился золотой солнечный свет, пылинки плясали в воздухе как золотые искры — те самые, которые я привыкла видеть в глазах Дитера. Горьковатый коньячный запах мешался со сладким ориентальным запахом, и мое сердце зануло: так пахнет дома.

— Какие еще новости, Кристоф? — с жадностью спросила я, распахивая двери, теперь не запертые на замок. Книжные стеллажи были вычищены, портрет матери висел напротив портрета отца, и косые раны на холсте оказались теперь аккуратно заклеены. Простил ли Дитер старого герцога? Если и нет, он сумел переступить через свою гордость и все-таки сохранить память о нем.

— Кроме того, что прилетал адъютант Его Сиятельства? — спросил Кристоф, шаркая по паркету. — Пожалуй, никаких. Выжидаем, как в осаде. Слухи разносятся со скоростью молнии, но грохочет пока в отдалении, здесь только эхо и слышим. Да вот разве что наш конюх сбежал тогда же, когда арестовали Ее Высочество.

— Конюх? — переспросила я и догадка неприятно кольнула висок. — Якоб?

Кристоф закивал.

— Да, да. Поговаривают, его видели спешащим к фессалийской границе. Может, хотел сбежать в Кентарию, а может, и сгинул без следа. Туда ему, подлецу, и дорога.

— А что сама королева? — спросила я.

— О ней и вовсе ничего неизвестно. То ли умерла в заточении, то ли сбежала. Слухи ходили, будто у Кентарийского вождя появилась могущественная ведьма, которая и посылает на наши земли черных всадников.

— Думаешь, это королева? — вздрогнув, спросила я.

Кристоф пожал плечами.

— Слухи по ветру носятся, а правда, или нет — кто скажет?

Замолчал и, кряхтя, потянул за потайной рычаг. Часть стены отъехала в сторону, открыв

темную нишу, сплошь уставленную полочками. Я вспомнила, что похожая конструкция была в королевском дворце. Так я смогла доказать, что королева обладает колдовскими зельями и подливает одно из них королю в пищу.

Колдовской тайник.

— Вы знали о нем, Кристоф? — спросила я.

Дворецкий утвердительно кивнул.

— Семье Мейердорфов я служу не первый год, помнил еще старого герцога. Он был большой любитель экзотики, помешан на ядах. Выписывал зелья со всех концов земли. Герр Мартин продолжил традицию отца, но не долго. Когда Его Сиятельство Дитер завладел замком, он хотел опустошить этот тайник, но передумал. Вообразил, что с помощью зелий сможет избавиться от проклятия василиска. Но избавился все-таки благодаря вам, фрау Мэрион.

— Не до конца, — рассеянно ответила я, осматривая полки. Все снадобья были подписаны: какие-то убористым едва ли не женским почерком, какие-то размашистым, а каким-то четкими буквами самого Дитера. — Сила осталась, но теперь Дитер умеет ей управлять. Я только беспокоюсь за нашего...

«Ребенка», — чуть не произнесла я, но закусил губу. Незачем Кристофу это знать. Как и про Оракула, и про вещие сны, и духов-драконов, затаившихся в моем кулоне и иногда болтающих в моей голове.

— Я слышала, от яда тварей из Туманного Лога поможет вытяжка из зоба птицы джэнь, — сказала я и принялась выставлять пузырьки на стол. — Помогите же, Кристоф!

Склянок было много. Пузатые и вытянутые, прозрачные и мутные, всех цветов, размеров и форм.

— Слизь Миррской жабы, — читала я вслух. — Фу! Вот пакость, должно быть! А это? Толченые корни мандрагоры. Почки синей ивы. Язычки василиска... — я замерла, разглядывая бурый порошок на дне грязноватого флакона.

«Осторожней, госпожа! — предупредил Умник. — Здесь двойное стекло, но малейшая трещина может грозить вам необратимыми последствиями!»

Я вспомнила окаменевшую руку королевы и быстро поставила флакон на место. А вот на другом, стоявшем в глубине, обнаружила знакомые альтарские иероглифы и под ними дублирующее название: «Вытяжка из зоба джэнь».

— Вот оно! — ликующе закричала я и подняла к свету склянку, внутри которой плескалась густая ярко-зеленая жидкость. — Я нашла, Кристоф! Теперь скорее, нужно дать капитану Фа противоядие!

Мы поспешно спустились вниз. На счастье, капитан Фа еще дышал, но в сознание не приходил.

«Хозяйка, вы знаете, сколько капель давать больному?» — спросил Забияка.

Я не знала. Доктор говорил о нескольких каплях. Но сколько конкретно?

Стояла в дверях и растерянно крутила в пальцах колбочку с зельем. Солнечные лучик то отскакивал от стеклянных граней, то падал во мрак. Жизнь и смерть. Чего ждать сегодня?

«Не беспокойтесь, хозяйка, — послышался спокойный голос Умника. — Я знаю. Две капли на кончике ножа разведите в стакане воды».

— Спасибо, Умник, — поблагодарила я и распорядилась принести воду.

Зелье окрасило ее в изумрудную зелень. От напитка пахло чем-то плесневым и не очень аппетитным, но я надеялась, что мне удастся заставить капитана выпить его до дна.

Кристоф помог раскрыть ему рот, и я принялась медленно, по несколько капель, вливать лекарство в горло, стараясь, чтобы Фа Дэ-Мин не захлебнулся и не закашлялся.

— Он все еще не приходит в сознание, — вслух заметила я, кусая от отчаяния губы. Не знаю, чего я ждала: что больной откроет глаза? Узнает меня? Назовет по имени? Капитан по-прежнему находился без сознания.

«Терпение! — сказал Умник. — Оставьте его на пять-шесть часов и ничего больше не давайте. Если через это время так и не придет в сознание, повторите процедуру».

Я кивнула и, погладив капитана по щеке, отошла от постели.

От усталости ныло все тело, спать хотелось нещадно. Я попросила Кристофа приготовить ванну и постель в моих бывших покоях. Там тоже было пусто, но витал едва ощутимый цветочный запах, и полная Марта, поджидающая меня с махровым халатом в руках, точно появилась из какой-то прошлой жизни.

— Вы так похудели, фрау! — всплеснула она руками, точно бабушка, встречающая любимую внучку неизменным восклицанием о ее худобе.

Я улыбнулась и ответила, что скоро поправлюсь. Марта хитро посмотрела в ответ, но или не поняла намека, либо намерено не стала расспрашивать ничего, и принялась аккуратно растирать мою кожу. Только теперь я поняла, насколько соскучилась по горячей воде и благоухающему мылу. Застонав, я погрузилась в воду до горла и прикрыла глаза.

— Хорошо, Марта...

— Еще бы не хорошо, — проворчала та. — Вон, какие вы пыльные, фрау! Руками картошку копали, что ли? А уши! Разве можно в приличном обществе показываться с такими ушами?

Я хихикнула с закрытыми глазами и ответила:

— В последнее время я вертелась в совершенно неприличных обществах. Сначала альтарские офицеры, потом стая жалящих тварей из Туманного Лога, потом фессалийские крестьяне... Сама понимаешь, недосуг следить за внешним видом.

— Ох, беда! — вздыхала Марта, намывая мне шею. — Ох, и егоза вы, фрау. Ох, и приткая ящерка. Немудрено, что наш герцог на вас женился, два сапога пара. Он в походах, и вы за ним. Вон, и кудри свои состригли. Ах, жалость какая!

— Кудри отрастут, — ответила я.

Пользуясь случаем, попросила Марту подравнять прическу. Потом укуталась в халат и прилегла на кровать, наказав, чтобы сразу же сообщили мне, если капитан Фа придет в себя. Я немного боялась, что мне снова приснился поле и черные всадники во главе с рыцарем, закованным в черные латы, но Забияка шепнул мне:

— Спи, госпожа, и ни о чем не думайте! Мы будем охранять ваш сон.

Материализовавшись, оба дракона туманными змеями обвились вокруг кровати, зависнув в воздухе как два полупрозрачных обруча. И я уснула.

На этот раз мне и правда ничего не снилось, и я проснулась отдохнувшая и бодрая, хотя и прошло не больше пяти часов. Драконы все так же висели в воздухе, негромко перешептываясь между собой.

— Давай замеряем! — упрямо сипел Забияка, дрожа острыми гребнями. — Развернемся в полную длину, тогда увидишь, что я длиннее тебя сантиметров на двадцать!

— Только за счет шипов, — возражал Умник. — Ты сбрасываешь их несколько раз в год, а когда они сброшены, то ты короче на пять сантиметров.

— Зато хвост все равно длиннее. Давай посчитаем позвонки?

— Делать мне больше нечего, как позвонку считать! — фыркнул Умник и тут заметил, что я давно не сплю а во все глаза гляжу на спорщиков. — Хозяйка!

Оба дракона заметались, то уплотняясь, то растворяясь дымкой. Их морды выглядели так сконфужено и забавно, что я рассмеялась.

— Ох, мальчишки всегда одинаковы, драконы или люди, — заметила я, утирая слезы. — Хлебом ни корми, дай померяться хвостами!

— Хвосты — важный элемент в иерархии драконов! — проворчал Забияка и первым уменьшился до размеров моей ладони.

— Мы не хотели будить, хозяйка, вы так сладко спали, — пропел Умник, уменьшаясь тоже и подлетая к моему плечу. — Полчаса назад заглянул Кристоф и доложил, что алтарь пришел в сознание.

— Что ж вы не сказали?! — я подскочила на постели и укоризненно глянула на сконфуженных духов. — Эх, вы! А еще хранители.

Оба уменьшились от стыда до размеров гречишных зернышек и полезли в кулон, отозвавшийся легкой вибрацией.

Я искала глазами алтарскую форму, но не нашла.

«Марта постирала ее», — пискнул Умник.

Этого еще не хватало! Не выходить же к Фа Дэ-Мину в платье? В конце концов, я запахнула халат и завязала его потуже, растрепала пальцами волосы и только тогда спустилась вниз.

Капитан лежал, глядя в потолок. Все такой же бледный и будто бы безжизненный, но я видела, как трепещут его ресницы, как ровно поднимается и опускается грудь, да и хрипов больше не было слышно.

— Мы сделали перевязку. Сейчас он должен пойти на поправку, — сказал Кристоф, и я вздрогнула, ожидая, что он добавит «фрау», и тогда вся тайна насмарку. Но старый дворецкий не добавил ничего, только отошел в сторонку, пропуская меня к постели больного, а потом и вовсе вышел. Я присела на краешек, с тревогой заглядывая в его лицо.

— Капитан Фа? — позвала я. — Как вы себя чувствуете?

Взгляд Фа Дэ-Мина скользнул вправо-влево. Он вздохнул, пытаясь приподняться на подушках, но в бессилии упал обратно.

— Лежите! — предупреждая сказала я. — Вам нужно отдыхать.

Не знаю, узнал ли он меня. Оценивающий взгляд стрельнул из-под ресниц, бледные губы шевельнулись. Я наклонилась, потрогала пальцами лоб. Все еще горячий, но уже не пышущий жаром. Неужели противоядие сработало?!

— Ан... гел! — произнес Фа Дэ-Мин. Закашлялся и сглотнул тягучую слюну. — Наверное, я умер...

— Еще как живы! — возразила я. — А скоро поправитесь совсем.

Я погладила его по волосам. Щемящая нежность наполняла изнутри, рвалась наружу. Это, наверное, гормоны. Ожидая ребенка, я хотела заботиться, ухаживать, жалеть. А, может, мне действительно было по-человечески жалко этого еще молодого парня, пусть доставившего мне столько хлопот, но все-таки не заслужившего столь бесславную и раннюю смерть.

— Когда... мы были маленькими, — проговорил Фа Дэ-Мин и, видя мое недоумение, добавил: — Мы с сестрой... то верили... что в самые тяжелые дни... каждому человеку является его ангел-хранитель. Я никогда не думал... что это правда.

— Но я не ангел, капитан, — с улыбкой возразила я.

— Нет, нет, — он замотал головой и перехватил мои пальцы, сжал их, с надеждой заглядывая в мое лицо. — Я видел тебя раньше... твоё лицо... глаза... Я запомнил твои глаза! Столь прекрасные... Каких не бывает... ни у одного смертного...

Тревога зародилась по сердцем и кольнула острыми иголочками.

«Ваша красота подобна падающей звезде, а ваши глаза — озера. О, твои глаза! Я сразу влюбился в них, как только увидел!» — вспомнилось мне. Именно так капитан говорил в императорском саду, когда принял меня за одну из наложниц. Я попыталась выпростать руку, но ничего не вышло.

— Не оставляй! — со страхом воскликнул Фа Дэ-Мин. — Не бросай одного... в темноте! Я не хочу обратно в страну мертвых, где вечная тьма и холод!

— Я не оставлю! — испуганно ответила я и снова погладила его по волосам. — Успокойтесь, капитан Фа. Отдыхайте и ни о чем не думайте. Я не покину вас.

— Никогда? — робко, с какой-то детской надеждой спросил капитан.

— Никогда, — грустно улыбнулась я. — Все хорошо будет, вот увидите. А теперь спите.

Он глубоко вздохнул, прикрыл глаза и вскоре погрузился в сон. Рука безвольно опустилась на кровать, и я заботливо подоткнула одеяло.

— Кристоф! — позвала я. — Подготовьте мне мою комнату, хорошо? Наверное, нам придется пробыть здесь какое-то время.

— Боюсь, это невозможно, — отозвался дворецкий, входя в гостевую комнату. Вид он имел запыхавшийся и уставший.

— Почему? — машинально спросила я и тут услышала со двора очень знакомый рев. Так могло реветь только одно существо: виверна Его Сиятельства! Сначала я хотела побежать к окну, но едва поднялась, как у меня подкосились ноги, и я снова плюхнулась на краешек кровати. Живот скрутило узлом, и я погладила его ладонью, прошептав:

— Ну, ну... Успокойся, моя малышка.

Сделав один глубокий вдох и один глубокий выдох, подняла глаза на Кристофа и совершенно спокойно произнесла только одно слово:

— Дитер?

— Да, — совершенно несчастно ответил дворецкий. — Прибыл только что в сопровождении господина альтарского посла. И оба ищут какого-то потерявшегося адъютанта. Вы не знаете, фрау, кто бы это мог быть?

9. Награда

Перепрыгивая через ступень, я помчалась вверх, во все горло зовя Марту. Та выскочила с выпученными глазами, запыхавшаяся и растерянная.

— Мундир! — закричала я. — Мой мундир где?!

— Высох уже, фрау, — отозвалась она. — Принести, что ли?

— Немедленно! Сию секунду!

И скрылась в своих покоях. Марта вскоре явилась следом, отдуваясь и неся на плече наскоро отглаженную форму.

— Помочь одеться, фрау?

— Сама я, сама! — выпалила, наспех натягивая рубашку и брюки.

«Можно смотреть на три вещи, — радостно заметил Умник. — Как идет дождь...»

«...купается красивая девушка», — поддержал Забияка.

«...и одевается наша госпожа».

И оба захихикали.

— Да помолчите, вы! — с досадой сказала я и застегнула мундир, перевязав его поясом.

Конечно, мне хотелось сразу же бежать к Дитеру, кинуться ему на шею, обнять, рассказать взахлеб, как я устала, как ехала за ним через полстраны, как стреляла в ядовитых тварей и тащила на волокуше раненого...

Вот только как он меня примет?

Я сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, успокаивая колотящееся сердце.

Закрывает глаза и шагнула на лестницу.

Как в омут головой.

— Герр Мартин фон Мейердорф? — услышала я знакомый голос. В нем сквозила насмешка.

Я привычно вздернула подбородок, как меня учили в Железной гвардии, и, не глядя на двух стоящих посреди холла людей, отчеканила в пустоту:

— Так точно!

Я нарочно смотрела перед собой. Мне казалось, что если сейчас я увижу выразительные, с золотистыми искрами глаза Дитера, то мои колени подогнутся и я упаду прямо ему на руки и разрыдаюсь от облегчения и счастья. Но мне отчего-то не хотелось показывать слабость. Не для того я ехала за ним, не для того покинула уютное гнездышко в провинции Фенг, и не для того носила под сердцем Оракула... и я ждала.

— Любопытно, — сказал Дитер, и его голос резонировал во мне, словно он был камертоном, а я струной, отзываясь на каждое слово, на каждый взгляд. — У меня был один брат по имени Мартин, я убил его на дуэли.

— Так это вы старшего убили, господин генерал! — отозвалась стоявший немного позади Ю Шэн-Ли. — А он младший.

— И оба Мартина?

— Оба, — Шэн развел руками.

— Откуда же ты взялся такой рыжий? — Дитер обошел меня вокруг, слегка коснулся пальцами волосы. Я дрогнула, но выстояла и даже не повернулась, только ответила:

— В маму, господин генерал.

Он взял меня пальцами за подбородок. Я моргнула и подняла взгляд.

Генерал стоял передо мной: такой родной, такой близкий. Глаза прятались за стеклами очков, и я видела в них свое отражение, обрамленное пляшущими золотыми огоньками. Все было как в первый раз: таинственный Мейердорфский замок, зала, утопающая в тенях, под ногами блестящий паркет, и мы друг напротив друга, тянущиеся друг к другу, но все еще вынужденные соблюдать дистанцию.

— Ослиным упрямством, значит, тоже в тещу, — повторил Дитер.

Я нахмурилась и недовольно засопела, но на лице генерала не дрогнул ни один мускул.

— Ну расскажи, адъютант, почему ты приказ нарушил?

— Какой приказ? — удивленно моргнула я, не ожидая такого вопроса. За спиной Дитера зашевелился Ю Шэн-Ли. Его фигура казалась мне немного расплывчатой, но я почти физически ощущала исходившую от него вину.

— Ди, — подал он голос, — так получилось, что...

— Я все уже слышал от тебя Шэн, — ответил Дитер, слегка обернувшись и быстро поклонившись другу. — Теперь хочу услышать от молодого человека. Итак, почему нарушил

приказ? Напоминаю: я велел сидеть дома, не высовываться и ждать меня. Чего уж проще для исполнения, не так ли?

Я провела языком по пересохшим губам и ответила:

— Так... но...

— Но? — Дитер вскинул бровь.

— Но меня взял на службу господин посол! — выпалила и услышала, как глубоко выдохнул альтарец.

— Вот как, — сухо ответил Дитер и сложил руки на груди. — Шэн, ты переманил к себе моего возлюблен... ного братца?

— Я уже все объяснил, Ди, — ровно ответил Ю Шэн-Ли. — Остальное мы слышали от солдат и крестьян.

— Действительно, — кивнул Дитер. — Я слышал о схватке в Туманном Логе. Как и о том, что некий адъютант проявил в этой схватке героизм и спас альтарского подданного. Где он, кстати?

— Отдыхает в гостевой комнате, Ваше Сиятельство, — с готовностью ответил Кристоф. Дитер скрипнул зубами.

— Ладно, с капитаном мы разберемся позже. А пока... — Он сделал паузу, и я замерла, забыв дышать, а генерал продолжил: — Господин посол! Вы примете к сведению мои рекомендации, не так ли?

— Буду рад, — ответно поклонился Шэн.

— Тогда, — отчеканил Дитер, — я хочу рекомендовать вам представить этого адъютанта к награде.

Я распахнула глаза, и показалось, что кто-то присвистнул от изумления: может быть, Забияка, а может и я сама.

— За проявленную доблесть в первом же бою, — продолжал генерал, — а так же за спасение капитана альтарской армии.

Мои колени задрожали. Слабость навалилась, потекла по мышцам, и я как сквозь туман слышала голос Шэна:

— Конечно, генерал! Я и сам собирался подать рапорт главнокомандующему Е Бо-Джингу.

— Я... я... я не заслуживаю, — заикаясь, прошептала я.

И сейчас же заработала опаляющий взгляд Дитера.

— Заслужил — носи! — рыкнул он. — Эх, молодежь! Придумают швыряться орденами!

В животе разлилось что-то теплое и приятное, голова закружилась и на губах, должно быть, появилась совершенно идиотская ухмылка, потому что генерал ухмыльнулся тоже и сказал:

— Теперь, когда весь официоз позади, приступим к основной части.

— К какой, господин генерал? — машинально спросила я, пытаясь унять дрожь.

— К объятиям, глупенькая, — ответил Дитер и прижал меня к своей груди.

Я уткнулась носом в пропахшую порохом ткань, слабея в таких сильных и таких родных руках. словно после долгих дней холода и одиночества я достигла, наконец, теплого очага и опустила возле него, уставшая. Слезы помимо воли потекли по моим щекам, а Дитер целовал меня в макушку и лоб и повторял:

— Ну что ты, маленькая? Вижу, что настрадалась. Скучала по мне?

— Да, — прошептала я и обняла его в ответ. — А ты?

— Очень, — ответил Дитер и, обернувшись через плечо, крикнул другу: — Шэн, располагайся в любой комнате! Сегодня мы оба в увольнительной!

— Втроем, господин генерал, — напомнила я. — Я все еще адъютант.

— Э, нет! — качнул головой Дитер. — Сегодня я забираю тебя у Шэна. Придется теперь выполнять мои приказы. Готова?

— Да, мой генерал! — отсалютовала я и поцеловала его в губы.

Возле спальни Дитер подхватил меня на руки.

— Не думаете, что это со стороны выглядит странно? — шутливо спросила я, обводя пальчиком его подбородок.

— Что может быть странного в том, что я несу на руках свою жену?

— А еще альтарского адъютанта, — промурлыкала я. — Если нас увидит капитан Фа?

— Капитану Фа следует меньше знать и крепче спать, авось и поправится быстрее, — жестко ответил Дитер.

— Ты сердишься?

— На тебя? Немного.

— И ревнуешь?

— К тому мальчишке? — фыркнул Дитер. — Вздор! Очень надеюсь, что не увижу его до самого отъезда.

— И надолго ты приехал? — улыбнулась я, заглядывая в его очки, но видела лишь собственное отражение и танец золотистых огней.

— Пока не научу уму-разуму одного очень вздорного адъютанта.

Дитер пинком распахнул дверь и вместе со мной упал на кровать. Я замурлыкала, поудобнее устраиваясь рядом мужем и провела ладонью по его груди.

— Он плохо себя вел, да?

— Ужасно! — подтвердил Дитер, глядя меня по ноге и играя с завязками пояса. — Его бы хорошенько отшлепать, стервеца.

— Прямо по мягкому месту? — игриво спросила я, привстав на локтях и выгибая спинку.

— Розгами, — подтвердил Дитер. — Да так, чтобы ни сесть, ни встать не смог.

— Фу, как грубо! — сморщила я нос. — Разве господин посол не рассказал тебе, что его адъютанта нельзя бить розгами?

И вопросительно подняла брови: интересно, знает ли уже Дитер о моей беременности? Кажется, не знал.

— Сейчас тобой распоряжаюсь я, малыш, — сказал он и щелкнул меня по носу. — А ну, снимай пояс!

Вздохнув, я принялась расстегивать мундир.

«Шоу продолжается!» — услышала я в голове крайне заинтересованный и звенящий от возбуждения голос Забияки.

Я застыла с поясом в руках. Как же я забыла про своих хранителей? Мне стало столь неловко, что щеки запылали румянцем.

— А ну, брысь! — не разжимая губ, прошипела я. — Вон из комнаты!

— Что? — нахмурившись, переспросил Дитер. Он снял очки и теперь сверлил меня хмурым взглядом, острым, как мечи. Я смутилась вторично.

— Что-то в горло попало! — пробормотала я и закашлялась в кулак. — Кхе, кхх...

Духи в голове рассмеялись.

«Надеюсь, наша помощь вам не пригодится, хозяйка, — сказал Умник. — Если что, мы будем рядом».

«За дверью», — поддакнул Забияка.

«Подслушивать».

Прежде, чем я успела снова возмутиться, драконы отделились от кулона полупрозрачными облачками и тонкими струйками скользнули под закрытую дверь.

— А ну, давай сюда пояс! — тем временем скомандовал Дитер.

Я вздохнула и вложила пояс в его протянутую ладонь. Она была горячей и сухой, пальцы крепкими и сильными. Я снова заулыбалась, когда мой генерал привычно его свернул и с совершенно бесстрастным лицом велел:

— Теперь снимай штаны!

— Дяденька, не бейте! — захныкала я, но внизу живота уже разливалось щекочущее тепло.

— Поговори мне тут! — Дитер был непреклонен.

Я со вздохом медленно стянула брюки и вызывающе вильнула задом.

— Бей, тиран! — с мрачной обреченностью сказала я. — Бессердечное чудовище!

— С каменным сердцем, — подтвердил генерал и шлепнул меня поясом. Это было совсем не больно, но неожиданно.

— Ой! — сказала я.

— Это тебе за то, что не осталась дома, — сухо сказал Дитер и шлепнул еще раз. — А это за то, что переоделась мальчишкой и полезла в армию. — В третий раз! — А это за то, что не слушалась Шэна.

— Я слушалась! — запротестовала в ответ, повернув обиженное лицо.

Дитер прищипнул на меня и погрозил пальцем:

— Не слушалась! Иначе бы не отстала от гвардии Е Бо-Джинга!

— Я сражалась! Да ты сам наградил меня медалью!

— Орденом, дорогая, — ответил Дитер. — Орденом за мужество.

И шлепнул в четвертый раз.

— Ай! — я привстала и потеряла нашлепанное место. — А это за что?

— Авансом, — невозмутимо сказал генерал. — Мало ли, что ты еще придумаешь? Ну, теперь иди ко мне, пичужка.

Я обиженно сопела, надув губки и глядя на генерала из-под растрепанной челки.

— Не пойду! Поймай, если сможешь.

— Вот егоза! — возмутился Дитер, отшвырнул пояс и потянулся ко мне.

Я вильнула в сторону, откатившись на кровати и засмеялась, когда мой генерал упал на подушки.

— Нечестно! — скрипнул зубами он.

— Кто не может использовать силу, пользуется хитростью, — лукаво ответила я и снова проскользнула под его объятиями, а потом напала сзади и поцеловала в ухо: — Бу! На каждую силу всегда найдется другая сила. Учти на будущее, генерал.

— Учту, — ухмыльнулся Дитер и, развернувшись, сгреб меня в объятия, осыпая поцелуями шею, щеки и уши. Я смеялась, пыталась вырваться, но только упала на кровать и болтала в воздухе ногами, пока он снимал с меня сапоги и расстегивал мундир. Стало так легко, так беспечно, будто не было никаких предсказаний и никакой угрозы, и мы были в своем доме — счастливые и свободные, любящие друг друга.

— Я так соскучилась по тебе, любимый, — прошептала я. — И так боялась, что увижу тебя не скоро.

— И я скучал, — хрипло признался Дитер, глядя меня по обнаженной груди и лаская теплый живот. Мне казалось, под его ладонью оживает моя малышка, вибрирует, наслаждаясь нашим счастьем, нашей негой, и дарит мне блаженство. — Когда Шэн нашел меня... когда рассказал, что взял тебя с собой в качестве адъютанта, я чуть его не пришиб! Ей-богу, ударил кулаком по столу так, что он разлетелся в щепки!

— О, ты всегда был вспыльчивым! — мурлыкнула я, оглаживая его пресс и наслаждаясь твердыми мышцами и выраженным напряжением в его паху.

— Я думал, — со вздохом продолжил Дитер, — что ты самая вздорная... непослушная... из всех женщин, которых я когда-либо знал! И так... беспокоился, когда мне сказали... что ты... пропала...

Он застонал, когда я взялась за его горячую плоть и стала гладить медленно и сладко, подаваясь навстречу и целуя его красиво очерченные губы.

— Тебе рассказали крестьяне? — спросила я, лаская языком уголок его рта. — Что я... что мы... поехали в замок?

— Да, — выдохнул Дитер и одним резким движением раздвинул мне ноги. — Ох, Мэрион...

— Эй, не раздави меня! — засмеялась я. — Со мной теперь нельзя быть таким грубым.

— Это еще... почему? — сквозь зубы выщедил он.

— Скажу потом, — улыбнулась я, сама приподнимая бедра и разводя их в стороны. — Прошу, любимый... будь нежен!

Мой генерал наклонился и поцеловал меня в губы, и я перехватила и умножила его стон, когда Дитер вторгся в меня, уже ожидающую, уже наполненную жизнью. И задвигалась вместе с ним, шепча на ухо нежные слова, вскрикивая, кусая губы, сначала упрашивая быть осторожней и нежнее, потом просила сильнее и глубже, сама подавалась навстречу, отдавая себя без остатка. Волны блаженства качали нас, подкидывали к теплу и солнцу, мы по капле выдавливали свое одиночество, и тоску, и страх, заполняя друг друга любовью и жаром. И потом, на пике наслаждения, когда я почувствовала, как Дитер напрягся, я сжала его ногами и простонала:

— Не... бойся... теперь можно... прошу...

И вскрикнула, ощутив горячую пульсацию внутри, а после расцвела сама.

Мы лежали, тяжело дыша и глядя друг друга по коже. Дрожали от пережитого наслаждения, целовались, не в силах отпустить друг друга. У Дитера были счастливые глаза: я видела себя в его зрачках, и золотые искры сияли над моей головой, точно нимб.

— Ты... уверена, пичужка? — наконец, спросил он, глядя меня по животу. — Я имею в виду, что мы и в прошлый раз не предохранялись, и вот теперь...

— Уверена, — улыбнулась я, целуя его в кончик носа. — Я никогда не была столь уверенной, как сейчас.

— И не боишься забеременеть в такое время? — спросил Дитер. — я имею в виду, я снова скоро уеду, и эта война... мы еще ничего не решили с Кентарийским вождем, поэтому...

— Волков бояться, в лес не ходить, — перевела я на фессалийский давнюю поговорку. — И я не боюсь, любимый, потому что уже.

— Ну, тогда все хорошо, — улыбнулся генерал и обнял меня, устремив глаза в

потолок. — Ты знаешь, этот вождь очень упрям, но мой кузен не менее упрямый. И, кстати, я так и не встретился ни с одним из черных всадников. Мы стоим в дозоре на самой границе, и еще ни разу... — тут он моргнул. Повернул ко мне вытянувшееся лицо, глаза стали круглыми и осмысленными, а брови сдвинулись к переносице. — Погоди... что ты сказала только что?

— Я сказала, — терпеливо повторила ему, улыбаясь лукаво и дразняще, — что не боюсь забеременеть, потому что уже беременна. Я жду ребенка, Дитер. Нашего с тобой ребенка!

— То есть ты...

Дитер замолчал, и я замолчала тоже, несмело улыбаясь и не зная, что еще сказать. По его потрясенному лицу нельзя было определить, обрадован он или расстроен, и я только слышала, как стучится мое сердце. Ожидание всегда так тревожно и утомительно.

— О, Господи, Мэрион, — только и сказал, наконец, он.

— Ты... не рад? — осторожно спросила я.

— Я не рад?! — вскричал он, приподнимаясь на подушке. — Я — и не рад?!

Тут он вскочил и подхватил меня с кровати. Я верещала, брыкаясь в его объятиях, смеялась, пока он осыпал поцелуями мое лицо, шею, руки. Должно быть, мы забавно смотрелись со стороны — обнаженные, всклокоченные, но такие счастливые!

— Мэрион! — повторял мой генерал. — Неужели это правда, моя пичужка?!

— Это правда! — смеялась я. — Правда! Думаю, это произошло перед твоим отъездом.

— Если бы ты знала, как я тебя люблю! — сказал Дитер, останавливаясь и прижимая меня к себе. Я приникла головой к его плечу и улыбалась, прикрыв глаза. На душе было хорошо и тепло. Мой генерал держал меня легко, как пушинку, и осторожно, как самую хрупкую вазу.

— Я никогда не думал, что у меня будет наследник! — проговорил он. — Это лучшая награда, которая жена может дать мужу! Ты уже придумала, как его назвать? Может, Якоб?

— Только не Якоб! — запротестовала я. — Фу! Разве ты не помнишь моего предателя кузена? Как вспомню, так вся пупырышками покрываюсь!

Я передернула плечами, а Дитер засмеялся и поцеловал меня в ладонь.

— Мне нравится пупырчатая Мэрион, — лукаво произнес он. — Тогда, может, Мартин?

— Достаточно с нас Мартинов! — рассмеялась я. — И вообще, с чего ты взял, что родится мальчик?

— А кто же еще?

— Девочка, глупый! — я щелкнула его по носу. Дитер качнул головой.

— Девочке будет куда тяжелее, если проклятие все-таки передастся по наследству. Ты уверена, что с ребенком будет все в порядке?

— С ним будет все в порядке, милый, — утешила его я, погладив ладонью по щеке. — Я легко переношу беременность, даже токсикоз прошел очень быстро. Думаю, в этом мне помогает оберег Оракула, который...

— Погоди, — Дитер нахмурился и опустил меня на постель. — Ты говоришь, что забеременела еще перед моим отъездом. Значит, весь этот маскарад, — он широко развел руками, указывая на мой сброшенный мундир, — ты решила на это, зная, что беременна?!

Я села, скрестив ноги, и насупилась.

— Предположим, я сама узнала не сразу, а гораздо позже, когда мы стояли лагерем на границе.

— Значит, еще до похода? — серые глаза Дитера налились золотым мерцанием.

— Ну, да, — пожалала я плечами.

— И, зная о своей беременности, ты все равно отправилась в поход?!

Кажется, он начал закипать. Я забралась на кровать с ногами и обернулась покрывалом.

— Дитер, я должна объяснить. Видишь ли, Оракул...

— Это черт знает что! — вскричал генерал и рывком снял со стула халат. — О, как же я был прав, назвав тебя безответственной и упрямой! Подумать только! Прикинуться мужчиной! Обмануть главнокомандующего лучшей гвардии Альтара! Рисковать собственной жизнью и жизнью будущего — нашего! — ребенка! Женщина, что у тебя в голове?!

— Любовь, — огрызнулась я. — Все, что движет мной, это только любовь. К тебе, Дитер! И к нашей малышке! К стране, в которой ты вырос и которая стала моим домом! Она теперь стоит на пороге войны!

— Вот именно! — сердито ответил генерал и запахнул халат. Движения его стали четкими и выверенными, в глазах клубилась золотая мгла, но я все равно смело смотрела в его лицо. Я не собиралась сдаваться!

— Если ты не хочешь подумать о своей безопасности, — отчеканил Дитер, — об этом позабочусь я. Сейчас же я прикажу Кристофу запрячь виверну, и ты покинешь Фессалию. Пусть Ганс отвезет тебя. Нет, лучше Шэн.

— Дитер... — снова попыталась я.

— Нет! — он ударил кулаком о ладонь. — Я сделаю это сам во имя Небесного Дракона! Да! Я знаю, как ты можешь убалтывать мужчин! Но на этот раз твои фокусы никого не обманут! Я лично прослежу за этим!

— Дитер! — позвала я его громче. — Позволь мне объяснить...

— Мэрион, я делаю это ради твоей безопасности! — перебил генерал и, приблизившись, взял мои ладони в свои. — Послушай, ты не знаешь, что творится на границе. Мы живем сейчас как на вулкане и не знаем, когда начнется извержение. Черное Зеркало открыто, кто-то использует очень сильное колдовство, чтобы призывать монстров с той стороны портала. Я не знаю, кто, но планирую скоро узнать. Скоро состоится совет трех государств, на который приглашен и я. Он пройдет на территории Кентарии, и меньше всего я хочу, чтобы в случае неудачных переговоров первой пострадала моя любимая жена и еще не рожденный малыш. Ты понимаешь?

Я сжала его руки, жаркие и сухие, заглянула в глаза. Голова немного кружилась, не то от колдовства, которым всегда был окружен Дитер, не то от внутреннего волнения.

— Понимаю, — тихо сказала я. — Поэтому позволь рассказать тебе. Помнишь, ты не поверил мне, что я встретилась с Оракулом в альтарском саду? Так это была чистая правда. Ты видел доказательство — браслет, который она мне подарила. Он защищает меня и моего ребенка. Беременность и правда проходит легко. По крайней мере, пока. Я многому научилась в Железной гвардии, я одна из лучших стрелков и ты сам наградил меня орденом за спасение капитана Фа! Уж кто-кто, а я сумею постоять за нас обоих! И потом, — я сглотнула и облизала пересохшие губы, — ты еще не знаешь главного. Помнишь, я рассказывала тебе, что сама пришла из страны, которая лежит по ту сторону Черного Зеркала? Это одна из причин, по которым я помогла снять твое проклятие, Дитер. Оракул знала мое настоящее имя — Мария. И она знала, что твоя сила воплотится в нашем ребенке.

— Ты же сказала, что с ребенком все будет в порядке? — перебил генерал.

— Да, с ним все будет в порядке! В том смысле, что проклятие василиска не коснется его, но только потому, что она, наша девочка, наша Тея, уже получила другой дар! Дар

Оракула!

— О чем... ты... говоришь, — Дитер с трудом выталкивал слова и смотрел на меня озадаченным взглядом.

— Я ношу под сердцем спящего Оракула, — повторила я, с надеждой заглядывая в его лицо. — Возможно, самого сильного из всех, кто когда-либо родился в вашем мире. Дитя иномирнянки и василиска... Звездной Розы и Небесного Дракона. Она сможет остановить войну!

— Как? — выдохнул Дитер. — О чем ты говоришь, Мэрион? Ребенок? Остановит войну?

— Я сама не знаю, как это произойдет! — тряхнула я головой. — Но я верю старой провидице. А еще я вижу сны... пророческие сны! Я видела черных всадников...

— Ты?! — вскричал Дитер и сразу же вскочил на ноги. Я поднялась следом.

— Нет, не в реальности, только во сне. Я видела их предводителя — рыцаря, закованного в черную броню. И там была наша крошка... Она там совсем одна. Такая маленькая и беззащитная, но уже храбрая. Я не оставлю ее, Дитер! Не оставлю на растерзание врагам! Кто защитит ребенка, как не его родная мать?

— И ты веришь странным снам и заплесневелым пророчествам? — усмехнулся Дитер, полоснув по комнате золотой молнией.

— Но ты же верил, — возразила я. — Когда пытался избавиться от проклятия. Ты верил до последнего! И ты избавился от него! Так почему ты не веришь, что наша дочь остановит войну и черных всадников?!

Дитер устало потер лицо ладонями, покачал головой.

— Не знаю, — простонал он. — Это все... слишком много новостей, Мэрион. Мое сердце разрывается от любви и тревоги за тебя. А теперь, когда я узнал, что у нас будет ребенок...

— Поверь, я тревожусь не меньше, — я подошла и погладила мужа по плечу. — Но мы должны успокоиться и все обдумать. Нельзя вечно убегать от своего предназначения. И что суждено — то произойдет, хотим мы того или нет. Но мы властны немного повлиять на будущее. Мы вместе, Дитер!

Я обняла его сзади, и он обвил меня за талию, повернулся и поцеловал в висок.

— Наверное, ты права, — признал Дитер. — Нам надо все хорошенько обдумать. Ты знаешь, я голоден, как зверь! Давай сядем, и за ужином ты расскажешь мне подробно и честно все, что узнала от Оракула? Про свои сны и... пророчество.

— Если только ты готов меня выслушать, — мурлыкнула я.

Дитер решительно кивнул.

— Я обязательно подготовлюсь. Да, думаю этому поможет бутылка крепленого фессалийского.

— Мужчины! — завела я глаза и втайне порадовалась, что жду дочку.

10. Сомнения

Следующие два дня были наполнены счастьем и светом. Дитер был рядом, я видела его каждую минуту, слышала его голос, ощущала тепло его рук и сладость его поцелуев. Ночи были знойными и яркими, как в наши первые встречи. Иногда я боялась, что он уйдет посреди ночи, так же тихо, как тогда, в альтарском поместье. Уйдет, даже не попрощавшись, только оставив на подушке записку. Это единственное, что отравляло мне жизнь, но я

старалась молчать и не показывать вида. Я была замужем за генералом, чей крутой нрав стал притчей во языцех, и принимала его таким. Должно быть, Дитер чувствовал это, и уверял меня, что все обдумал и решил.

— Я советовался с Шэном, — говорил он, удивляя меня тем фактом, что вообще мог с кем-то советоваться. — Согласен, что под моим контролем ты будешь в большей безопасности. В моем отряде есть хороший военный врач, а это значит, медицинская помощь всегда будет под рукой. Пусть обследует тебя, хотя он больше привык выхаживать раненых, чем принимать роды.

— Надеюсь, война не начнется, — возражала я. — Не хотелось бы рожать на поле боя.

— Этого я не позволю, — нахмурился Дитер и погладил мой живот. — Моя крошка будет в безопасности. Правда, со временем будет все сложнее тебя прятать. В таком случае обещай, что как только срок окажется слишком большим, ты переедешь в более безопасное место?

— Обещаю, — улыбнулась я и накрыла его ладонь своей. — Знаешь, в том мире, Откуда я прибыла, был король, который всюду за собой возил свою жену-королеву. Они были неразлучны, почти как мы. И королева помогала своему супругу советом не только в бытовых вопросах, но и в делах государственных, и даже в военных. Была ему и любовницей, и матерью, и родила десятерых детей...

— Десять детей было бы неплохо, — усмехнулся Дитер. — Но теперь я понимаю, откуда у тебя такие странные фантазии и мысли.

— Два сапога пара, — подмигнула я.

— Единственное, мне не нравится, что ты будешь все двадцать четыре часа в сутки находиться среди мужчин, — проворчал Дитер.

— Они и принимают меня за мужчину, — возразила я.

— Даже тот выскочка капитан? — с подозрением спросил Дитер. — Он не узнал тебя?

Я замялась. Вспомнила, как Фа Дэ-Мин говорил про мои руки и глаза... узнал ли он все же женщину? Ту «наложницу», встреченную им в альтарском саду?

— Думаю, нет, — поразмыслив, ответила я. — Даже если подозревал, так что с того? Женщинам не место в армии, ты и сам знаешь.

— Пусть только попробует поднять на тебя руку, я сделаю дыру у него между глаз! — хвастливо сказал мой генерал.

Мне хотелось ответить, что я и сама могу за него постоять. То, что я научилась неплохо стрелять, Дитер уже и сам увидел, когда мы вдвоем палили по бутылкам на одной из полянок замка. А вот продемонстрировать магическую энергию, собирающуюся на кончиках пальцев в минуты особого волнения, у меня так и не вышло. Моих помощников-духов Дитер тоже не видел.

«Нам надо окрепнуть, хозяйка, — с сожалением говорил Умник. — Пока еще мы столь же малы и слабы, как новый Оракул в вашем чреве. Но мы окрепнем куда быстрее Оракула, чтобы охранять ее в момент рождения».

В остальном, дни шли своей чередой, спокойной и размеренной.

В один из таких дней я крутилась возле садовника Бруно, помогая ему ухаживать за кустом жасмина. Когда-то я любила возиться с цветами, и теперь понимала, насколько соскучилась по садовничеству. Все слуги в замке уже знали, что меня следует называть Мартином, адъютантом господина Ю Шэн-Ли. Я становилась им, как только перешагивала порог нашей с Дитером спальни, и даже наедине меня остерегались называть «фрау» или

«хозяйка».

— В этом году у вас получились прекрасные розы, — улыбаясь, говорила я Бруно, указывая на клумбу с пышными нежно-кремовыми цветами.

— Благодарю вас, — поклонился тот. — Я назвал этот сорт «Мэрион».

— Ах вот как! — зарделась я от удовольствия. — А есть ли сорт «Дитер»?

— Пока нет, — ответил Бруно. — Хозяин не любитель цветов. Вы, кстати, тоже не слишком засматривайтесь на розы. В Фессалии считается, что так делают только женщины. Мужчинам больше по сердцу жасмин, — он наклонил одну веточку, — солдаты носят его в петлице, а любовники — за ухом.

— Я буду иметь в виду, Бруно, — поблагодарила я, считая, что любая информация в моем положении ценна.

Мурлыкая под нос веселую песенку, я принялась обрезать ножницами куст, и не заметила, как кто-то прошел по аллее и остановился за моей спиной.

— Прекрасная погода, не правда ли? — услышала я голос, говорящий по-альтарски, и только тогда повернулась, оказавшись лицом к лицу с капитаном Фа.

Он был еще довольно бледен и стоял, опираясь на трость.

— Решили прогуляться, капитан? — дружелюбно ответила я, стараясь не глядеть ему прямо в глаза. Уж очень настойчиво он разглядывал меня от макушки до сапог, было в этом что-то тревожное.

— Да, горный воздух должен благоприятно повлиять на мое здоровье, — сказал Фа Дэ-Мин.

Помолчал, словно раздумывая, потер переносицу.

— Я хотел бы поблагодарить тебя за спасение, — наконец, тихо произнес он.

Я едва не выронила ножницы. Да, Фа Дэ-Мин многое рассказывал мне, когда был в бреду. Но помнил ли он хоть что-то из этого? Знал ли, что именно желторотый щегол вытащил его из Туманного Лога и напоил вытяжкой из зоба птицы джэнь? Все это время, что я проводила с Дитером, за капитаном присматривали слуги и несколько раз в день докладывали о его состоянии. Я не думала, что будет, когда мы встретимся вот так, один на один. И не понимала, чего ждать теперь. Поэтому просто ответила:

— Пожалуйста, капитан Фа. Это мой долг.

— Слышал, тебя наградили, — продолжил он. — За мое спасение...

— Представили к награде, капитан, — осторожно ответила я. — Решение будет выносить господин Е Бо-Джинг.

— О, я думаю, он вынесет правильное, — энергично кивнул капитан.

Ни по его лицу, ни по его тону не было ясно, сердится он или действительно искренен в своих словах? Мы снова помолчали. Его взгляд вызывал какую-то неясную щекочущую тревогу, как бывает, когда кто-то подходит сзади, закрывает ладонями глаза и спрашивает: «Угадай?»

Угадай, что капитан чувствует? Почему он смотрит вот так, словно бы раздевая взглядом? Узнал ли он меня?

«Я тоже не могу понять, госпожа, — шепнул Умник. — Нужно чуть больше времени, из-за болезни эмоции Фа Дэ-Мина туманны».

— Вижу, вы помогаете садовнику, — сказал между тем капитан. — Любите цветы?

— Люблю чем-нибудь занять руки, — ответила я. — Привык к постоянным тренировкам в лагере, теперь мне скучно.

— Я слышал, как вы стреляли с герцогом по бутылкам, — улыбнулся Фа Дэ-Мин.

«Главное, чтоб не услышал кое-чего другого, что доносилось из спальни», — вставил молчавший до этого Забияка, и я густо покраснела.

— Да, я показывал брату, чему научился в академии и в гвардии Е Бо-Джинга, — сказала я. — Надеюсь, не сильно вас потревожили?

— Вовсе нет. Я лежал в кровати и думал, что с удовольствием размялся бы и сам. Это истинное наслаждение: гулять по вашему прекрасному саду, наслаждаясь ароматами цветов и жизнью. Иногда кажется, что жизнь человека — как жизнь цветка. Столь же недолговечна, сколь и прекрасна.

— Довольно поэтическое сравнение, — заметила я.

— Я иногда балуюсь написанием трехстиший, — ответил Фа Дэ-Мин. — Вот, послушай.

И, прикрыв глаза, нараспев продекламировал:

— *Майские розы*

Алеют на клумбе в саду,

Как щеки любимой.

— Красиво, — пробормотала я, потирая щеку, на которой, должно быть, все еще цвел румянец смущения.

— Тебе нравятся розы, Мар-Тин?

— Больше жасмин, — вспомнила я слова садовника, отщипнула крохотную веточку от куста и сунула в петлицу.

Фа Дэ-Мин вздохнул. Мне показалось, или в этом вздохе послышалось разочарование?

— Я знаю, раньше между нами были разногласия, — медленно, точно подбирая слова, заговорил он. — Но в Империи солнца считается, кто спас твою жизнь — тот твой кровный брат навеки, и ты обязан ему тем же.

— Что вы, капитан! — начала я. — Вы вовсе не обязаны...

— Нет, нет, — тряхнул он головой и стукнул по аллее тростью. — Мартин, я хочу сказать... давай оставим разногласия? Я буду рад сражаться бок о бок с тобой. И обязательно верну тебе долг. Что скажешь? Мир?

Он протянул ладонь. Я осторожно пожала ее и ответила:

— Мир, капитан Фа.

Мне показалось, его пальцы скользнули по моим: невесомо, едва ощутимо, почти ласково. Я тут же убрала руку.

— Мне надо идти, капитан Фа. Скоро мы снова выдвинемся в путь, надо заготовливать мясо для виверн.

— Конечно, — грустно отозвался он. — До встречи, Мар-Тин.

Пока я шла, Фа Дэ-Мин продолжал глядеть мне вослед. Его пристальный взгляд колот лопатки подобно рапире.

Я оказалась права: Дитер вскоре распорядился о сборах.

Мы успели за вечер, а потом была ночь, полная нежности и тихих признаний. Наутро мы тепло попрощались с Кристофом, и вылетели из замка.

Я с Дитером — на старой виверне Грете, Ю Шэн-Ли с капитаном — на Крошке Цахесе.

Каким же удовольствием было узнавать знакомые места! Эти луга с пасущимися коровами, эти горные кряжи, прикрытые снежными шапками, эти деревеньки, мелькающие внизу. Ветер бил в лицо, и я прижималась к моему генералу, совершенно не думая о том, что

нас могут увидеть те, кто летел сзади. Было ли им до нас? Мы были свободны в этом полете, беспечны и счастливы. И тем тревожнее становилось, когда внизу я различила пестрые шатры с развевающимися флагами Фессалии и Альтара.

Военный лагерь.

Он растянулся по всей равнине гигантской гусеницей. Река текла неподалеку широкой голубой лентой, на берегу которой ютились скромные домики крестьян. Поля всюду колосились золотой пшеницей, но вместо умиротворения во мне только возросла тревога: вспомнился повторяющийся сон, где была малышка Тея и черные всадники, возглавляемые страшным рыцарем в латах.

— От меня ни на шаг, — сказал Дитер.

— Как скажешь, любимый, — проворковала я. — Значит, ты возьмешь меня на переговоры?

Кажется, мой генерал об этом не подумал. Нахмурившись, он долго раздумывал, потом со вздохом ответил:

— Нет. На переговоры взять не могу. Придется тебе подождать в лагере. Вот только на кого оставить? Шэн тоже едет со мной...

— Разве меня обязательно на кого-то оставлять? — спросила я. — Я взрослая девочка и могу позаботиться о себе.

— Не забывай о ребенке, — напомнил Дитер.

— О ней я помню всегда, — я погладила ладонью животик и поцеловала Дитера в гладко выбритый подбородок. — Не волнуйся, любимый. Все будет хорошо.

Первым, кого я встретила в лагере, был снова мальчишка Ченг. Распахнув свои темные глаза, он с завистью прицокнул языком.

— А мы уж думали, ты помер, — сказал он, с завистью переводя взгляд с меня на генерала, который о чем-то уже тихо беседовал с Шэном.

— Какие выживают, те до старости живут! — бодро ответила я. — Спасибо за заботу, Ченг. Не ждали, да?

— Ждали, ждали! — зачастил мальчишка. — Только трудно от тварей отбиться. Жала у них — во! — он раскинул руки. — Челюсти — во! Всех победили, да?

— Потом расскажу, — засмеялась я. — Отдохнуть бы с дороги.

Действительно, если первые дни похода я переносила более-менее легко, то со временем изматывал даже полет на виверне. И это был только месяц срока. Что же будет дальше? Я решила пока не задумываться об этом, устраиваясь как обычно в шатре Ю Шэн-Ли, хотя это не слишком нравилось Дитеру, но адъютант у него был свой, и давать повод для слухов на обе армии было нежелательно.

К вечеру меня наградили.

Наградил сам главнокомандующий Е Бо-Джинг. Я никогда не видела его так близко: высокого и сильного альтарца, облаченного в блестящие доспехи. Пушки грохнули салютом, солдаты трижды прокричали «Вива!», а я не верила, что это все достается мне, и косилась на Дитера, который стоял чуть в стороне от главнокомандующего и прятал улыбку.

«Он гордится вами, хозяйка», — заметил Умник.

От его слов в груди разливалось тепло. И, отдав воинское приветствие, я вернулась в строй, чеканя шаг и слушая, как позвякивает медаль «За отвагу». В последний момент я поймала взгляд капитана Фа: он хмурился, как мне показалось, от зависти.

Что ж, несмотря на перемирие, с ним нужно держать ухо востро.

После церемонии главнокомандующий, Дитер и Ю Шэн-Ли собрались на переговоры. Отпускать мужа было тоскливо, еще тоскливее оказалось терпеть и не перемолвиться с ним даже словечком.

Я смотрела, как в небе пропадают точки виверн, и вздрогнула, когда почувствовала чужую ладонь на своем плече. Мне показалось, что это вездесущий Фа Дэ-Мин, но обернувшись, увидела серьезное лицо Ганса.

— Тебя тоже оставили? — грустно улыбнулась я.

— Как видите, — усмехнулся он. — И я влонуюсь не меньше вашего. Про черных всадников слышали?

— Про них сейчас только и говорят, — ответила я, утаив, что они снились мне несколько раз. — Это правда, что их призвали с помощью магии?

— Полагаю, да, — серьезно ответил Ганс. — У кентарийского вождя появился сильный союзник.

— И кто же? — машинально спросила я.

Ганс молча поглядел на меня, вскинув одну бровь. Потом спросил:

— Не догадываетесь?

Я мотнула головой. Откуда? Я слишком мало пробыла в этом мире и слишком мало знала о дворцовых интригах и магии вообще. Но мысль прозвенела колокольчиком где-то на задворках сознания, и Забияка подтвердил, шепнув мне:

«Вы знаете, госпожа».

— Королева? — шепнула я, чувствуя, как немеет язык и по спине рассыпаются мурашки.

— Тсс! — Ганс прижал палец к губам. — Это только догадки.

Я понимающе кивнула. Конечно, фессалийская королева Анна-Луиза давно строила козни против своего мужа, надеясь заполучить власть сразу над двумя державами. Ее связь с кентарийским вождем не требовала доказательств, правда, мы с Дитером полагали, что она наказана достаточно и больше никогда не попадет на нашем пути. Неужели ошибались?

— Дитер может оказаться в опасности, — шепнула я, с беспокойством глядя в темнеющее небо, где уже и точек виверн не было видно, зато постепенно высыпали белые крапинки звезд.

— Мы все можем, — ответил Ганс и вздохнул. — Я жалею только, что Жюли оказалась не такой непослушной, как вы, фрау.

— Мартин, — поправила я его. — Не забывай, кто я теперь.

Ганс поморщился, но возражать не стал. А я подумала: интересно, если бы я предложила Жюли бежать со мной, переодеться в парня и примкнуть к Железной гвардии Альтара, она бы согласилась?

«Может, да, а может, нет, — мысленно ответил мне Умник. — Никогда не узнаешь, пока не попробуешь».

— Я все же надеюсь, с Дитером и Шэном все будет в порядке, — вслух пробормотала я.

— Вместе они справятся, — уверенно сказал Ганс.

Послышались смех и голоса. Мимо прошла компания фессалийцев, потягивая что-то из бутылок.

— Эй, Ганс! — крикнул один из них. — Идем с нами!

— Кот из дома, мыши в пляс? — усмехнулся тот. — Где достали спиртное?

— Места надо знать, — захохотал второй. — Улыбнулся одной селянке, принес воды

другой. Теперь у нас несколько литров отличнейшего деревенского самогона! Айда, отпразднуем воссоединение дружественных армий, пока начальство в отъезде!

— И приятеля своего бери! — гаркнул третий. — Обмоем награду!

И все снова захохотали.

Только пьянки мне и не хватало! Я трянула головой, обдумывая отказ, и уже собралась озвучить причину: усталость, недомогание, отравление, да что угодно! Но Ганс опередил меня:

— Мартин еще не оправился от битвы в Туманном Логе, ему бы отдохнуть.

— Да ладно! — махнул рукой один из компании. — Никто не собирается насильно вливать ему самогон. А вот сыграть за нашу команду он может. Можешь, Мартин?

— Сыграть во что? — уточнила я.

— В катарангу! — с охотой ответили мне. — Фессалия против Альтара. За кого будешь? «Что такое катаранга?» — в панике обратилась я к хранителям-духам.

Название было совершенно незнакомо, но Умник с охотой пояснил:

«Настольная игра для четырех игроков, хозяйка. У каждого комплект фигур: красные, черные, белые и желтые. Их надо расставить по обеим сторонам расчерченной на клетки доски. В комплект входит восемь пехотинцев, два офицера, два коня, две башни, король и его советник...»

— Так это шахматы! — вслух воскликнула я.

— Что? — удивился Ганс.

— Я знаю такую игру у себя на родине, — пояснила я, слегка покраснев, чего в сумерках, на мое счастье, видно не было. — Только у нас играли вдвоем.

«Правила просты, госпожа, — снова шепнул Умник. — Если хотите, я смогу подсказывать. Покажем этим воякам, как сражаются истинные профессионалы?»

«Это им не из мушкета палить!» — хвастливо поддакнул Забияка.

— Должен сказать, я хорошо играю в катарангу, — заметил Ганс. — Альтарцам точно не выиграть. — Вот только был бы у меня хороший партнер...

Он глянул на меня, и я решилась.

— Идем тогда! Все равно не смогу заснуть, пока думаю... думаю о... как там проходят переговоры, — вывернулась я.

Действительно, что я теряла?

Игра проходила на свежем воздухе. Ночи были теплыми и ясными, вокруг расположились солдаты с фонарями, и теплый оранжевый свет падал на лица собравшихся офицеров и большое поле, расчерченное на клетки, с четырех сторон которого стояли шахматные фигуры. Выглядели они немного непривычно, но меня смутило не это.

— Ах, вот и наши чемпионы! — поприветствовал знакомый голос. — Что ж, я не удивлен.

Навстречу нам с трудом поднялся капитан Фа и пристукнул тростью. Пламя фонариков осветило его торжествующее лицо и кривую усмешку. Мне тотчас же захотелось повернуть назад, но зрители все подходили и подходили, плотным кольцом охватывая поле боя. Я слышала голоса, смешки и подбадривания, ощущала острый дух спиртного.

— Два адъютанта против двух капитанов, — продолжил Фа Дэ-Мин, указывая на своего партнера, молодого альтарца, который расставлял желтые фигуры. — Приятно будет снова сразиться на поле боя.

— Вижу, вы знакомы, — сухо сказал Ганс и встал за черные фигуры. — Мы разобьем

вас в пух и прах.

— Посмотрим! — хвастливо заявил партнер капитана Фа. — Самогон принесли?

— Полные бутылки! — закричали из толпы.

— Ну, так разливайте игрокам!

Зазвенели стаканы. Я ощутила слабость в ногах и тихо произнесла:

— Как... игрокам?

— А что такое? — поднял брови капитан Фа. — Вам ведь известны правила «пьяной катаранги», не так ли? Тот, чью фигуру «съели», выпивает стопку. Выигрывает тот, кто дольше всех продержится на ногах.

— Да! — закричали со всех сторон. — Даешь «пьяную катарангу»!

Я в испуге взглянула на Ганса. Но, кажется, он и сам не ожидал такого поворота.

Отказаться и уйти! Да. Это возможно сделать прямо сейчас. Я уже приподнялась с места, чтобы так и поступить, как вмешался Умник.

«Не волнуйтесь, хозяйка, — подбодрил Умник. — Мы сейчас обыграем альтарцев всухую! Не посраим честь фессалийцев!»

«Как всухую? — вылез со своим мнением Забияка. — Решил меня на трезвом пайке держать?»

«Тебе полезно».

«А вот и нет!»

«Да», — Умник был непреклонен.

«Нет!»

«Да-а...»

— Хватит! — я хлопнула ладонью по столу, и фигурки подпрыгнули, а Ганс поглядел на меня с недоумением. Я шмыгнула носом и поправила: — Я имею в виду, не наливайте много...

— Первый стакан победный! — возразил партнер Фа Дэ-Мина. — До краев и до дна!

— До краев и до дна! — поддержали галдящие наперебой альтарцы. Рядом шнырял вездесущий Ченг, и кто-то отвесил ему подзатыльник:

— Иди отсюда! Мал еще самогон хлестать!

— Я только посмотре-еть, — проныл мальчишка, и тут же затерялся в толпе, поблескивая восторженными глазами.

— Пожалуй, мы не... — начал Ганс, но Забияка решительно выдохнул через мой рот:

— Будем!

С губ сорвалось крохотное облачко пара. Я икнула и тряхнула головой, в горле запершило. Еще этого не хватало!

«Спокойно, хозяйка, — шепнул Забияка поудобнее устраиваясь у меня в горле. Это ощущалось, как если бы мне сделали легкую анестезию, язык онемел, слегка ощущался ментоловый привкус. — Спирт я беру на себя. Вы даже не почувствуете».

«Пьянь!» — фыркнул Умник.

«Я огнедышащий дракон, — запальчиво возразил Забияка. — Мне нужно топливо!»

— Вот и хорошо, — сказал Фа Дэ-Мин, приводя собственные фигуры к боевой готовности. — А то можно подумать, не мужчины вовсе.

Я вздрогнула и нахмурилась. Глаза капитана блестели.

«Белые начинают, — подсказал мне Умник. — Первый ход Е-Два».

Я послушно передвинула стилизованную фигурку солдата. Фа Дэ-Мин без размышлений

ответил, передвинув свою фигурку. Дальше свой ход сделал Ганс и его противник.

— Ску-учно! — протянул кто-то из толпы, и боднул макушкой фонарь, отчего тот закачался, поливая стол густо-желтым светом. — Ганс, давай наступление «Крылья Ветра»?

— Спасибо, умник, — процедил адъютант, недобро стрельнув взглядом на подсказчика. — Теперь мне нужно придумывать что угодно, но только не «Крылья Ветра».

Альтарцы загоготали. Фа Дэ-Мин тоже усмехнулся:

— Совсем играть не умеете. А ведь ходили слухи, что Его Сиятельство генерал один из лучших игроков. Неужели не научил ни своего адъютанта, ни своего брата?

— Это только начало, — спокойно возразил Ганс. — Не торопись судить по первой битве о всей войне.

Мы сделали следующий ход. И еще.

«Наша задача сейчас обмануть противника, — шепнул Умник. — Позвольте так, хозяйка...»

На миг моя рука обмякла, а потом помимо моей воли потянулась к фигурке офицера.

— Умно, — заметил Фа Дэ-Мин и выдвинул своего.

— Надо было лошадью ходить, — заметил из-под чьей-то руки вихрастый Ченг.

— Умолкни, малец! — прицыкнули на него.

Ганс поставил вперед фигурку башни, а его противник передвинул солдата, буркнув под нос недовольно:

— А и правда. Дэ-Мин, тебя сейчас съедят.

— Подавятся, — усмехнулся капитан Фа.

— А ведь и правда, капитан, — сказала я, аккуратно переставляя свою фигурку. — Я «съел» вашего солдата.

И смахнула с доски красную пешку.

— Приятного аппетита! — фыркнул капитан и театрально поднял стопку в тосте. — За твоё здоровье, Мар-Тин!

И опрокинул в горло.

— Первая чарка крепит, вторая веселит! — радостно подхватил кто-то из альтарцев.

— Третья как милая подруга, четвертая как суровая жена, — ухмыльнулся Ганс.

— А вы сами женаты, господин адъютант? — спросил Фа Дэ-Мин, стучая стопкой о стол.

— Женат, капитан, — ответил тот, раздумывая над ходом. — А вы?

— Еще никто из прелестниц не смог укорениться в моем сердце и связать брачными узами, — хвастливо сказал Фа Дэ-Мин. — Ого, господин адъютант! Да что ж вы так неосмотрительно пошли? Сейчас и вашего солдата...

— Уже! — довольно отозвался его партнер и убрал с доски пешку Ганса. — Ваша очередь!

Налили и Гансу. Морщась, он выпил до дна.

— Наш пьет, не прольет! Усом не моргнет! — выкрикнули из толпы фессалийцев.

— Как же вас супруга на войну отпустила? — продолжил Фа Дэ-Мин. Но глядел почему-то не на адъютанта, а на меня.

— Мой долг защищать родину, — ответил Ганс. — Жюли это понимает.

— Хорошо, когда жена слушается своего мужа, — поддакнул партнер Фа Дэ-Мина. — Моя чуть истерику не закатила. Не поедешь и все! — вздохнул и передвинул своего коня. — Вас «съели», господин Мартин.

— Как? — растерялась я, неуверенно моргая и глядя на доску. — Мой солдат стоял совсем не тут!

«Мошенник! — завыл Умник. — Он подвинул фигуру!»

— Как не тут? — нахмурился альтарец, обиженно надувая щеки. — Не хотите ли вы сказать, что я не чист на руку?

Зрители загудели.

— Он пошел правильно! Точно! Я сам видел! У меня все ходы записаны!

Мне подвинули стопку, и самогон плеснул, ударив в нос острой вонью. Я мысленно застонала:

«Не могу! Мне нельзя! Бедная моя малышка...»

«Госпожа, успокойтесь! — зачастил Забияка. — Закройке пальчиками носик и — прраз! Вы даже не заметите!»

«А ты уверен, что это безопасно для малышки?» — все еще продолжала паниковать я.

«Положитесь на меня», — уверил Забияка.

«И все равно он жулик! — проворчал Умник. — Теперь я буду следить за ним в оба!»

Следи — не следи, а доказать моей правоты не смог никто. Поэтому пришлось зажмуриться и одним махом опрокинуть стопку.

Сначала немного обожгло горло. Я закашлялась, на глазах выступили слезы. Но через секунду слизистые окутала приятная прохлада, и я проглотила уже обычную воду, совершенно без каких-либо примесей и следов алкоголя!

— Ох, — пробормотала я, ошарашенно моргая и облизывая губы. — Хотела бы я научиться такому фокусу в студенческое время...

«Тогда у вас не было меня, хозяйка», — заметил Забияка и икнул.

— Ну надо же, — сказал Фа Дэ-Мин. — А я-то думал, мой названный брат и спасители не умеет пить. Говоришь, в академии выучился?

— Где же еще? — прохрипела я и отпихнула стакан подальше. — Ваш ход, капитан!

Мы снова пошли по кругу. Теперь каждый задумывался над своим ходом немного дольше. Мы с Умником всюду следили за руками хитрого альтарца, но он, если и заметил, не повел и ухом. И хотя отпить самогона успел каждый из игроков, силы пока что были равны.

— Да-а, академия многому учит, — протянул Фа Дэ-Мин. — Не только воевать, но и пить, не только штурмовать крепости, но и девичьи сердца.

— Только не начинай снова рассказывать, какой ты сердцеед! — присвистнул кто-то из толпы. — Мы здесь не меньшие знатоки, а то и поболее! Зато курьезных случаев помним, хоть отбавляй! Помните, ребята, как наш капитан через забор лез и штанами зацепился, а его потом господа офицеры снимали?

— Так это не я был! — возразил Фа Дэ-Мин. — Это какой-то другой кадет.

— А когда за голыми девками в бане подсматривал? — подхватили опять. — А они тебя полотенцами отхлестали?

— Да такую байку уже сколько лет рассказывают! — присвистнул капитан. — Я ее еще на первом курсе слышал!

Я непроизвольно хихикнула, представив, как храброго капитана хлещут полотенцами разъяренные альтарки.

— А когда пьяный в академию возвращался? — припомнил еще кто-то. — Уснул в канаве, а тебя проходящие девицы-гунци подобрали, отряхнули, нарядили в собственное танфу и под видом девушки легкого поведения провели в казармы?

Все расхохотались, и я тоже прыснула со смеху. Капитан вздохнул, и, почесав переносицу, признался:

— Что с вас возьмешь. Я это был.

Все снова грохнули от смеха. Капитан запальчиво вздернул подбородок и расправил плечи:

— Любовными победами я горжусь не меньше боевых!

— Не знаем, как насчет первого, а со вторым пока не важно, — заметили снова, и снова рассмеялись. Глаза капитана сверкнули недобрый огнем.

— Не судите обо всей войне по одной битве! — повторил он сказанное Гансом. — Я еще успею заработать свою медаль.

— А Мартин уже заработал, — подал голос Ченг.

Ему ответом был одобрительный гул, а мне захотелось провалиться сквозь землю.

— Да, с доблестью у него порядок! — процедил Фа Дэ-Мин, сверля меня взглядом. — Но вот в любовных похождениях он, кажется, не очень. А? Я не прав?

С этими словами он «съел» солдата Ганса, и адъютант выпил свой стакан под улюлюканье фессалийцев.

— Мартин больше учился, и меньше по бабам ходил, — спокойно ответил Ганс вместо меня.

— А зря, — разочарованно ответил Фа Дэ-Мин. — Что делает мужчину мужчиной, как не первая любовь? И не победы на сердечном фронте?

— Отчего же? — встряла я, распаленная забавными историями и начиная закипать от того, что меня обсуждают в моем же присутствии, да еще в подобном тоне. — Пускай я молод, но силу любви уже прочувствовал на себе!

— Да ну! — присвистнул капитан. — Куда тебе, щеглу! Ты у девушки колено под тонфу не найдешь, не то, что груди!

Солдаты снова расхохотались.

— Ах так! — разозлилась я и выдвинула вперед фигурку советника, «съев» по пути красных офицера и башню. — Шах вам, господин капитан!

Но Фа Дэ-Мин почему-то и бровью не повел. Вздохнув, он с философским видом подвинул стопку и выпил под недовольное шипение партнера:

— Мы играем или напиваемся, Дэ-Мин? Не думал, что ты поддаваться будешь!

— Кто поддается? — рыкнул капитан, утирая губы. — Думай, что говоришь!

— Ты и поддаешься! — запальчиво повторил альтарец. — Да и кому? Мальчишке, который толком ни играть, ни пить не умеет!

— Это я не умею? — вскипела я. — А кто мошенничает, а? Вот только что тут моя башня стояла! И где она теперь?

— Я вашу башню на пятом ходу «съел», — холодно отозвался альтарец.

— Какой съел! — подхватил Ганс, приподнимаясь с места. Его немного покачивало. — Тут она была, я все видел!

— И я видел! — пискнул Ченг. — Стояла она, вон на той клетке!

— А ты за кого болеешь, щенок? — вспыхнул альтарец, поднимаясь во весь рост. — За белых, — он указал на мои фигуры, — или за красных? — и указал на фигурки Фа Дэ-Мина. чья ситуация была крайне плачевна.

— Я за правду! — ответил Ченг и тут же получил подзатыльник. — Ай, чего деретесь?!

— Что знаешь! — огрызнулся альтарец. — Нет смысла так играть, когда один юнец

поддается, а другие сопляки меня в мошенничестве обвиняют! Не успели из пеленок выползти, а все туда же!

— А ну, за слова отвечай! — прорычал капитан Фа. Подскочив, он двинул офицера кулаком в бок. Тот взревел и ухватил капитана за ворот мундира. Фа Дэ-Мин отшатнулся, схватился одной рукой за стол, второй подхватил трость и что есть силы наотмашь хлестнул ею обидчика. Но тот уклонился, и удар пришелся по стоявшему рядом фессалийцу.

— Господа, что же это делается! — закричали по-фессалийски. — Наших бьют!

— Давай!

— Вали!

— И-ээхх!!

Ганс едва успел дернуть меня за локоть. Кто-то налетел, смял игральную доску. Фигуры фейерверком взметнулись к небу, застучали о землю и чьи-то головы. Фонарь качнулся и лопнул, рассыпав колкие искры. Я пригнулась, одной рукой придерживая живот, другой голову.

— Уходи, уходи! — кричал мне Ганс, но его быстро оттерли в сторону.

Я заюлила между военными, перед глазами мелькали красные альтарские мундиры и черные фессалийские, драконы что-то кричали в моей голове, но я не разбирала слов. Кто-то подставил подножку. Я вскрикнула и взмахнула руками, заваливаясь вперед. Земля завертелась и понеслась к моему лицу, но удара почувствовать не успела: чья-то рука рванула меня за мундир, помогая удержать равновесие.

— Сюда, щегол! — прошипели по-альтарски. — Курс на часовую башню, зови дежурных офицеров! Пшел!

Подняв взгляд, я увидела перекошенное окровавленное лицо Фа Дэ-Мина. Встряхнув меня, он легким пинком ниже спины придал мне вектор движения, и я, не успев удивиться, вылетела из толпы и во весь дух помчалась по полю.

— Драка! — кричала я, размахивая руками. — Эй, там драка! Скорее!

За спиной слышались крики, грохот и улюлюканье.

11. Черные всадники

Ночь успела перетечь в слабо розовеющее утро, а мы все еще стояли перед дежурными майорами, оправдываясь за давешнюю драку. Мы — это зачинщики, всего двадцать три человека, к которым приписали Фа Дэ-Мина, его партнера по «пьяной катаранге», Ганса и меня. Из нас всех наиболее мрачно выглядел генеральский адъютант. Прожигая во мне дыры осуждающим взглядом, он цедил через губу:

— Представля-ю, как рассердится Его Сиятельство...

— Но я ничего такого не делала, — шепнула я, уловив момент, пока майор отчитывал очередного провинившегося.

— А азартные игры? — прошипел Ганс. — А самогон? А драка, в конце концов?

— Я не участвовала в драке, — возразила я и заработала грубое замечание от майора. Дернулась и вытянула руки по швам: кажется, у меня начали вырабатываться армейские привычки.

— Никто не будет разбираться, — зло процедил Ганс. — А я как Его Сиятельству объясню? Тоже мне, удалой солдат нашелся!

Он снова фыркнул, а в моей голове радостно и немного пьяно запел Забияка:

«Е-если солда-аты

По го-ро-ду шага-ют,

Де-евушки о-окна

И двери отворяют.

А почему? Да потому!

Все почему? Да потому!»

— Заткнись! — прищыкнула я.

Ганс завел глаза.

— Куда? — в пустоту спросил он. — Куда делать милая фройлен с речью певучей и нежной? С ласковыми руками? С щечками, алыми, как клубника? Нет ее, пропала. Не узнаю этого грубого солдафона, что пьет деревенский самогон и огрызается на старого друга, как последний неотесанный крестьянин! Чемпион «пьяной катаранги», пропойца и сердцеед!

Теперь уже майор велел всем заткнуться, а я покраснела.

«Вы хорошо вжились в роль, хозяйка», — заметил Умник.

«А почему? Да потому! — пропел Забияка и икнул. — Наша малютка-воин растет, как быстро время летит!»

Кажется, он даже всплакнул. По крайней мере, я невольно икнула следом за ним и выпустила изо рта белое облачко пара. Кажется, мои драконы росли вместе со мной. Если так дело пойдет и дальше, скрывать их станет все труднее.

«Как и вашу беременность», — откликнулся на мои мысли Умник.

Он был прав, и я молилась про себя, чтобы в наказание меня не направили на какие-нибудь тяжелые работы. Молитвы были услышаны, но только наполовину. Хорошая сторона заключалась в том, что меня отправили на кухню драить кастрюли. Плохая состояла в том, что кастрюли пришлось драить на две армии — фессалийскую и альтарскую. Не выпавшаяся, сердитая, уставшая к полудню я чувствовала себя Золушкой. Правда, в мультфильме Золушке помогали какие-то мыши. В моем распоряжении был только два дракона, оба почти бесплотные, а один из них даже пьяный.

«Ничего, хозяйка. Нам бы немного продержаться!» — подбодрил меня Умник.

— Почему? — машинально отозвалась я.

«А потому!» — спел мне Забияка и ехидно засмеялся. Я пообещала открутить ему хвост, как только он обретет плоть и кровь, но мои угрозы действия не возымели. Зато такие же несчастные вояки, как и я, занятые уборкой и готовкой, посматривали на меня с нескрываемым уважением и всю обсуждали бурную драку, хвалясь то синяком под глазом, то выбитым зубом.

Мужчины!

Но, как Умник и предполагал, от работы меня отвлек внезапный залп пушками. В то же время на кухню вбежал запыхавшийся дежурный и, выпуча глаза, проорал:

— На плац! Срочное построение! Бегом, бегом!

Солдаты закопошились, покидали кто ножи, кто посуду, кто тряпки. Я побежала вместе со всеми, уже привычно придерживая животик.

На свежем воздухе воины выстраивались в «коробки». Офицеры покрикивали, грозились наиболее нерадивым. Я увидела Фа Дэ-Мина, ковыляющего по вытоптанной траве. Увидев меня, он улыбнулся краешком рта и поднял вверх большой палец.

«А ведь он правда поддавался, хозяйка», — заметил Умник.

— Откуда знаешь? — шепнула я.

«Сначала он проводил хорошо известную защиту «Бой Быков», а потом совершенно по-

дурачки отдал вам свою фигурку».

Залп повторился, едва я успела втиснуться в свой строй. Командир дал команду, и мы во все глотки прокричали трижды «Вива!»

Я почти ничего не видела из-за затылков стоявших передо мной, но чувствовала некоторое напряжение, прокатившееся по рядам.

«Что там такое? — мысленно спросила я у духов. — Кто-нибудь посмотрите!»

«Я полетел!» — рванул Забияка, и кулон обжог меня так, что я сцепила зубы и зашипела.

«Дурак! — одернул его Умник. — Хозяйку спалишь! Лучше я полечу, ты, не ровен час, спьяну в шатры врежешься и пожар устроишь».

Кулон вторично кольнуло, уже не так ощутимо и больно. От него отделился легкий дымок и поплыл над головами.

«А что там глядеть! — икнул Забияка. — Наверное, Его Сиятельство вернулся».

При этих словах мое сердце затрепыхалось от радости, и я счастливо выдохнула:

— Неужели!

И заработала удивленный взгляд рядом стоящего лейтенанта.

На какой-то миг на солнце набежала тень. Я задрала голову, пытаюсь увидеть, что происходит над головами, но заметила лишь размах гигантских крыльев. Виверны?!

Сердце снова подпрыгнуло, и я нетерпеливо переступила с ноги на ногу.

— Смир-рна-а! — прокатился басовитый приказ. — Его Величеству, фессалийскому королю Максимилиану Сарториусу Четвертому трижды — вива!

— Вива-а! — заорали тысячи глоток. А я промолчала и сглотнула слюну.

Король! Неужели?! Так вот почему грохнули пушки! Генерал Дитер, посол Ю Шэн-Ли и главнокомандующий Е Бо-Джинг вернулись не одни, а в сопровождении столь важного гостя!

«Важного как индюк!» — согласился со мной Забияка.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Следом вернулся Умник. Я ощутила его легкое ментоловое дыхание на своей щеке и услышала, как он шепнул мне в ухо:

— Действительно, это король, хозяйка.

— Да что б его! — ругнулась я под нос и вовремя прикусила язык.

Все смолкло. Только было слышно, как цокают копыта. Вытянув шею, я смогла разглядеть троих всадников: на черном коне восседал, конечно, мой генерал. Его парадный мундир хорошо контрастировал с лоснящейся шкурой и гривой скакуна. Дитер был в очках, как и положено василиску. Наверное, именно такой вид и вселял ужас в сердца противников. В моем же он вызывал только любовь и негу. Я вздохнула и нехотя скользнула взглядом по главнокомандующему, который восседал на рыжем альтарском скакуне. Рядом с ним гарцевал белый в яблоках конь, чья пышная грива была заплетена в многочисленные косички.

Он не изменился ни на йоту.

Король, конечно, а не скакун.

Все тот же горделиво приподнятый подбородок. Все те же пышные кудри из-под короны. И осанка, и камзол, и сверкающие перстни на пальцах выдавали во всаднике первое лицо государства.

— Храбрые воины Фессалии и Альтара! — заговорил Его Величество ка можно болес

громко, и его поставленный голос разлетелся на воздухе, зазвенел, как струна. — Я приветствую вас!

— Ви-ва! — снова прокричали мы.

— Фессалийские драконы и Альтарские орлы! В первую очередь я хочу выразить вам благодарность за то, что вы доблестно защищаете свой народ! — продолжил Максимилиан, явно красуясь перед солдатами. — Этой ночью мы держали совет с вождем Кентарии, ярлом Элдором! Для этого я отложил наиважнейшие планы...

«Примерку новых панталон», — подсказал Умник.

— ...и приехал сюда, на границу страны, — продолжил король. — К сожалению, нам не удалось выяснить ничего насчет так называемых Черных Всадников. В последнее время налетов замечено не было, но я хочу, чтобы вы держали ухо востро, а глаз пристрелянным. Это затишье — лишь затишье перед бурей. Так будем же готовы к битве!

Тут король обнажил шпагу и вознес ее над головой. Единственная битва, к которой был готов король, это щупать за задницы придворных фрейлен, но я промолчала, зато драконы услышали мои мысли и хохотнули в две пасти.

«Интересно, он уже в курсе о том, что тут произошло ночью?» — задумчиво спросил Умник.

«Король, может, и не в курсе, — ответил Забияка. — А генерал вполне».

Я украдкой глянула на Дитера и съежилась, потому что его нахмуренные брови и пляшущие в очках искры не обещали ничего хорошего.

Королевский конь прогарцевал мимо моего взвода и остановился напротив. Я вздрогнула: показалось, что глаза Максимилиана уставились прямо на меня. Его брови озадаченно поползли вверх, и я нагнула голову, тряхнув челкой так, чтобы она завесила лицо, но все равно чувствовала прожигающий взгляд. Увидел или нет? Узнал ли?

Время тянулось медленно, хотя на деле прошло лишь несколько секунд. Вскрапнув, конь зацокал дальше. И я выдохнула: еще повоюем!

На этом торжественная часть закончилась. Мы подождали, пока Его Величество в сопровождении главнокомандующего не скроется в шатре, тогда нас распустили. Я медлила, ожидая, пока не рассосется основная масса военных. Попыталась затеряться в толпе остальных, и побрела к кухне, ведь никто не отменял моего наказания. Но вскоре меня окликнули в спину строгим знакомым голосом:

— Герр Мартин! Вас я попрошу остаться.

Я замерла, точно наткнувшись на невидимую стену. Обернулась и встретилась с горящими глазами Дитера. Дернув подбородком, он указал в сторону генеральского шатра и сухо произнес:

— Прошу за мной.

Судя по его тону, ничего хорошего меня не ожидало.

У шатра вертелся Ганс, но Дитер глянул на него так, что понятливый адъютант сразу шмыгнул в сторону и испарился, оставив нас наедине. Мысленно я попросила покинуть меня и драконов и посторожить у полога.

«А если вам понадобится помощь, хозяйка?» — спросил неугомонный Забияка.

Я устало потерла лоб и прошептала ему:

— Вы сделали, что могли...

Занавесив полог и только что не вывесив табличку: «Занято. Не беспокоить», Дитер повернулся ко мне и поглядел прожигающим взглядом даже сквозь очки. По моей спине

пробежали мурашки, и я ступшувалась под его взглядом, виски знакомо заломило. Головокружение — самая легкая форма недомогания из всех, когда василиск смотрит на тебя пристальным взглядом и явно ожидает ответа.

— Дитер, — начала я. — Так замечательно, что ты вернулся! Я так волновалась...

— Настолько, что не успел я уехать, как побежала пить с офицерами? — тяжело выдавил мой генерал.

В животе все перевернулось, и я закусила губу.

— Поверь, все совсем не так, как ты ду...

— Думаю, это весело, — сухим тоном заметил генерал. — Пока командир и муж в отъезде, можно делать, что угодно. Можно пить, можно драться, не думая о будущем ребенке.

— Дитер, я понимаю твое волнение, — как можно более мягко сказала я. Слова мужа звучали обидно, но я чувствовала его негодование, его боль за меня и нашу малышку. — Поверь, я волнуюсь не меньше, и не сделаю ничего, что могло бы угрожать ребенку. Моя ошибка заключается только в том, что я села за игральный стол. Но откуда мне было знать, чем все закончится?!

— А должна была знать! — рыкнул Дитер, стукнув кулаком по столу. — Ты будущая мать! Как можно быть такой беспечной?!

— Меня защищала родовая магия.

— И симпатичный альтарский капитан, который едва дождался, чтобы остаться наедине со смазливym адъютантом?

Я в недоумении воззрилась на мужа. Шутит или нет? Его очки были непроницаемы, золотые спирали раскручивались в зеркальной мгле, на скулах играли желваки.

Не шутит.

— Никто не знает, кто я такая, — тихо сказала я. — Тем более альтарский капитан. Не надо ревновать, любимый.

— Тогда почему он провожает тебя взглядом каждый раз, когда ты проходишь мимо? — с жаром ответил Дитер. — Смотрит так, как смотрел тогда, в императорском саду? О, я знаю этот взгляд! Так смотрит мужчина на понравившуюся ему женщину. Это взгляд охотника, взгляд, зажигающий сердца!

— Но мое сердце отдано тебе, — возразила я, подходя ближе и беря его за руку. — Любимый, даже если капитан подозревает, что я не тот, за кого себя выдаю, я все равно никогда не буду принадлежать никому, кроме тебя! — накрыла его ладонь своей и принялась успокаивающе гладить. — А теперь у нас одно сердце на двоих. Оно бьется вот тут, внутри меня, — я приложила вторую ладонь к своему животу. — Новое сердце, плод любви розы и василиска. Я буду биться за него так же, как билась за тебя, Дитер. Ты помнишь?

— Помню, — выдохнул он, и золотое верчение в очках замедлилось. — Но как же мне больно видеть тебя в окружении других мужчин... Знать, что ты провела долгие дни и ночи с альтарским выскочкой...

— Надеюсь, ты имеешь в виду не Шэна? — улыбнулась я, прижимаясь к мужу.

Его губы дрогнули в ответной улыбке.

— Нет, не Шэна. Я говорю о капитане...

— Так забудь про него, любимый, — я потянулась и поцеловала Дитера в подбородок. — Я помогла ему, когда он был ранен, но не чувствовала к нему ничего, кроме

сострадания.

— А он? — скрипнул зубами Дитер. — О, я уверен! Этот прощельга нарочно затеял «пьяную катарангу», чтобы вывести тебя на чистую воду!

— И сам же поддавался мне.

— Не важно! Если снова увижу его рядом с тобой, клянусь, одним придорожным валуном станет больше!

Я засмеялась:

— Мой герой! Но пожалуйста, давай не будем принимать поспешных решений? Я слишком соскучилась, чтобы тратить время на ссоры

Дитер прижав меня к себе, и шепнул на ухо:

— Мэрион, я так за тебя боюсь... за тебя и ребенка... не отдам! Никому!

— И не надо, — я поцеловала его губы, скользнула ладонями по груди. Дитер ответил мне с жадностью, словно мы не виделись целый год, а не одну ночь. Его руки оглаживали меня осторожно, боясь повредить, ласкали, напитывая теплом и возбуждением. Я расстегнула его китель, завела пальцы под ткань рубашки, лаская его живот и опускаясь ниже. Дитер тихо застонал и перехватил мою руку:

— А если... кто-то зайдет? Увидит...

— Увидит что? — мурлыкнула я. — Что фессалийский генерал целует чужого адъютанта?

— Это звучит... странно, — признался Дитер.

— А выглядит еще страннее, — тихонько рассмеялась я, расстегивая ремень. — Зато на ощупь... — Я нырнула рукой в брюки. — Мм... Неплохо!

— Мэрион! — выдохнул мой генерал. — Подожди...

— Не хочу ждать, — шепнула я, быстро поцеловав Дитера в губы. — Ведь я провинилась? Значит, пришло время загладить свою вину.

Я скользнула вниз, мягко опускаясь на колени. Дитер был возбужден до предела, его пряный аромат сводил с ума, его упругость ощущалась на языке и в свою очередь заводила меня. Томление нарастало, как приливная волна, в ушах шумело, шумел прибой или это наше дыхание звучало в унисон, насыщая воздух электричеством и любовью. Я помогала рукой, Дитер гладил меня по волосам, постанывая и покачиваясь в такт моим движениям, но не перехватывал инициативу, позволяя вести эту партию мне. А я не спешила, и от одной мысли о том, что нас могут увидеть в такой пикантной ситуации, адреналин выстреливал в кровь, и кожа покрывалась мурашками. Я почувствовала, как напряглись и начали сокращаться его мышцы, но не отпускала до последней сладостной судороги, до разрядки. И только когда в последнем томительном стоне Дитер выдохнул мое имя:

— Мэрион...

Я, наконец, отпустила его, поглаживая и успокаивая

— О, Мэрион, — повторил Дитер и, разомлев, обнял меня.

Я прижалась к нему, все еще пребывая в томительном плену возбуждения. Волны накатывали, омывая меня изнутри. Наверное, это зрела моя любовь и текла через нас обоих, дарила одно дыхание на двоих, одно сердцебиение на двоих, одну нежность...

— Теперь я прощена, любимый? — лукаво спросила я, глядя на мужа снизу вверх.

Он улыбнулся и поцеловал меня:

— Безусловно. Только теперь моя очередь дарить удовольствие.

— Прямо сейчас? — рассмеялась я, продолжая ластиться к моему генералу. — Вы и

вправду ненасытны, Ваше Сиятельство!

— Когда рядом со мной находится лучшая в мире женщина, я становлюсь настоящим зверем, — признался Дитер.

— В таком случае, — начала я, — нам нужно...

Полог шатра качнулся от сквозняка. Я вздрогнула, машинально отстраняясь от генерала. Дитер поспешно запахнул китель, но никто не вошел, только я заметила, как полупрозрачное облачко подплыло к моему плечу идохнуло в ухо свежестью ментола:

«Хозяйка, сюда идут...»

— Вот так всегда! — расстроилась я. — Дитер, придется нам в следующий раз. Боюсь, нас сейчас кто-то побеспо...

— Ваше Сиятельство! — прокричали снаружи. Кажется, это был Ганс, однако, наученный прошлым опытом, он не спешил входить. — Срочно! Беда!

«Беда...»

Слово обдало меня новой волной, но на этот раз она была холодной и колкой. Как волны северных морей.

— Что такое, Ганс? — ответно крикнул Дитер и застегнулся на все пуговицы. Я тоже привела себя в порядок, пригладила волосы и одернула форму, и тогда генерал крикнул: — Входи же!

Ганс не вошел, а вбежал. Всклопоченный, с лихорадочно горящими глазами.

— Налет! — выпалил он. — Только что поступило донесение! Возле села Набур появились черные всадники!

«Как?» — хотела спросить я, и не спросила.

Дитер слегка отодвинул меня плечом и чеканным шагом прошел через шатер.

— Собираем отряд, — отрывисто приказал он. — Немедленно.

Снаружи тревожно и мрачно завывали горны.

Я много раз видела это на учениях: солдаты вооружались до зубов, группировались по отрядам, формировали пехоту и конницу. Но одно дело учения, и совершенно другое — реальная война.

Битва с тварями из Туманного Лога, можно сказать, прошла мимо меня. А теперь мне предстояло очутиться в самой гуще событий...

Конечно, Дитер бы предпочел, чтобы я осталась в штабе вместе с Шэном. Да и сам Шэн был того же мнения. Вот только человек предполагает, но жизнь обязательно вносит свои коррективы. Возможно, я бы никогда так и не увидела черных всадников, если бы они не явились напрямик в наш лагерь.

Это случилось так.

Дитер выслал отряд к селу Набур, а мы остались готовить подкрепление. Один из моих духов — Забияка, — вызвался слетать следом за войском и проследить за битвой.

«Битва в режиме онлайн», — мрачно подумалось мне.

Я не находила себе места и с тревогой ожидала вестей. Но ждать пришлось недолго.

«Хозяйка, они несутся сюда!» — Забияка материализовался над моим ухом и я уловила в его голосе неприкрытое волнение.

— Куда это сюда? — спросила я.

«Сюда, на лагерь!»

Он хвостом указал направление, и я выбежала из шатра и замерла.

Горизонт наливался тьмой.

Черные тучи текли, как пролитые чернила, заполняя собою небо. Издалека доносился нутрянной гул, не то отголосок грома, не то топот тысячи копыт. Листья на деревьях дрожали, вода в бадьях шла рябью, и наши кони взволнованно ржали, тараща перепуганные глаза.

— Они идут, Шэн! — я метнулась к алтарцу.

Тот находился в компании главнокомандующего Е Бо-Джинга. Вдвоем они переговаривались над картой, исчерканной красными крестиками и зелеными стрелками. Е Бо-Джинг полоснул по мне суровым взглядом, и я поняла, что нарушила субординацию, позволив себе вломиться в шатер без предупреждения, да еще и назвала Ю Шэн-Ли по имени, а не по должности.

— Кто идет? — тем не менее, спокойно спросил Шэн.

— Всадники! — выдохнула я. — Вы... вы слышите?

Теперь это слышали все: гул землетрясения, движение земной коры под ногами. Полог шатра колебался, движимый порывами холодного воздуха, и тень ползла, закрывая солнце и марая голубой бархат неба в непроглядную тьму.

— Оставайся в штабе! — прокричал мне Шэн, впиваясь в плечо.

— Но...

— Это приказ!

Я всхлипнула и, развернувшись, поплелась к блиндажу. Туда же двое алтарцев тащили орущего Ченга: мальчишка выворачивался, пробовал кусаться и выл, как мартовский кот.

— Пустите! — орал он. — Я тоже пойду! Я умею! Постреляю, гадов!

— Мал еще, — пыхтел один из солдат и встряхивал Ченга за шкуру. — Сиди и носа не высывай!

Увидев меня, презрительно усмехнулся, а мои щеки покрылись румянцем.

Задира и драчун, значит? Адъютант алтарского посла, значит? Сопляк, которому место в штабе, пока другие проливают кровь.

«Вы не можете рисковать жизнью Оракула, госпожа», — напомнил мне Умник.

— Знаю, — ответила я и опустила лицо. — Моя бедная девочка... мы выстоим, правда?

Я погладила живот, и щеку мне пощекотал теплый ветер. Я приложила к щеке ладонь, словно дотронулась до моей малышки. Конечно, она спит, и видит во сне пшеничное поле и всадников, несущихся, как лавина.

Я снова обернулась, холодея. На горизонте было черным-черно, воздух полнился лязгом и грохотом, тоскливо пели трубы. Кто-то дернул меня за рукав, и я обернулась, встретившись глазами с хмурым Фа Дэ-Мином.

— Бережет тебя брат, не так ли? — осведомился он, глядя на меня исподлобья и опираясь на трость.

— Бережет, — отозвалась я.

Лицо капитана исказилось в мучительной улыбке:

— И я пропускаю битву... снова.

— Вы еще не оправились от ранения, капитан Фа, — заметила я.

— Грустно быть калекой и неудачником, — ответил он.

Я рассеянно ответила ему:

— Не везет в войне, повезет в любви.

И тут же со стороны послышалось визгливое:

— Окружа-айу-ут!!

Выдернув мушкет, я отпрыгнула и обернулась.

Чернота теперь приняла вид гигантской подковы, занявшей половину неба. Лавина текла не только впереди, но и сбоку. Воздух гудел, земля под ногами тряслась, где-то уже слышались первые выстрелы.

«Да сколько же их там?!» — мысленно воскликнула я.

«Легион», — мрачно ответил Умник.

Голодные, сверкающие алыми глазами, жадные до крови, черные всадники походили на тучи саранчи. И эта саранча неумолимо неслась на лагерь.

Первый выскочил прямо из-за блиндажа.

Я услышала только, как заверещал Ченг. Потом послышались хлопки выстрелов, остро пахло порохом. Черный скакун с выпирающими ребрами взлетел на крышу блиндажа, точно у него были крылья. Я запрокинула голову и увидела, как из круглых раздувающихся ноздрей вырывается белый пар. Всадник привстал на стремях, его фигура, облаченная в латы, казалась слишком огромной, чтобы принадлежать человеку. Огромной и худой — так мог бы выглядеть Кощей из русских сказок. А лица у всадника не было: вместо него клубилась чернильная тьма, в которой злобно вспыхивали алые угли.

Я вскрикнула и выстрелила.

Отдача ударила в плечо.

Конь всхрапнул и привстал на дыбы. Кто-то выстрелил рядом. Я видела, как пули входят в тощую грудь скакуна и... проходят сквозь него, не встречая никакой преграды. Еще выстрел! Всадник лопнул, как наполненный чернилами шар. Я зажмурилась и прикрыла голову, пытаясь уберечься от летящих во все стороны брызг. Но ничего не почувствовала: и конь, и всадник растворялись в воздухе черным туманом, над головой кружил пепел и медленно оседал в траву.

— Это... это какая-то магия, — пробормотал стоявший рядом Фа Дэ-Мин. Его мушкет дымился: скорее всего, второй раз выстрелил он.

— Да, — ответила я, кладя ладонь на грудь и ощущая под формой спасительный кулон. — Это магия.

Потом черная лавина накрыла лагерь.

«Как их остановить? — прокричала мысленно я, обращаясь к духам. — Как остановить этих тварей?»

«Мы не знаем, госпожа, — виновато ответил Забияка. — Мы никогда не сталкивались с ними раньше».

«Мы не знаем, госпожа, — повторил Умник. — Но можем защитить вас».

Второй всадник вылетел прямо на меня. Я вскинула мушкет и прицелилась, и в тот же миг меня вдруг окутало полупрозрачное белесое облако. Так бывает, когда выходишь из парилки: пар клубился вокруг меня, переливался, как мыльный пузырь, и то здесь, то там в этом пузыре вспыхивали то рубиновые глаза Забияки, то сапфировые Умника.

Конь ударил по пузырю копытом.

Я видела, как из моей импровизированной защиты тут же выросли шипы. Конь заржал — не так, как ржут наши земные лошади. Это ржание походило на скрип несмазанной телеги, на звук, с каким гильотина опускается на шею преступника. Пронзительный, отвратительный звук!

Шип пронзил и коня, и всадника, и оба лопнули, снова обдав меня пеплом и сажей.

— Как ты сумел? — услышала я полный изумления голос Фа Дэ-Мина.

— Я полон сюрпризов, друг мой, — ответила я и решительно рванула обратно к лагерю.

Теперь, когда у меня была защита, я знала, что мне ничего не грозит, а значит, могу помочь и Дитеру.

Густой пороховой дым стлался над травой. Земля вибрировала и дрожала от тысячи бегущих ног, от тысячи копыт! Грохотали пушки, люди кричали, к запаху пороха добавился выворачивающий запах крови...

Да, я была уверена, что это кровь. Меня замутило, и я зажала ладонью нос, чтобы не стошнило.

— Дитер! — закричала я, оглядываясь. — Ди-тер!

Все ориентиры смазались, утонули в дыму. Я дрожала, как в лихорадке, сжимала перезаряженный мушкет. Вот из тьмы показался еще один всадник — бах! Я разметала его на миллион крохотных черных лоскутков, и они, как конфетти, усыпали землю.

— Дитер!

Глаза щипало и разъедало от дыма. Хотя, должно быть, в пузыре это переносилось куда легче.

«Хозяйка, слышите?» — встревоженно окликнул Умник.

Я завертела головой. Неужели Дитер?!

Кричал кто-то со стороны. Там, где гуще всего был полумрак, куда стекались все силы черного войска, где наверняка бился мой муж!

Я остановилась, тяжело дыша и не зная, что предпринять.

Мой Дитер...

Моя малышка...

Смогу ли я помочь?!

«Сможете», — сказал мне Забияка.

И я тут же почувствовала электрическое покалывание в кончиках пальцев. Поднеся руку к глазам, увидела, как по ладони скатываются крохотные шарики-молнии. Голубые, как глаза Умника, яркие, как бенгальские огни.

Я выбросила ладонь вперед. И тут же с пальцев сорвались тонкие голубые нити. Точно рыбачья сеть, они оплели несущегося навстречу черного всадника. Копыта дьявольского коня подвернулись, вся фигура всадника надломилась и рассыпалась на мозаики. Хлоп! И нет ничего, только пепел кружится, оседая на волосы и плечи.

— Иду! — выдохнула я и рванула во тьму.

Черные всадники крутили над головами черные хлысты. Быстро-быстро, как лопасти ветряной мельницы, они вращались, цепляя острыми шипами фессалийцев и алтарцев, пехоту и кавалерию. Лошади, все в пене, валились на землю и бились в судорогах, пока черная гуща не накрывала их, как жадный акулий рот.

— Спасите! Спасите! Спаси-и... — визгливо орал кто-то и корчился в коконе хлыстов.

Черные всадники закручивали человека, как в паутину, скакали посолонь, быстрее, еще быстрее! Пахло потом, порохом и гарью. Крик был полон муки и страха.

«Хранители, не подведите!» — мысленно обратилась я к драконам и, сцепив зубы, метнулась в самую гущу.

Мой защитный пузырь сразу ощерился шипами. Я вскинула обе руки, и синие искры молний заплясали вокруг. Всадники лопались, оседали на земле черными кляксами. Тугие хлысты рвались и расползались, как гнилые нитки. Фигура человека продолжала корчиться на земле даже после того, как последние черные щупальца истончились и лопнули, оросив

ее мелким дождем.

— Дитер? — я подошла и склонилась над лежащим.

Это был не он.

Дитер не стал бы хныкать, сжимая кудрявую голову. И на его мундире нет вензеля М.С., вышитого золотом.

— Ваше Величество, — прошептала я, не веря своим глазам.

Король Максимилиан Сарториус Четвертый поднял покрасневшее лицо с вытаращенными от ужаса глазами.

— Они... ушли? — хрипло прошептал он.

— Ушли, — ответила я, все еще пребывая в шоке.

— Благодарю вас, рыцарь! — быстро, как черепаха, на коленях он подполз ко мне и попытался ухватиться за мою руку, но защитный полог не дал ему это сделать. И король с шипением отдернул пальцы.

— Ай! Жжется...

— Где Дитер? — спросила я, досадуя, что так жестоко обманулась.

— Генерал? — переспросил он. — Ах, где-то был здесь... он пришел защищать меня, но, кажется, силы были не равны...

— Что это значит?! — закричала я и, повернувшись, побежала сквозь дым и смрад. — Дитер! Ди-и...

Мой крик подхватывали трубы. Уши закладывало, земля плыла под ногами.

Он был здесь! Пытался спасти своего слюнтя-кузена!

Под подошвы стал подворачиваться песок и каменная крошка. Небо светлело, воздух становился все более прозрачным. Всадники уходили? Мы победили?

— Дитер!

— Он там! — услышала я знакомый голос. Кажется, это был Ганс. — Скорее, там!

Камней становилось все больше. Вон тот булыжник напоминал лошадиную голову. А тот — сгорбленную человеческую фигуру.

«Здесь поработал василиск», — заметил Забияка.

— Дитер!

Я увидела его.

Окруженного черными всадниками, живого, но очень уставшего. Дитер был без очков, и вокруг него полыхали золотые молнии, столь яркие, что я зажмурилась и сбавила шаг. Сердце чуть не выпрыгивало из груди, но в пальцах аккумулировалась сила.

— Умрите! — крикнула я и выбросила ладони вперед. — Оставьте нас! Убирайтесь, откуда пришли!

Синие молнии сплелись с золотыми, воздух нагрелся до невыносимой температуры, трещал от напившегося электричества. Всадники рассыпались крошкой, лопались, как гнилые ягоды, истекали тьмой.

Вот черный хлыст обвился вокруг груди моего генерала. Тот рванул его руками, зарычал от натуги, и я поспешила на помощь, постепенно накапливая силы, чтобы ударить во всю мощь.

И тут мне наперерез выскочил всадник. Крикнув что-то на непонятном языке, он обрушил хлыст на мой купол. Искры брызнули во все стороны, и я услышала, как протяжно стонет Забияка. Я покачнулась и едва не упала, поскользнувшись на траве. Стиснув челюсти, я полоснула по всаднику молниями. Он закрутился в сияющем голубом коконе и рассыпался

на части. Я вскрикнула от радости, но вскоре мой крик перерос в возглас ужаса.

Дитер тонул в черноте.

Она оплетала его как ужасный кокон, текла по лицу, залепляя его глаза. Дитер пытался оторвать прилипчивую жижу, но пальцы вязли в ней, и я с ужасом видела, как над его головой воздух сгущается, наливается мраком и пустотой.

«Черное зеркало! — воскликнул Умник. — Оно открывается!»

— Нет! — закричала я.

Еще один всадник ударил пузырь, и перед моими глазами образовалась трещина. Пузырь ошетинился иглами, проткнул и этого нападающего, но заминка оказалась роковой.

Из пустоты выхлестнуло щупальце — вдвое толще, чем хлыст всадника, куда чернее, чем ночь. Закрутившись вокруг Дитера, щупальце потащило его в открывшийся проем.

Я закричала и бросилась следом, но разве могла успеть?

Чернота сомкнулась вокруг него, словно жадный рот. Земля покачнулась, в воздухе раздался хлопок и портал исчез, сжавшись до микроскопической точки. Потом пропала и она.

— Ди-ите-ер!

Я снова выстрелила молниями, но они ушли в пустоту.

Воздух светлел, небо обретало прежнюю голубизну. Черные всадники уходили, оставляя за собой землю, усеянную гниющими кляксами, тела наших солдат, стонущих раненых...

Они уходили, забрав с собой приз: непобедимого фессалийского генерала, чей взгляд обращал в камень, а сердце ожило для меня.

Мой Дитер.

Любовь моя...

12. Новый виток

Не знаю, сколько я проплакала на груди у Шэна.

Он успокаивал, как мог, поил зеленым чаем для восстановления сил и гладил по волосам, обещая, что все будет хорошо.

— Не будет! — рыдала я. — Ничего не будет хорошо... никогда!

Мне казалось, что это действительно так. Словно кто-то чужой вынул из груди мое сердце и раздавил его сапогом. И теперь рана горела, истекала болью и тоской, и не торопилась затягиваться.

— Если бы Дитера хотели убить, — сказал Ю Шэн-Ли, — то сделали бы это сразу.

Он говорил как можно мягче, старательно подбирая слова, но это страшное сочетание «Дитер» и «убить» повергало меня в еще больший ужас.

— Однажды мы уже справились, помнишь? — не сдавался альтарец. — Смогли вытащить Ди из тюрьмы и разрушили все планы Ее Величества.

— Я уверена, это она подстроила! — воскликнула я и сжала кулаки.

В памяти вспыхнуло красивое и надменное лицо Анны Луизы. Она сверлила меня холодным взглядом, и кожа на щеке покрывалась паутинкой трещин — как раз там, куда упал смертельный взгляд василиска. Если она спаслась из заточения, если она смогла заручиться поддержкой своего кентарийского любовника, то я знала, бывшая королева обязательно захочет отомстить Дитеру. И вот время пришло.

«Если у Анны Луизы была колдовская сила, то она вполне могла открыть портал и призвать демонов, хозяйка», — заметил Умник.

Я кивнула, размазывая по щекам слезы.

— Конечно. Они подстроили это. Королева и кентарийский вождь.

Вспомнилось, как черные всадники кружились возле короля Максимилиана. Как воины спешили на помощь своему монарху, совершенно забыв о генерале. Может, и это был отвлекающий маневр? Проклятье!

В бессильной злобе я стукнула кулачком о колено.

— Я убью ее, — поклялась я. — Если она виновата во всем этом, я найду ее и...

Голова слегка кружилась. Может, от слез, а может от последнего удара черного всадника, расколовшего мой защитный купол. И только теперь заметила, что второй дух, Черный Дракон, не подает голоса.

«Забияка?» — мысленно обратилась я к нему.

Легкий выдох, слабое:

«Я слушаю, хозяйка...»

«Жив?»

«Стараюсь, хозяйка».

«Что ему будет», — проворчал Умник.

«Правда, в глазах темно, — продолжил Забияка. — Кости ломит и хвост чуть не отвалился, но в целом терпимо. Надо накопить силы. Если, конечно, в ближайшее время вы не захотите снова участвовать в какой-нибудь драке».

— Надеюсь, что нет, — прошептала я. — Но мы отомстим.

Духи повздыхали и замолчали. Сегодня и они не были склонны к перепалкам и шуткам и в основном молчали.

В шатер заглянул незнакомый мне фессалийский солдат и зыркнул по сторонам.

— Герра Мартина требует к себе Его Величество, — отрапортовал он.

— О, нет! — я подскочила с места, и солдат вытаращился на меня с явным недоумением. Можно его понять: когда зовет сам король, нужно бежать, сломя голову, держа в зубах тапки и повизгивая от удовольствия. Любая иная реакция расценивается как ненормальность, и чего хуже — бунтарство.

— Так точно, я сейчас приду, — поправилась я, шмыгая носом и одергивая мундир.

Солдат кивнул и скрылся. Я долго сморкалась в протянутый Шэном платок и бурчала, что только Максимилиана мне и недоставало.

— Понимаю, — соглашался альтарец, хмурясь и кусая губы. — Его Величество может узнать тебя...

— Боюсь, что уже узнал, — мрачно ответила я, вспомнив, как он остановился напротив моего отряда и долго всматривался в лица солдат. — Но разве я могу не подчиниться приказу короля?

— Не можешь, — со вздохом ответил Шэн. — Не маску же на тебя надевать.

По его тону мне показалось, что он готов был надеть и маску.

По полю я шла, не поднимая головы. В воздухе все еще витал запах пороха. Стонали раненые, зеленая трава засыхала там, где чернели язвы, оставленные всадниками.

Его Величество был не один. Рядом с ним за переносным столиком сидел главнокомандующий Е Бо-Джинг, угрюмый и осунувшийся. Сколько бойцов он потерял сегодня? Что планирует предпринимать теперь?

— Это и есть адъютант господина посла? — услышала я голос Максимилиана.

— Мартин фон Мейердорф по вашему приказанию прибыл! — привычно отчеканила я.

Вытянувшись, смотрела мимо него, надеясь, что отросшая челка достаточно закрывает мне глаза.

— Это он, Ваше Величество, — подтвердил Е Бо-Джинг.

— Очень интересно, — лениво ответил король и отпил из хрустального бокала. Красиво жить не запретишь даже в походе. — Подойди ближе, мой мальчик.

Я сделала крошечный шагок вперед и остановилась.

— Ближе, ближе! — король поманил меня, сверкнули перстни.

Еще пара маленьких шажочков, и достаточно с него.

— Старый пройдоха герцог Мейердорфский был большим ловеласом, — протянул Максимилиан. — Какой сюрприз спустя столько лет встретить еще одного кузена! И тоже Мартина!

Я упрямо молчала. Молчали и духи-хранители. Забияка зализывал раны, а Умник берег силы на случай, если что-нибудь пойдет не так.

— Ты совсем не в нашу породу, — продолжил король. — И герцог, и его старший сын, и даже бастард Дитер черные. А ты рыжий.

— В мать пошел, Ваше Величество, — рискнула все-таки ответить я.

— Комплекцией тоже, — кивнул король и поднялся.

Я внутренне сжалась в пружину и собрала всю волю в кулак, когда он подошел ко мне и взял пальцами за подбородок. Его лицо оказалось совсем рядом: холеное, красивое, с чувственными губами, теперь растянутыми в улыбку. Он смотрел на меня, едва не прожигая дыры.

— И лицом, — сказал Максимилиан. — Был бы девкой, все мужчины были твоими.

«Обойдется», — проворчал Умник, и кожу под кулоном закололо.

— Не знаю, что сказать, Ваше Величество, — ответила я. — Я верно служу Его Императорскому Величеству и моему командиру с тех пор, как выпустился из Академии.

— Наслышан о битве в Туманном Логе, — сказал Максимилиан и наконец отпустил мой подбородок. — А сегодня и сам стал свидетелем твоей доблести, юноша. Для того и позвал.

— Рад служить, Ваше Величество! — прищелкнула я каблуком.

Король вздохнул, вернулся к столику и достал из походной деревянной шкатулки усыпанную брильянтами звезду.

— За доблесть и мужество! — торжественно провозгласил он, выпрямив спину. — И за спасение Моего Величества, награждаю тебя, юный Мейердорф, этим знаком отличия! А так же рекомендую главнокомандующему альтарской армии повесить тебя до звания... — он прервался и растерянно обернулся на Е Бо-Джинга.

— Лейтенанта, — подсказал тот.

— Повесить до звания лейтенанта! — довольно подхватил король.

— Вива Его Величеству! — гаркнула я. — Вива Империи солнца!

Максимилиан приколол мне звезду на лацкан и на миг задержал на груди ладонь. По спине прокатились мурашки: узнает или нет? Я моргнула, и по лицу короля промелькнула довольная ухмылка.

— Поздравляю, лейтенант! — Максимилиан приставил к виску два сложенных пальца. — Жаль, недолго пришлось воевать.

В животе все перевернулось. Узнал! Сейчас раскроет перед главнокомандующим! Отправит домой! И я никогда, никогда, никогда не найду своего Дитера!

«Тут что-то другое, госпожа, — предупреждаяще сказал Умник. — Ждите...»

Король кашлянул, погладил бородку и продолжил:

— Прискорбно об этом сообщать, но вам, мой юный друг, выпала честь узнать об этом первым. Завтрашним днем я заключаю пакт с Кентарийским государством и передаю им спорные территории...

— Как?! — воскликнула я, и Е Бо-Джинг рыкнул и крутанул в пальцах кинжал. Я испуганно умолкла, но, кажется, главнокомандующий сердился не на меня.

— Так, мой юный друг, — король развел руками и вздохнул. — Следует признать, что силы наши не равны. Противник слишком жесток и грозен, а мы лишились своего козыря, своего лучшего воина, — тут голос Максимилиана обрел дрожащие нотки, и я сама внутренне задрожала, когда вспомнила...

«Держите себя в руках, госпожа», — сказал Умник.

— Но мы готовы сражаться! — запинаящимся голосом ответила я. — Это был только первый бой, мы...

— Мы понесли большие потери! — поднял лобастую голову главнокомандующий. При каждом слове он кривился, словно ему было больно это произносить. — Я не могу рисковать своими ребятами. Должен признать, мы были не готовы...

Я задрожала. Так значит что? Отступим? Сбежим как трусы?! Отдадим свои земли кентарийскому вождю? И забудем про Дитера?

Дитер...

Перед глазами все потемнело, на миг стало трудно дышать. Я рванула ворот формы и услышала будто издали встревоженный голос короля:

— Лейтенант Мейердорф? Мартин? Да что ж такое! Воды!

— Не надо... воды, — промямлила я и попыталась выпрямиться, хотя голова еще плыла и на языке чувствовался противный привкус желчи.

— Мой бог, как вы побледнели! — всплеснул руками король. — Должно быть, вам худо?

— Уже лучше, Ваше Величество, — слабо улыбнулась я. — Я только... я хотел...

Мысли прыгали — не поймать, хоть я и пыталась. Одна, самая настырная, вилась и вилась, как назойливая муха. Я пошла бы за Дитером куда угодно. Хоть в армию, хоть в Кентарию. Хоть к черту на рога!

— Разрешите обратиться, господин главнокомандующий, — сказала я и повернула к Е Бо-Джингу бледное от волнения лицо. — Если вы позволите, я поделюсь с вами одной мыслью...

Король и главнокомандующий переглянулись.

Его Величество поджал губы, и я пала духом. Конечно, этот надутый индюк не выслушает, не позволит мне даже попробовать. Я сжала кулаки, но на мое счастье сейчас же послышался усталый голос Е Бо-Джинга:

— Говорите, лейтенант.

— Спасибо! — выпалила я, просяив. — Господин Е Бо-Джинг, я вынужден согласиться, что силы противника превосходят наши, и готов драться не на жизнь, а на смерть, вот только в дело явно замешана магия! Пули черных всадников почти не берут...

— Но позвольте, — мягко возразил Максимилиан. — Я своими глазами видел, как вы, мой юный друг, уложили парочку, когда спасали меня.

Я испуганно отвела взгляд. Что ответить? Не признаваться же, что и мне помогала

магия моих хранителей! Кашлянув, я осторожно ответила:

— Я сказал «почти», Ваше Величество. К тому же, мои пули заговоренные, этим заговорам меня научили монахи-отшельники со священного плато Ленг.

— Тогда вы должны передать это знание и другим воинам, — заметил Максимилиан.

— Конечно, — я улыбнулась через силу. — Но если вы выслушаете меня до конца, то в этом, возможно, не будет необходимости. А идея моя заключается в том, что там, где бесполезна сила, поможет хитрость.

— Хитрость какого рода? — в глазах главнокомандующего появился азартный блеск. Он приподнял голову, выпрямил плечи. Я увидела, как вздрагивают его ноздри в предвкушении, он весь превратился в слух. Тогда я набрала побольше воздуха и выпалила на одном дыхании:

— Можно создать небольшой отряд разведчиков и послать их в самое сердце Кентарии! Не как военных, не как послов, а как людей, совершенно непричастных к дворцовым интригам и военным действиям.

— Разведотряд? — повторил главнокомандующий и погладил подбородок. — Это довольно привлекательная иде...

— Отвратительная идея! — перебил король, покривив рот. — У меня уже есть свои шпионы при дворе, и до сих пор я не получал от них ничего, кроме головной боли.

— Возможно, пришло время поменять людей, — сказала я. — Мы могли бы пройти по городам и селам, вынюхивать, разузнавать информацию о черных всадниках и... генерале фон Мейердорфе.

— Забудьте про генерала, мой юный друг, — поморщился Максимилиан. — Он уже наверняка мертв.

В животе у меня заныло, сердце затрепетало от боли. Я стиснула зубы и выцедила:

— Позвольте возразить, Ваше Величество. Разве так просто убить василиска?

— Обычному солдату нет, — ответил Максимилиан. — Но черные всадники необычные существа, вы сами это признаете, мой юный друг. Поэтому мне жаль, но о Дитере придется забыть.

— Но он же ваш кузен! — закричала я.

Мир перевернулся в моих глазах, колени снова задрожали.

— Я обещаю справиться по нему самую пышную панихиду, — услышала я ровный голос короля.

— Да вы еще не знаете, жив он или...

— Мертв, — закончил за меня король. — Я уверен, что он мертв, мой друг. И я, признаюсь, не желаю следовать за ним. Именно поэтому не могу разбрасываться ни людьми, ни сомнительными идеями.

— А землями можете? — глухо произнесла я, зло глядя на него из-под челки.

— Что, простите? — не расслышал он.

Я тряхнула волосами.

— Ничего.

И опустила глаза в пол. Веки жгло, точно в глаза насыпали песка. Конечно, Дитер не мертв! Король слишком легко отказался от своего лучшего оружия... да что там говорить? Дитер, действительно, был только оружием в руках этого чванливого глупца! Он всегда играл василиском, держа его на коротком поводке. И, когда необходимость отпадала, с легкостью избавился от него!

Я заскрежетала зубами, сдерживая отчаянно льющиеся слезы. И вдруг услышала голос Е Бо-Джинга:

— Сколько вам надо людей?

— Что? — непонимающе моргнула я.

Главнокомандующий смотрел прямо мне в лицо и повторил:

— Сколько нужно людей, лейтенант?

— Не... — мой голос задрожал, потом я сглотнула, облизала губы и собралась с духом:

— Я еще не считал, господин главнокомандующий. Зависит от легенды. Можно прикинуться мастерами или торговцами...

— Торговцами это хорошо, — кивнул Е Бо-Джинг. — Дает право разъезжать по городам и незаметно входить в любые дома.

— И даже во дворец вождя, — воодушевленно ответила я, вымученно улыбаясь и сглатывая слезы.

— Можно торговать овощами...

— Овощи быстро портятся, — возразила я. — Может, тканями?

— Лучшими шелками из Империи Солнца! — поднял палец Е Бо-Джинг. — Я сейчас же распоряджусь, чтобы в ближайшие дни нам доставили достаточное количество шелков.

— Хотите сказать, что вы и правда рассматриваете столь идиотскую идею? — прервал нас король.

Е Бо-Джинг перевел на него тяжелый взгляд и спокойно ответил:

— Да, Ваше Величество. Как говорится в Фессалии? Попытка не пытка.

Максимилиан тоже расправил плечи, чтобы казаться выше, набрал полные легкие воздуха, но тут главнокомандующий обратился ко мне:

— Вы можете быть свободны, лейтенант. Уверяю вас, я смогу убедить нашего... мудрого короля. А вам пока задание: найти добровольцев. Поняли?

— Есть, господин главнокомандующий! — вытянулась я и прижала два пальца к виску. — В таком случае, разрешите выполнять?

— Выполняйте, лейтенант! — улыбнулся Е Бо-Джинг и махнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

Я пулей вылетела из шатра. Сердце колотилось от бега, по спине катился пот. Я думала только о том, что скажет Шэн на мою идею? Но его, как нарочно, нигде не было. Тогда я проскользнула в свою половину шатра и с удовольствием растянулась на топчане.

«Может, получится? — крутились в голове шальные мысли. — Ведь должно мне повезти!»

«Обязательно повезет, хозяйка, — ответил все время молчавший до этого Умник. — А теперь отдохните. У вас был тяжелый день...»

И я, действительно, уснула.

Мне снилась комната без окон. Куда ни взгляни — только каменная кладка, потемневшая от времени. Светильники чадили едва-едва, и я тщетно искала выход, перебирая ладонями по холодным и немного осклизлым камням.

— Мэрион! — слышала я далекий зов. Голос был знакомым, но каким-то искаженным, словно доносился из-под толщи воды.

— Кто здесь? — откликнулась я, дыша через раз и вслушиваясь в тугую тишину.

— Мэрион... — теперь немного ближе.

Я обернулась. Тьма пряталась по углам, дрожала, словно живая. В одном углу она была

гуще и плотнее прочих, и я отступила, прижав ладони к груди и успокаивая колотящееся сердце.

Поэтому едва не закричала, когда темная фигура шагнула на меня из угла.

А потом все-таки вскрикнула, но уже от радости.

Это был Дитер!

Я бросилась было к нему, но остановилась на полпути, все еще не в силах поверить. Это, действительно, он? Не морок? Не кто-то другой?

— Это, правда, ты? — слабо спросила я, едва удерживаясь на подкашивающихся ногах.

— А это — ты? — эхом повторил Дитер, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Очков на нем не было, и на бледном лице застыло озадаченное выражение.

— С утра была собою, — уверила я его, но на всякий случай оглядела себя, потом хотела ущипнуть себя за запястье, но не стала. Мне не хотелось, чтобы сон заканчивался. Хотя место выглядело жутковато, зато я видела Дитера — живого и невредимого, только слегка растерянного и усталого. А в остальном он был в полном порядке.

— Я тоже был собой, — проговорил мой генерал, хмурия брови. — По крайней мере, с утра. А потом... нет, я совершенно ни в чем не уверен.

— И я, — выдохнула в ответ, — не уверена...

Тогда он нахмурился и шагнул ко мне. И прежде, чем я успела что-либо ответить, наклонился и поцеловал в губы.

Я пискнула, но в то же время меня обдало теплом. Этот поцелуй...

Терпкий, сладостный, такой знакомый... Я ответила на него, растворяясь в ласке, закрывая глаза и не думая ни о чем, всем телом и душой отдавая себя во власть этих манящих губ, этих сильных рук, этого — одного на двоих — биения сердца.

Это был он, мой генерал! Пусть во сне, зато таком осязательном и настоящем.

Словно наяву.

— Ну вот, — шепнул мне Дитер, нехотя отрываясь от поцелуя. — Теперь я убедился.

— И я, — улыбнулась в ответ, заглядывая в его лукавые глаза с искрящимися золотыми точками. — Тоже убедилась... я так боялась, что потеряла тебя навсегда.

— А я боялся потерять тебя, — вздохнул мой генерал и посмотрел на меня сияющим взглядом. В нем было столько любви, столько нежности, что мое сердце забилося взволнованно и сладко, и я взяла в руку его шершавую ладонь.

— Дитер, ты помнишь, что произошло? — срываясь, спросила я. — Тебя ведь взяли в плен прямо на моих глазах...

— Взяли в плен? — глаза генерала гневно сверкнули. — Какой бред! Никто и никогда не брал в плен василиска! Это невозможно!

Я приподняла брови. Неужели он ничего не помнит?

— Пожалуйста, вспомни, — мягко попросила я. — Была битва, на тебя напали, и...

Он хмурился, играя желваками, но озадаченность с его лица не пропала. Тогда я заметила несколько черных пятнышек на его белоснежном кителе и коснулась их пальцами.

— А это что такое? Ты помнишь?

Он опустил взгляд вниз и поскреб одно из пятен ногтем.

— Похоже на деготь. Сегодня же прикажу Гансу тщательно вычистить мой мундир!

— Боюсь, ты его не найдешь, — грустно улыбнулась я. — Ты столь же далек от Ганса, сколь и от меня. Ты помнишь битву?

Он все еще хмурился, задумчиво глядя пятно. Потом медленно ответил:

— Припоминаю... Вроде бы, объявили, что неподалеку от лагеря видели черных всадников... мы собрали отряд... поскакали туда... все как в тумане!

— Все правильно, дорогой, — подтвердила я, поглаживая его ладонь. — Только они сами напали на лагерь. И мы сражались так доблестно, как только могли.

— Что значит «сражались»? — вспыхнул генерал, отстраняясь от меня и оглядывая с макушки до ног. — Надеюсь, ты не навредила себе и ребенку?!

— О, нет, нет! — успокоила его я. — Все хорошо, не волнуйся, любимый! Со мной все хорошо. А вот с тобой...

— А что со мной?

— Ты разве не помнишь, как черные всадники забрали тебя в Черное Зеркало?

Дитер хмурился и молчал. Я ждала, заглядывая в его лицо.

— Ничего не помню, — наконец признался он. — Говоришь, меня взяли в плен? С помощью какой-то магии?

— Уверена, что очень сильной магии! Понять бы только, как тебе помочь, как найти тебя... А ведь ты даже не понял, что это сон...

— Разве? — криво усмехнулся Дитер, оглядываясь по сторонам. — А выглядит так достоверно...

— Конечно, сон, — убежденно сказала я. — Ведь ты не знаешь, как очутился здесь, не так ли?

— Меня кто-то позвал... — неуверенно ответил Дитер. — Я был в темном месте... ничего не помню о нем, но потом услышал голос и проснулся. Такой тоненький голосок... кажется, детский.

— Детский?!

— Похож на голос маленькой девочки.

— Тея, — прошептала я и ласково погладила себя по животу. Зародившееся там тепло убедило меня, что нашу встречу, действительно, устроила маленькая Оракул.

— Она связана с нами обоими, любимый, — сказала я. — Она крепнет. И позволяет нам видеться, даже когда мы в разлуке... хотя бы во снах...

— Я бы отдал все, чтобы это не было сном, — вздохнул Дитер и снова обнял меня.

Я потерлась носом о шершавую ткань его кителя и ответила:

— И я, дорогой. Я тоже... Если бы знать, где ты находишься сейчас!

— Если это сон, я обязательно разужу все к следующему разу, родная, — ответил мой генерал. — Только бы ты приснилась мне еще.

13. Торговцы шелком

У нас было два обоза, на которых разместилось пятнадцать рулонов лучшего альтарского шелка, десять рулонов атласа, четыре вида креповой ткани, пять рулонов тафты и пять органзы, и целое множество кружев всех сортов и расцветок. Не то, чтобы мы хотели действительно распродать весь товар, но если альтарцы собираются в дорогу, их трудно остановить.

— Эй, Ганс! — услышала я голос капитана Фа со второго обоза. — Возьми вожжи! Твоя очередь!

Мы приостановились, и я вытащила походную фляжку и сделала пару глотков. Вода оказалась теплой и невкусной, который день жарило солнце, а в Кентарии оказалось не так много родников, из которых можно было бы набрать питьевой воды.

В Кентарию мы отправились вчетвером: во главе нашего скромного отряда стоял Ю Шэн-Ли, который прямо сказал, что меня он ни в какую разведку непустит, или с ним, или через его труп. Я спорить не стала, с Шэном было спокойно и хорошо. Ганса я тоже знала давно и к его кандидатуре претензий не имела. Сложнее оказалось с капитаном Фа...

Он вызвался добровольцем и, конечно, я не могла возразить против него. В конце концов, моей была только идея, а кандидатов утверждал главнокомандующий Е Бо-Джинг. Да и что я могла сказать о капитане? Что он придирился ко мне в начале нашего знакомства? Это по-детски смешно, да и в последние дни никаких придиорок я не замечала. Да, он играл в «пьяную катарангу», был не прочь поучаствовать в драке и смотрел на меня весьма странным взглядом, будто изучая. Но, как говорится, взгляд к делу не пришьешь, а для армии в ближайшее время Фа Дэ-Мин оказался практически бесполезен, хотя ходил уже без трости, но слабость и головокружения еще давали о себе знать.

— Меня могут отправить в Альтар вместе с остальными ранеными, — сказал он накануне сборов, явившись прямо в наш шатер и глядя на Шэна спокойно, но и с некой скрытой надеждой. — А я еще могу быть полезен. Дайте мне шанс!

Тогда я вспомнила все, что он говорил про свою семью в бреду, вспомнила, как он держал меня за руку и как клялся вернуть долг жизнь за жизнь. Долгов, конечно, я с него требовать бы не стала, но обыкновенная женская жалость взяла тогда вверх и я сказала Шэну, что не буду против общества капитана. Если, конечно, он будет держать себя в руках и ночевать отдельно от меня.

На том и порешили.

Кентария представлялась мне холодной каменистой пустыней, чуть ли не тундрой. Но мне пояснили, что тундра лежит гораздо севернее, в землях недружелюбной Тарьи, и что эти страны часть путают из-за созвучного названия, что, конечно, не нравится кентарийцам.

Они попадались на нашем пути довольно редко: хмурые и неприветливые крестьяне, совершенно не говорящие ни по-фессалийски, ни тем более по-альтарски. Для них мы были кем-то вроде циркачей или диковинных зверушек, и на местном наречии худо-бедно изъяснялся только Ю Шэн-Ли, да еще я благодаря своему кулону и помощи духов-хранителей. Но мы особенно не распространялись о цели своего визита, ведь альтарские шелка высоко ценились и в Фессалии, и в Кентарии, и опасность нападения была слишком высока.

Вот только разбойников, если таковые осмелились бы на нас напасть, ожидал неприятный сюрприз. Под свертками атласов и органзы прятались мушкеты с полным комплектом патронов, коробки с шарами-молниями, в этом мире играющими роль бомб или ручных гранат, а на поясе, в складках одежды у каждого из нас было подвешено по кинжалу.

Вот только если бы кто-нибудь отдернул шелка, то вместо оружия увидел бы только пустые шкатулки и доски. А все потому, что сверху оружие закрывал защитный полог, придуманный Забиякой: на время он покинул мой кулон и, свернувшись калачиком, дремал на обозе, заодно охраняя наш секрет.

— Мартин! — услышала я голос Ганса и сразу вынырнула из задумчивости.

Он спускался с холма, указывая рукой куда-то за спину.

— Впереди город! Скоро сможем поспать на чистых простынях.

Ганс улыбался, прекрасно зная, что нужно женщине в положении — вроде меня.

— Отлично! — возликовала я, сразу размечтавшись о горячем душе и сытном обеде. — Еще бы узнать что-нибудь о черных всадниках.

О них мы, действительно, узнали немного. Кентарийские земли всадники не трогали, лишь выныривали то здесь, то там, будто призраки, приносили с собой бури и грозы. От них хирели посевы, а шкальный ветер часто рвал травяные крыши и разрушал мелкие хозяйственные постройки. Однако, вреда людям чудовища не причиняли.

— Надо до столицы добраться, — мрачно сказал Ганс. — Уверен, что всадники дело рук самого ярла.

— Или его мага, — подтвердила я.

«Скорее, ведьмы», — заметил Умник.

Я внутренне соглашалась с ним: уверенность, что в появлении всадников виновата бывшая фессалийская королева, только крепла.

— Может, в городе мы узнаем что-то новое, — с надеждой сказала я и, приложив руку ко лбу козырьком, с холма рассмотрела тающие в мареве далекие крыши и шпили соборов.

— По крайней мере, сможем найти того, кто говорит по-фессалийски, — проворчал Ганс и побрел к обозам. — Не мешало бы подкрепиться перед дорогой. Кто знает, сколько займет дорога?

— Да уж, на вивернах было бы быстрее, — согласилась я и вздохнула.

У обозов уже крутился капитан Фа. Увидев нас с Гансом, он принахмурился, но все же нацепил на лицо дружелюбную улыбку и спросил:

— Проголодались?

Я кивнула, что было недалеко от истины. В последнее время у меня был хороший аппетит, и Шэн шутил, что я могла бы проглотить и быка, вот только предпочтения в еде были специфическими: то я с удовольствием горстями ела кислые, еще не созревшие ягоды, то меня мутило от одного их запаха.

— Чего изволите сегодня, юный господин? — с улыбкой произнес капитан Фа, широким жестом откидывая дерюгу, накрывающую свертки с шелками. — Гусиный паштет? Печеную в яблоках утку? Рагу?

— Будто я не знаю, что из запасов у нас остались только сухари, — ответила ему улыбкой и сунула руку в мешок. Шарила, шарила, и не нашарила ничего.

— Странно, — нахмурилась я.

— Видать, на прошлом привале съели, — развел руками капитан.

Он говорил об этом слишком буднично и легко, будто бы давно знал, что с запасами у нас туго.

— Постой, постой, — нахмурился подошедший Ю Шэн-Ли. — А где половинка сыра, которые мы купили недавно у крестьян?

— И сыр съели, — с готовностью ответил капитан Фа. — Вы, верно, забыли.

— Я ничего не забываю и записываю, — Ю Шэн-Ли достал блокнот и сверился с последними записями. — Полмешка сухарей, головка сыра, связка колбасок... колбаски, действительно, съели. А где же запасная фляга с водой?

— Затерялась куда-то, — пожал плечами Фа Дэ-Мин и ответил лукавые глаза.

— Вы что-то скрываете, капитан? — нахмурился Ганс.

— А вы меня подозреваете? — он гордо вскинул подбородок.

«Чего молчишь, Умник?» — спросила я духа-хранителя, но не получила никакого ответа.

— А ну-ка! — Ганс засучил рукава и с готовностью полез разгребать тюки.

— Осторожнее! — вскинулся капитан. — Вся конспирация насмарку!

— Это какую конспирацию вы имеете в виду? — пропыхтел Ганс, шаря руками по дну обоза. Я заметила какое-то шевеление, потом в ухо хихикнул Умник, и следом послышался победный возглас Ганса: — Ага! Поймал!

Он резко выпрямился, вытаскивая улов, и перед нами появилась взлохмаченная мальчишечья голова.

— Ченг! — в один голос воскликнули мы с Шэном: я удивленно, посол — разгневанно. Конюх насупился и заголосил:

— А что я?! Я ничего! Я же просился, да? Просился вместе с вами! Я что, виноват, равы меня не взяли, да?! Не взяли! Вот сами виноваты!

— Ах, виноваты, — сложил руки на груди Ю Шэн-Ли.

— Вылезай, заяц, — вздохнула я.

Пацан шмыгнул носом и спрыгнул с обоза.

— Так вот, что за саранча уничтожает наши запасы, — заметил Ю Шэн-Ли. — Хорошо прятался. Сам додумался или помог кто?

С этими словами он укоризненно глянул на капитана Фа. Тот сделал вид, что смахивает с одежды невидимые пылинки и выражение его лица было таким невинным... ну просто чересчур невинным!

Я недвусмысленно глянула не него исподлобья и мысленно спросила своих драконов:

«Что молчим? Умник, Забияка? Кто из вас решил поиграть?»

«Он!» — синхронно ответили духи.

— Понятно, — кивнула я.

«Вы только посмотрите на него, хозяйка! — умильно произнес Забияка, и среди тюков сверкнули алые глаза. — Ну вылитый Его Сиятельство в детстве! Такой же непослушный и растрепанный!»

«И заслуживает порки», — заметил Умник.

«Бить ребенка?! — возмутился Забияка. — Садист!»

Я представила Дитера подростком и прыснула со смеху. Ченг неуверенно улыбнулся и снова шмыгнул носом:

— Оставьте меня, а? — попросил он.

— Подумаем, — ответил Ю Шэн-Ли.

— Что ж, теперь мне обратно идти? — Ченг оглянулся и присвистнул, словно прикидывая расстояние до оставленного лагеря.

— А о чем ты думал, когда залезал в обоз? — хмуро осведомился Ганс.

— Я пригожусь! — затараторил мальчишка. — Клянусь духами и Небесным Драконом! Я могу, — он принялся загибать пальцы, — чистить лошадей, носить воду, стирать одежду и белье, готовить, а еще...

— Не много ли дел для такого мальчика? — перебил Шэн, щуря глаза, которые теперь стали похожими на запятые.

— Думаете, не справлюсь?! — возмутился Ченг и вытянулся во весь рост.

Капитан по-прежнему пытался выглядеть ни при делах, тихонько перекладывал с места на места рулоны, рассматривал что-то под днищем обоза, пинал колеса, будто проверяя на прочность.

«Он тоже знал, да?» — строго спросила я у духов.

«Кто? Фа Дэ-Мин? — быстро спросил Забияка. — Да что вы! Как можно? Откуда?!»

— Ох, не ври мне! — пригрозила я, вновь забывшись.

Ченг подпрыгнул, кинулся ко мне и схватился за руку:

— Не вру! Мартин, ты хоть мне поверь! Честное слово, я отработаю! Буду вам полезен!

Я улыбнулась и потрепала мальчика по руке.

— Верю, Ченг. Но...

— Хорошо, — сказал Ю Шэн-Ли.

Мальчишка с надеждой уставился на посла, все еще цепляясь за меня, как за последний шанс.

— Оставим тебя, — продолжил Шэн, — с одним условием...

— Я согласен, согласен! — закричал Ченг, подпрыгивая от нетерпения.

— Я не договорил, — с улыбкой продолжил Ю Шэн-Ли. — С условием, если один из нашего отряда возьмет над тобой шефство.

— Мартин? — мальчишка сразу же перевел взгляд на меня.

— Капитан Фа, — поправил Шэн и указал на Фа Дэ-Мина. — Пусть это будет тот, кто тебе помогал прятаться.

Капитан с возмущением выпрямился, но наткнулся на радостный взгляд Ченга и промолчал, только желваки заиграли на скулах.

Так в отряде торговцев шелками появился подмастерье.

В город мы явились к закату.

Первые же две таверны были отвергнуты Ю Шэн-Ли, как «босяцкие».

— Мы уважаемые торговцы, — сказал он, со значением поднимая указательный палец. — А не какое-то отребье, которое может спать с клопами и крысами.

— Только не клопы и крысы! — пискнула я, со страхом глядя на покосившиеся домишки. В узких улочках, которые мы проезжали, едва ли можно было разъехаться двум экипажам, люди шарахались в стороны, но с интересом провожали взглядами, навесы почти смыкались над нашими головами, архитектура здесь была куда скромнее, чем в Фессалии и тем более в Альтаре, но по-своему красива суровой северной красотой. И куда ни взгляни — шпили, шпили, острые, пронзающие небо, где уже окрашивалось в алые тона закатное солнце.

— А вот этот подойдет, — сказал Ю Шэн-Ли и кивнул на вывеску с нарисованным мохнатым зверем в дурацком колпачке. — «Танцующий медведь».

«А у нас говорят, что медведю на ухо наступили», — хихикнул Умник.

«У нас говорят так же», — призналась и я.

Ганс спешился и позвонил в колокольчик, после чего нам открыл ворота зевающий и заспанный парень и впустил нас во двор.

Эта таверна, действительно, выглядела куда лучше своих предшественниц. Довольно большой двор и чистые конюшни, сама таверна в два этажа, пьяных криков не слышно и по воздуху не разливается нестерпимый сивушный дух, от которого меня бы наверняка замутило. Хватит с меня «пьяной катаранги»!

Спрыгнув с обоза, Ченг помчался помогать конюху с лошадьми, заодно, видимо, считая, что на первое время ему лучше действительно как можно меньше попадаться на глаза суровому послу. Мы же вчетвером зашли в помещение, где за дальними столиками тихо сидели и переговаривались несколько посетителей, пили густое пиво из кружек и закусывали жареными колбасками. Хозяин в засаленном фартуке поклонился нам из-за прилавка, и Шэн, сложив ладони, поклонился в ответ.

— Пусть солнце освещает ваш дом! — сказал он по-кентарийски, но с альтарским

акцентом. — Найдется ли у вас пристанище для пяти заезжих торговцев?

— Найдется, отчего же нет! — ответил хозяин, медленно пережевывая тягучую темную смолу. — Сколько комнат изволите?

— Две, — ответил Шэн. — И разные кровати, пожалуйста. Но сначала хотелось бы отобедать.

— Выбирайте столик, сейчас вас обслужат, — ответил хозяин и скрылся в подсобке, крича что-то неразборчивое.

Мы сели за стол, и я с удовольствием откинулась на спинку стула, вытянув гудящие ноги. Все-таки приятно сидеть в тепле, где ничего не трясет и не дует. По правую руку от меня сел Шэн, по левую Ганс, а капитан расположился напротив и принялся крутить головой, осматриваясь. Он весьма оживился, когда к столу подошла молоденькая девушка в аккуратном переднике и спросила, чего мы пожелаем на ужин.

— Тебя, моя голубка, — улыбаясь, сказал капитан.

И хорошо, что по-альтарски, никто не стал переводить девице эти слова, вместо этого выбрали себе по блюду. Я заказала рис с цыпленком и брусничный сок, и поймала на себе заинтересованный взгляд капитана.

— Надеюсь, порция не будет большой, ты и так поправился в последнее время, Мартин, — с усмешкой заметил он.

Я выпрямилась как ошпаренная и одернула рубаху, скрывая живот.

«Он заметил? — в панике спросила я у Умника. — Как думаешь, заметил?»

«Успокойтесь, хозяйка, у вас еще совсем ничего не видно, — ответил дракон. — Но все же будьте начеку, капитан такой хитрец!»

— Последите лучше за своей фигурой, капитан, — заступился за меня Ганс. — После ранения вы ходячий скелет.

— В Альтаре это называется стройность, — парировал капитан.

— То-то вас едва не сдувало ветром, когда появились черные всадники.

— Черные всадники? — воскликнули из-за соседнего стола.

Мы повернулись и увидели мужчину, который глазел на нас во все глаза и хмурил седые, нависшие над запавшими глазницами брови. Еще удивительнее то, что спросил он пофессалийски.

— Успокойся, Свен, какие всадники, — один из приятелей попытался вернуть его в разговор. — Меньше пива пей.

— Молчи! — он стукнул кружкой о стол. — Эти господа говорят, что тоже видели их! И я не безумец, о, нет!

— Да, мы видели их, — подтвердил Ю Шэн-Ли. — Отряд появился на горизонте и нам пришлось прятаться в овраге, пока кавалькада не понесется мимо. Это было еще в Фессалии, но здесь, насколько я понял, не часто их видят.

— Кто-то не видит, а кто-то встречал, вроде меня, — кивнул незнакомец и отодвинулся от стола, поближе придвигаясь к нам. — Они пронеслись совсем рядом! Еще чуть-чуть, и меня бы здесь не было, да! — он тряхнул косматой головой. — Черные, злые, их глаза горели, как адские угли! А впереди на черном коне летел их предводитель...

— Какой предводитель? — спросила я, и почему-то сердце взволнованно затрепыхалось. Я видела его во сне, не так ли? Во сне, но не наяву. И в Фессалии ничего не говорили о том, что у всадников есть командир. Интересно, почему?

— Он словно вышел из самого ада, уверяю вас, — сказал мужчина. — Черные латы,

черный шлем, из которого горят золотые глаза. И огненный меч! Наподалеку от меня паслась моя бедная Сара, моя старая лошадь, и рыцарь так рубанул по ней, что от старушки остались одни истлевшие кости.

Мужчина всхлипнул и тихо зарыдал, жуя запущенную бороду и утирая воспаленные глаза.

Мне стало жутко. Мы переглянулись и замолчали, слушая только, как в баре наливают по кружкам пиво, и на сковороде шкворчит мясо.

— Вы знаете, откуда всадники приходят? — спросил, наконец, Ганс.

Мужчина высморкался и покачал головой.

— Никто не знает! Возможно, приходят из пещер или непролазных чащ, что на северо-западе. Но я думаю, они появляются из-под земли. Прямо из пекла!

— Кончай заливать, Свен! — один из собутыльников хлопнул его по плечу. — В Сару твою молния попала, вот и все!

— Я знаю, о чем говорю! — взвился он и рывком отодвинул стул.

Ножки со скрипом поехали по доскам, из щели вдруг выпрыгнуло что-то серое, ркое, и метнулось мне под ноги.

Инстинкт сработал мгновенно.

— Мышь! — взвизгнула я.

И, отпрыгнув, сбросила на пол солонку. Та покатила по доскам, сверкая белым пузатым боком, а мышь кинулась в другой конец таверны, а потом и вовсе пропала из виду.

Мои колени ослабли, и я осела в чьи-то заботливо подставленные руки. Кто-то брызнул мне в лицо водой. Я приоткрыла глаза и увидела перед собой озабоченно склонившихся Шэна и Ганса.

— Все хорошо? — спрашивал альтарец, похлопывая меня по щеке. — Мартин?

— Да, — выдохнула я. — Все...

— Эх ты! Черных всадников поборол, а мыши испугался? — слышался над ухом насмешливый голос.

Я дернулась рывком и обернулась, но капитан не отпустил меня, продолжая придерживать за плечи.

— Я... я, — заикаясь, пробормотала вслух, — с детства... боюсь. На мельнице одна... укусила...

— Какая незадача! — качнул головой капитан, его глаза блеснули. — Такой глупый случай, и страху на всю жизнь. Но теперь-то, надеюсь, все в порядке?

— В полном, спасибо, — кивнула я. — Да отпустите же меня!

— Пожалуйста, — вежливо ответил капитан Фа.

Я встала на ноги, одергивая наряд. Прикосновения ладоней жгло, ноги тряслись, и я не знаю, отчего мне было страшнее: от слов про черных всадников, от своего позора или от того, что Фа Дэ-Мин так нежно придерживал меня за плечи...

— Я... мне надо освежиться, — сказала я, решительно шагая к выходу. — Сейчас вернусь.

— Могу проводить, — Фа Дэ-Мин, опередив меня и приоткрыв дверь.

— Не нужно, — я дернула плечом, словно сбрасывая воспоминание о жарких ладонях капитана.

— Ну тогда зови, если снова увидите мышь, — лукаво подмигнул Фа Дэ-Мин. — Если что, я готов защищать тебя от всех мышинных полчищ мира.

— Вот уж спасибо, — скривилась я, но на пороге притормозила, скользнула задумчивым взглядом по капитану. Он ждал, по-прежнему улыбаясь. Что-то было в его взгляде... что-то такое, появившееся тогда, в Мейердорфском саду, когда он держал меня за руку. А может, еще раньше, когда я поила его противоядием.

— Скажите, — запинаясь, спросила я. — Ведь это вы прикрыли Ченга, правильно? Почему вы это сделали? Зная, что наказание могло грозить вам обоим.

Он пожал плечами.

— Пожалуй, по той же причине, по которой мы все вызвались добровольцами в эту кампанию, Мартин, — ответил капитан. — Ты получил две награды, а мы — только погибших товарищей и позорное отступление. Ченг, как и я, хотел сражаться за свою страну. И, как и я, а, может, и как ты, Мартин... ведь не зря ты поехал за братом, правда? Мы все хотим доказать другим, но в первую очередь себе, что тоже чего-то стоим.

Комната нам с Шэном досталась небольшая, но уютная. Капитан Фа и Ганс устроились в соседней, Ченг остался на конюшне.

— Будь осторожней, — сказал Ю Шэн-Ли, как только за нами закрылась дверь. — Иногда один камешек способен обрушить гору. Капитан Фа странно на тебя смотрит, Мэрион.

— Знаю, — удрученно ответила я, и устало опустилась на кровать. — Может, к черту этот маскарад?

— Я бы не спешил, — возразил Ю Шэн-Ли. — В Кентарии к иноземной женщине возникнет излишнее внимание, а мне бы не хотелось отбивать от разбойников не только шелка, но и потенциальную рабыню.

— Брр! — поежилась я и шустро забралась под одеяло. — Что за дикарские здесь нравы!

— Какой правитель, такой и народ, — вздохнул альтарец и прикрутил лампу, погрузив комнату в полумрак. — С легкой руки ярла Элдора здесь всю процветает работоторговля. Женщин с невольничьих рынков поставляют в гаремы Афады и пустынной Канто, их приковывают магическим заклинанием к своим хозяевам, так что рабыни обречены на вечное служение господам и становятся игрушкой в их руках. Не только сами женщины, но и их дети.

— Шэн, ты меня пугаешь! — взволнованно ответила я, поглаживая живот. — Неужели все так плохо?

— Более чем, друг мой, — мрачно сказал Ю Шэн-Ли. — Именно поэтому так важно выиграть войну с Кентарией. Иначе...

Он покачал головой.

«Не бойся, малышка, я никому не дам тебя в обиду», — пообещала я дочери.

«И мы не позволим, госпожа», — поддакнул Забияка. После стычки с черными всадниками он понемногу приходил в себя, и я чувствовала, как кулон наливается силой, привычно одаривая меня теплом.

Сон сморил меня быстро.

Видимо, после всех переживаний и после разговоров о черных всадниках мне снова приснился этот сон.

Ветер гнал по полю темные волны, и тьмой вспухал горизонт. Они летели из черного Зеркала — кавалькада, оставляющая за собой огонь и смерть. И впереди снова был рыцарь в черных латах. Страх опутывал меня тугой паутиной, так что невозможно ни вздохнуть, ни пошевелиться. И я только глядела во все глаза, как рыцарь натягивает удила и конь встает на

дыбы, выдувая из ноздрей белый пар и огненные искры. А под ним — ох, нет! Там была моя девочка! Моя маленькая Тея! Она что-то лепетала, протягивая ручки, и ветер трепал ее темные волосы.

— Назад! — кричала я, а мой голос тонул в реве непогоды. — Доченька, назад! Не...

Тьма заливала поле, и вот я уже не видела ничего. Сделав над собой усилие, я дернулась с места и вдруг влетела в чьи-то сильные и заботливые руки.

— Ну, все, уже все кончилось, — шептал мне знакомый и такой родной голос.

— Тея, — всхлипывала я. — Она...

— Все с ней хорошо, Мэрион, верь мне!

Ладони гладили меня по плечам, губы касались пульсирующего виска и я постепенно затихла, обнимая своего Дитера, любимого мужа и отца моей малышки.

— Это правда ты? — шепнула я, поднимая на него заплаканные глаза.

Как и раньше, мы находились в полутемной комнате без окон, тусклое освещение лилось непонятно откуда, и я сначала подумала, что темнота на скулах и под глазами Дитера это всего лишь игры теней...

— Правда, — устало улыбнулся он.

Я отступила назад и посмотрела на него в замешательстве. Что они сделали с моим Дитером? Лицо в ссадинах, запястья стерты, китель порван в нескольких местах и заляпан чем-то вязким и черным.

— Тебя пытали?! — закричала я, вцепившись пальцами в его мундир. — Кто, Дитер?! Кто, скажи?

Он наморщил лоб и рассеянно улыбнулся.

— Ничего не помню, пичужка, — признался он, поглаживая меня по руке. — В прошлый раз попытался узнать, где нахожусь, но теперь у меня ощущение, что я спал все это время и проснулся лишь теперь.

— Но ведь и это сон!

— Знаю, — со вздохом сказал Дитер и устало потер лицо. — И все равно, ощущение, что именно во сне я просыпаюсь, снова становлюсь собой и вижу... тебя.

— И ты не помнишь, что с тобой происходило все остальное время? — спросила я и погладила его по лицу. — У тебя ссадины.

— Правда? — Дитер схватился за щеку и озадаченно нахмурился, а я закусил губу. Это явно какая-то магия, что-то ужасное делают с моим Дитером, а он ничего не помнит. Даже не знает, кто и почему его бил...

— Любимый, — я нежно поцеловала его в щеку. — Я вижу, тебя держат взаперти. Но обещаю, что найду тебя.

— Будь осторожна, — попросил он, заключая меня в кольцо своих рук. — И береги ребенка. Это самое дорогое, что у нас... у меня осталось...

— О, я не одна! — заверила я его. — Со мной альтарские воины! Никто не даст меня в обиду!

— Ах ты, моя смелая воительница! — тихо засмеялся Дитер. — Мне тревожно за тебя. Если бы только знал, где ты теперь... если бы мог вырваться из своей темницы!

— Я уже в Кентарии, любимый! Остановились на ночлег в городке Бьерн, а скоро тронемся дальше. Мы перевернем страну вверх дном, пока не отыщем тебя и не выясним, как одолеть черных всадников.

— Если это магические существа, то и бороться с ними нужно магией, — поразмыслив,

сказал Дитер.

Я этим я была согласна. А еще думала о том, что в появлении всадников наверняка замешана фессалийская королева... Вот только доказательств не было никаких, и надежда на то, что Дитер сможет быть тайным шпионом во вражеском стане, таяла на глазах.

Я обняла его и прижалась щекой к груди.

— Люблю тебя, — прошептала я. — И всегда буду. Где бы ты ни был. Просто знай это и жди...

«Госпожа! — услышала я вдруг голос одного из драконов. Кажется, это был Умник. — Просыпайтесь, госпожа!»

— Еще немного, — сонно сказала я, тая в объятиях Дитера. — Пожалуйста... веде только во сне мы можем видеться...

«Это срочно!»

Голос стал громче и настойчивее. Кроме того, меня подкинуло от электрического удара в плечо. Я разочарованно вскрикнула, ощущая, как Дитер рассыпается в моих руках на крохотные золотые искры. Не поймать в ладонь, не прижать к груди, и слезы помимо воли покатались из глаз.

Любимый! Нет, не уходи!

Комната погрузилась во мрак, только из-под неплотно задвинутых ставен сочился желтоватый свет уличного фонаря. Я лежала в кровати, сглатывая слезы, и не сразу услышала едва уловимый скрежет. Замерла. Почудилось или нет?

Я плотнее натянула одеяло на подбородок и наострила уши, устремив взгляд на дверь. Кто-то был там, снаружи. Кто-то дышал тихо-тихо, с легкой хрипотцой, и пытался бесшумно повернуть ключ в замке.

— Шэн! — выдохнула я совсем тихо, не надеясь, что алтарь услышит. Страх заворочался в груди, и я до потных ладоней сжала одеяло.

«Умник! Забияка! Там кто-то есть, да?» — спросила я мысленно.

«Да, госпожа, — откликнулся Умник. — Осторожно, не спугните его».

«Нужно разбудить Шэна! Ганса и капитана Фа!»

«Я слетаю за ними, — вызвался Забияка и белесым облачком отделился от кулона. — Не паникуйте, госпожа! Пока все под контролем».

«Но кто там?! Всадники?»

«Это не...» — начал Умник, и ключ в замке повернулся снова.

Я замерла, точно парализованная.

— Сиди, — донесся до меня шепот.

Едва не подскочив, я увидела, что Шэн не спит, а смотрит на меня своими серьезными темными глазами. Прижав палец к губам, он качнул головой, призывая меня оставаться на месте. Я кивнула и закусил губу, стараясь дышать по-прежнему ровно, как дышит спящий. Тогда Ю Шэн-Ли бесшумно выскользнул из постели и свернул подушки так, чтобы создать впечатление, будто на кровати по-прежнему кто-то лежит. А сам встал за дверь, прижавшись к стене спиной.

Щелк!

Теперь ключ повернулся в последний раз и дверь, тихонько скрипнув, отворилась.

Показалось, на пороге стоит кто-то черный. Кто-то, похожий на рыцаря из моего кошмара. И не было рядом Дитера, чтобы защитил, а все наше оружие было внизу, на конюшне, укрытое тюками с шелками. Что делать мне теперь?!

Я подобралась, готовая дать отпор, если понадобится, но сердце все равно колотилось, как сумасшедшее. Я ждала.

Кто-то шагнул в комнату, ступая как можно тише, но все равно шаг оказался достаточно тяжелым, и я почувствовала запас чесночной колбасы и пива. На миг накатило облегчение: всадники так не пахли. Но кто это был тогда?!

Я не успела разглядеть вошедшего. Как только он сделал пару шагов к моей постели, из-за двери выпрыгнул Шэн.

Черной тенью навалившись на незванного гостя, он схватил его за горло. Незнакомец зашатался, захрипел. Его руки взметнулись вверх, пытаясь ослабить хват альтарца, но не тут-то было!

— Кто ты? — зашипел Ю Шэн-Ли. — Зачем пришел?

Незнакомец хрипел. Я взвилась с кровати, одернувшись одеялом, и зажгла лампу. Свет брызнул по комнате, осветил решительное лицо альтарца и налитые, покрасневшие щеки ночного гостя. Он пытался что-то сказать, но из горла доносились лишь невнятные хрипы.

— Говори! — Ю Шэн-Ли слегка ослабил хватку на горле, но вместо этого заломил руку незнакомца за спину, и тот скривился от боли, с его губ потекла слюна.

— Хррр... — выдавил он. — Я... прост...

Его глаза едва не вылезали из орбит, но я все же узнала человека.

— Это хозяин таверны! — воскликнула я.

— Я пришел... спросить... не нужно ли чего, — хрипел человек, все еще пытаясь вывернуться из захвата.

В коридоре затопали сапоги, дверь снова распахнулась, и в комнату ввалились Ганс и капитан Фа. Оба едва одеты, зато с кинжалами в руках, и остановились на пороге, изумленные.

— Как бы не так! — тем временем холодно заметил Ю Шэн-Ли. — Добрый друг постучит в твой дом, если захочет войти. И только враг входит крадучись. Мартин, Ганс! — обратился он, и я вздрогнула, не сразу поняв, что обращается он в том числе и ко мне. — Общайте его!

Все еще завернутая в простыню, я бросилась к хозяину, но так и не смогла переступить через себя, чтобы дотронуться до потного дрожащего тела. Зато Ганс все сделал вместо меня. Выверенными движениями он провел по бокам, груди и спине хозяина таверны, и выудил из-за пазухи листок.

— Это что? — спросил он, и помахал перед носом хозяина.

Тот тяжело дышал, глядя на нас то с ненавистью, то с жалостью. Ганс развернул листок и нахмурился: он оказался исписан кентарийскими рунами.

— Дай сюда! — Ю Шэн-Ли швырнул хозяина таверны на пол, и тот плюхнулся на пузо и заворочался, как жук. К нему тотчас подскочил капитан Фа и наступил на руку, отчего человек зашипел, как рассерженная гадюка.

Брови Шэна тоже сошлись на переносице. Я вытянула шею, но ничего не разобрала.

«Я помогу, госпожа, — вмешался Умник. — Там написано, что разыскивается молодая иноземка, уроженка Фессалии, рыжие волосы, зеленые глаза, рост примерно...»

— Переверните, господин Ю! — вдруг сказал капитан Фа.

Альтарец вздрогнул и машинально крутанул листок. А я замерла: на другой стороне карандашом был изображен... мой собственный портрет!

— Де-ла! — присвистнул капитан Фа. — Как на нашего Мартина похожа...

— Я не виноват, добрые господа! — почти рыдал хозяин таверны. — Но только что ночная стража принесла этот листок и объявила хорошую награду... а у меня пятеро детей! Больная жена! И неоплаченные долги...

— И ты пришел, потому что мы тоже иноземцы? — холодно спросил Ю Шэн-Ли.

— Да, да! — закивал хозяин таверны, по-прежнему извиваясь под тяжелым сапогом капитана. — Я подумал... один из вас... этот молодой господин... он похож на эту девушку. Возможно...

— Но ты же видел, что Мартин — мужчина, — перебил его Шэн.

Хозяин быстро закивал, шмыгая носом и сглатывая слюну.

— Да, да... моя ошибка! Я не хотел...

Ю Шэн-Ли медленно свернул листок и убрал его за пазуху.

— Я заберу это с собой, — твердо сказал он. — И сегодня же мы уедем из этой таверны. А если ты хоть словом обмолвишься кому-то, знай, нас защищает алтарская магия. Она настигнет любого, кто попытается посягнуть на наши шелка или наши жизни.

— Я понял, господин, — быстро согласился хозяин таверны. — Никому не скажу... к тому же, такая глупая ошибка... простите, господа!

— Что скажешь, Мартин? — Ю Шэн-Ли приподнял бровь и посмотрел на меня.

Я сглотнула, тряхнула головой.

— Пусть убирается вон, — выцедила я. — А мы отправляемся в дорогу. Немедля!

14. Наваждение

На выезде из города Ганс сорвал с ворот точно такой же листок, какой я видела в руках хозяина таверны. Те же каракули рун, обещающие вознаграждение за поимку чужеземки, тот же портрет. Кому могла понадобиться я? И для чего? Как узнали, что я в Кентарии? Все-таки Ю Шэн-Ли был прав, когда говорил, что мне следует до последнего соблюдать маскарад. И скоро ли мы увидимся с Дитером не во сне, а наяву? Жив ли он?

Я рассказала о том, что видела, Шэну. Мудрый алтарец спокойно выслушал, помял подбородок, раздумывая, потом сказал:

— Сон — есть отражение нашей жизни, наших мыслей и желаний. Но точно так и реальность отражает сон. Древние верили, что весь мир — это сон некоего верховного божества. Когда он проснется — тогда и мир исчезнет.

— Вот и я проснулась, и Дитер исчез. Вдруг я больше никогда его не увижу? — ответила я, уныло глядя на дорогу, серпантинном проходящую через холмы. Они становились все выше, бугрились каменными позвонками, в чашах низин зеркально посверкивали озера. Какое-то время мы опасались погони, но ее не было. Забияка бросил охранять обоз с оружием и подался вперед, выглядывая возможную опасность. Умник парил сзади на случай, если нападут со спины. Ганс и капитан Фа на всякий случай прятали под одеждой по мушкету, я тоже прикрепила к поясу оружие, но чувствовала себя неважно не то из-за недостатка сна, не то из-за волнения, не то из-за беременности. Моя девочка все больше крепла, и хотя не доставляла много хлопот, но мне все равно становилось не по себе, когда я вспоминала собственные сны и пророчество Оракула.

— Не думай о дурном, — тем временем ответил мне Ю Шэн-Ли. — Мысли материальны. Но лучше подумай, кто мог знать, что ты в Кентарии?

А действительно, кто?

— Главнокомандующий Е Бо-Джинг, — поразмыслив, сказала я. — Но он знает меня

как Мартина фон Мейердорфа, а не как герцогиню Мэрион.

— А Его Величество? — сощурился Шэн. — Он узнал тебя?

— Кузен Макс? — я фыркнула, но призадумалась. Действительно, узнал ли? Вряд ли короля обманула короткая прическа и военный мундир. Он слишком долго смотрел мне в глаза и слишком хитро улыбался. Поэтому я кивнула и сказала уверенно: — Думаю, он узнал меня. Но почему-то не рассекретил. Как думаешь, почему?

— Кто бы знал, что у голове у правителей! — воздел руки Ю Шэн-Ли. — Возможно, Его Величество ведет свою игру, или захотел избавиться не только от генерала, но и от его жены.

— Или играет одну и ту же партию с Анной Луизой? — хмуро предположила я.

— А вот это вряд ли, — покачал головой Шэн. — После того, как он заточил жену в башне и лишил ее престола, вряд ли между ними возможно примирение. Ее бывшее Величество будет мстить.

— Значит, ты тоже думаешь, что она выбралась на свободу и теперь находится у правителя Кентарии?

— Я уверен в этом, — твердо сказал Ю Шэн-Ли.

— В таком случае, черные всадники ее рук дело.

— И не только они.

— Дитер?

Ю Шэн-Ли промолчал, но мне и не требовался ответ. Я вспомнила, как Анна Луиза обхаживала Дитера, как он изуродовал ее своим смертоносным взглядом. Конечно, она будет мстить.

— Дитер сказал, что ничего не помнит, что происходит с ним в реальности, — сказала я. — Уверена, его пытаются или опаивают каким-то магическим зельем. На такое способен лишь человек, который всей душой ненавидит его.

— Если в этом действительно замешана королева, то она будет делать все, чтобы сломить волю Дитера.

— И найти меня, — мрачно кивнула я.

— Поэтому и спрашиваю, кто может знать, что ты в Кентарии? Кроме Е Бо-Джинга и Его Величества?

— Больше никто, — качнула я головой. — Только вы и... Дитер.

Я резко выдохнула, вцепившись пальцами в собственный мундир. Конечно! Как я могла быть такой глупой?!

— Дитер в плену, Шэн, — прошептала я. — За ним следят. Что, если и подсматривают в сны?! Он ничего не помнит, что происходит с ним в реальности!

— Есть мудрая альтарская поговорка, госпожа, — сказал Шэн. — Не все говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь. Какой бы сильной ни была твоя любовь, будь осторожна. У нас теперь повсюду глаза и уши.

Я согласно кивнула, спрятав лицо на груди и стараясь, чтобы Ю Шэн-Ли не заметил моих слез. Так больно и глупо! Так несправедливо, лишит нас даже во сне быть вместе!

— Не волнуйся, — мягко сказал Ю Шэн-Ли и погладил меня по плечу. — Пока никто не идет по нашему следу. А если появится опасность, духи предупредят нас, не так ли?

Закатный вечер постепенно перетекал в сумерки. Мы спустились в долину между холмами и устроили привал на берегу небольшого, но живописного озера. Его вода была теплой, как парное молоко. Говорят, местные жители так и называли его — Теплое озеро. Улучив момент, когда Ганс, капитан Фа и Ченг занимались приготовлением ужина и

разбивкой лагеря, я искупалась под присмотром Забияки и Умника. Низина постепенно наполнялась туманом, и огонек костра едва пробивался сквозь белесую дымку. Но есть мне пока не хотелось, поэтому я устроилась на берегу и покусывала сорванную веточку, задумчиво глядя, как из-за холмов выкатывается лунный серп и одна за другой зажигаются звезды.

Он подошел бесшумно, как и все альтарцы. Опустился рядом, скрестив ноги, и протянул бутерброд:

— Возьми.

Я глянула на Фа Дэ-Мина и слегка качнула головой:

— Спасибо, капитан Фа. Мне совсем не хочется есть.

— Поэтому ты такой худой и бледный, — все с той же легкой полуулыбкой ответил капитан. — В походе нельзя отказываться от пищи, боец. Или кушаешь ты, или... кушают тебя. Совсем как в «пьяной катаранге».

Я ответно улыбнулась и послушно взяла бутерброд:

— Спасибо.

— Другое дело! — подбодрил меня капитан и какое-то время молча наблюдал, как я медленно откусываю кусок за кусочком, потом сказал:

— Ты так грустен в последнее время, Мар-Тин. Это из-за брата?

— Да, — не стала спорить я. — Мне тревожно за Дитера.

— Мы обязательно его найдем, — мягко ответил Фа Дэ-Мин и положил мне ладонь на плечо. — К тому же он василиск, мало кто сможет противостоять его смертоносному взгляду.

«Черные всадники могли», — подумалось мне, а вслух сказала:

— Его могут удерживать с помощью магии. Но, не зная ее природу, я не могу придумать, как противостоять этому.

— Понимаю, — в голосе капитана послышалось сочувствие. — На моей родине почитают волшебство и бережно обращаются с сакральным знанием. Фактически, им могут пользоваться только мудрецы со священного плато Ленг, да еще Оракул.

Я вздрогнула, и показалось, что дочка толкнула меня изнутри. Неосознанно прижав к животу ладонь, я опустила лицо и едва сдержала накатывающие слезы.

— Понимаю, иногда кажется, будто опускаются руки, — продолжал мягко говорить капитан, медленно поглаживая меня по плечу. — Кажется, что рушится весь мир. Знаю, что говорю. Я сам был на краю гибели, но ведь и со мной произошло чудо. Помнишь, Мар-Тин, как ты привез меня к замок своего брата? Тогда мне снился сон. Я умирал, но к моей постели пришла прекрасная девушка. Она ухаживала за мной и обрабатывала мои раны. У нее были рыжие, как солнце, волосы, и зеленые, как трава, глаза. И она так походила на тебя, Мартин.

Я снова вздрогнула и будто вернулась в реальность, вдруг осознав, что ладонь капитана по-прежнему гладит меня по руке, а сам он приблизился, и теперь его лицо — молодое и серьезное, со сдвинутыми бровями, — оказалось прямо передо мной.

— Там, на озере, — капитан качнул подбородком, — растут кувшинки. Должно быть, ты видел их, когда купался этим вечером.

— Не помню, — пролепетала я в замешательстве. — Уже темнеет, и...

— И они сложили лепестки и спрятались до следующего утра, — закончил за меня капитан Фа. — Глядя на них, кто бы подумал, что среди этой неприглядной ряски прячется

чудесный цветок? Так и ты...

— Я?

Наши взгляды встретились. Мой — озадаченный, его — лихорадочно блестящий.

— С тех пор, как мы встретились, — срываясь, проговорил капитан, — как я увидел тебя... все будто в тумане! — он глубоко вздохнул, зажмурился и помотал головой. — Это похоже на наваждение. Я не могу ни о чем больше думать, Мартин! Когда вижу тебя — вижу перед собой не только молодого бойца, который умело играет в «пьяную катарангу» и спас меня от тварей из Туманного лога. Я вижу... кого-то еще, — его брови приподнялись, между бровями пролегла страдальческая складка. — Словно передо мною бутон, спрятанный в ряске. Но я знаю, что этот бутон на самом деле прекраснейший цветок...

— Капитан Фа, — подала я голос и попыталась отстраниться. — Я, пожалуй...

— Не уходи! — он вцепился в мою руку и подался навстречу. — Умоляю тебя, Мартин! Мне не будет покоя, пока не узнаю! — он вздохнул полной грудью, будто собираясь с силами, и выпалил на выдохе: — Кто на самом деле скрывается под видом альтарского лейтенанта?!

Эти слова подействовали как холодный душ. Испуг сменился замешательством, замешательство — жалостью. Я видела в глазах капитана мятущийся огонь, он пожирал альтарца изнутри, мучил его, не давал покоя. Я не могла сказать ему правду, но и промолчать не могла, поэтому глубоко вздохнула и ответила мягко:

— Обычный человек, капитан Фа. Из плоти и крови, такой же, как вы.

— Человек, — эхом повторил Фа Дэ-Мин. — Но что за человек? Почему мне кажется знакомым твое лицо? Почему та девушка, которую разыскивает кентарийская стража, так похожа на тебя? — он крепче сжал мое плечо, лицо его исказила страдальческая гримаса. — Я хочу знать... — выдохнул он. — Хочу знать, кого... люблю!

Воздух уплотнился и забил мне легкие. Я приоткрыла рот, хватая губами туманную взвесь, перед глазами все поплыло.

«Люблю, люблю...»

Эхо покатило над холмами. Я слышала эти слова от моего Дитера, тогда мы были счастливы, и звезды над головой сияли, как россыпь бриллиантов, и луна качалась поплавром, а его поцелуи были сладкими и пьянящими. Теперь же звезды кололи, как крохотные иголки, и их свет был холодным и насмешливым. Луна подмигивала белым глазом, точно спрашивая: и что ты ответишь? Что сделаешь теперь?

Я отстранилась и провела ладонью по лбу. Кожа оказалась влажная — не то от тумана, не то от пота.

— Вы... что?

— Люблю, — хрипло повторил капитан Фа. Он весь дрожал, сжимал и сжимал кулаки, волосы на висках намокли от пота и липли к коже. — И мучаюсь, не зная, кого полюбил: юношу или прекраснейшую из женщин? Все эти невыносимо душные дни и долгие ночи я думаю о тебе и стораю в лихорадке. Скажи мне, прошу! Умоляю! Сжался! — его голос начал срываться, губы пересохли, глаза пылали отчаянием. — Ведь если... если ты окажешься девушкой... я буду самым счастливым мужчиной на свете! Но если окажется, что ты... что я... что я полюбил бойца... мне останется одно!

Он вскочил и выхватил из ножен кинжал. Лезвие блеснуло в сумерках, я вскрикнула и тоже подскочила на ноги.

— Капитан Фа!

— Я не переживу позора! — проговорил он и приставил острие к собственному горлу. — Мой отец не переживет этого! Моя мать... о, никто не узнает, как запятнал себя несчастный Фа Дэ-Мин! Пусть лучше он умрет бесславно и быстро, чем признается, что полюбил мужчину!

Он стиснул зубы и зажмурился.

— Не нужно! — я бросилась вперед.

Острие прокололо кожу. По шее покатались капли крови, и капитан покачнулся и отступил.

— Капитан Фа, не смейте! — я навалилась на него, выбила из рук кинжал. Фа Дэ-Мин не сопротивлялся. Кинжал упал на землю и звякнул, ударившись о камень. Капитан застонал — мучительно и долго, точно истекая кровью. А, может, так оно и было, я не успела разглядеть.

Где-то далеко-далеко грянул гром.

Звук прокатился над холмами, я почувствовала, как под ногами зашевелилась земля и гладкая поверхность озера пошла мелкой рябью.

— Люблю, — все еще повторял капитан, не замечая ничего вокруг. — Я люблю тебя...

Звук повторился. На этот раз куда громче, и тучи у горизонта за клубились черной мглой. Она дрогнула и потекла, подминая под себя холмы. Тогда я услышала, как кричит Ганс:

— Мартин! Капитан Фа! Скорее, уходим! Всадники!

Я дернула капитана за рукав:

— Слышите?! Уходим сейчас же!

Он все еще дрожал, на шее алел небольшой кривой надрез, но рана не была глубокой, кровь постепенно запекалась темной корочкой. Фа Дэ-Мин перехватил мое запястье и сжал:

— Сначала скажи мне!

— Некогда! — взмолилась я. — Вы же видите? Там!

Я ткнула пальцем в горизонт. Черная лавина текла слишком быстро, поглощая все, что только могли различить наши глаза. Они летели, точно грозу на черных крыльях. Копыта выбивали из земли каменную крошку, глаза коней горели, как миллионы злых огоньков.

— Уходим, прошу! — повторила я и краем глаза заметила, как к нам со всех ног несется Ченг. Он размахивал руками и что-то кричал, но его голос тонул в разыгравшейся непогоде. Ветер уже разгулялся вовсю, и рвал волосы и одежду.

— Не успеем, — одними губами произнесла я, и тотчас почувствовала, как кулон кольнул меня магией.

«Попробуем задержать их, госпожа, — тут же отозвался в голове голос Забияки. — Бегите!»

«Спасибо, Забияка! — мысленно ответила я. — Но тебе и так досталось в прошлый раз».

«Мы справимся, госпожа! — возразил Умник. — На то мы и духи-хранители».

Я различила, как от моего тела точно отделилось два силуэта. Мерцающая и переливаясь белым и голубым огнем, они поплыли над землей навстречу неприятелю. Капитан Фа широко раскрыл глаза и разжал пальцы.

— Небесный Дракон! — выдохнул он. — Это же...

— Магия, — кивнула я и снова дернула его за руку. — Идем!

Подбежал Ченг и сунул нам в руки по мушкету.

— Господин Ю велел сейчас же сниматься с лагеря! — затараторил он. — Здесь

неподалеку есть поселение, если успеем добраться до него, то спрячемся там! Нам помогут!

Мы бросились за ним по направлению к лагерю.

— Ты уверен? — на бегу спросила я. — Помнишь, что случилось в городе?

— Помню, — отдуваясь, ответил мальчишка. — Господин Ю готов хорошо им заплатить, поэтому...

Он запнулся о камешек и едва не полетел вперед носом. Капитан Фа поймал его за шиворот и, оглянувшись, произнес с досадой:

— Не успеем! Слишком быстро...

Я оглянулась тоже и тоже едва не споткнулась: они, действительно, были уже на берегу озера. Черные фигуры всадников сливались с силуэтами скакунов, они неслись прямо над озером, почти не касаясь воды копытами, точно воздух под ними был плотным, как камень, и весь дрожал и потрескивал от извилистых молний. А впереди...

У меня перехватило дыхание и пересохло во рту. Потому что впереди кавалькады летел черный рыцарь, облаченный в доспехи, темнее самой тьмы.

Все, как в том сне!

Внезапно скрутило судорогой живот. Я охнула и остановилась, сложившись пополам и поддерживая живот ладонью.

«Нет, нет, нет! Пожалуйста, моя доченька...»

Глаза защипало от слез, и в дрожащем мареве видела лишь, как перед черным рыцарем возникли и начали раздуваться и расти мерцающие силуэты драконов. Сейчас же я почувствовала, как кто-то подхватил меня под руки — слева и справа. Кажется, это был капитан Фа и подбежавший Ганс. Мне помогли забраться на повозку, укрыли одеялом, и я повалилась, поскуливая и дрожа от скрутившей меня судороги.

«Пожалуйста, Господи! Моя Тея!»

Мир поплыл перед глазами, и я отключилась.

— Ма-ри-я... Ма-рия?...

Голос звал настойчиво из темной пустоты. Тихий голос, детский, проговаривающий мое настоящее имя отчетливо, даже по слогам. Я приоткрыла глаза и встретилась с серьезным взглядом девочки.

Моей девочки.

— Тея... — вытолкнула я. Во рту было сухо, в животе пульсировала тупая боль.

— Не время, — шевельнулись ее губы. — Ты слышишь? Сейчас не время! Вставай!

— Я... так боюсь потерять... тебя...

— Все хорошо, — ответила она и дотронулась ладошкой до моей горячей щеки. — Не время для потерь.

— Но ты...

— Я пришла сказать: он рядом.

— Кто? — простонала я.

— Папа.

Я всхлипнула и обхватила живот ладонями.

— Будь сильной, воин! — продолжила Тея. — Только вместе мы победим! Но ты должна помочь папе.

— Помочь? Но в чем?

— Вспомнить.

Я застонала и попробовала подняться. Лицо Теи пошло рябью и принялось

расплываться. Зеленые глаза вспыхнули и погасли, как догоревшие угольки. Я прижала ладони к животу и прислушалась к ощущениям: боль не была режущей, скорее, застарелой, как бывает, когда удалят зуб. Я только надеялась, что с доченькой все хорошо, хорошо, хорошо и это не...

— Он очнулся, очнулся! — услышала я высокий мальчишеский голос.

— Ченг? — я облизала губы и приподнялась на локтях. Мир все еще расплывался перед глазами, но боль уходила. Я пощупала ткань — не мокрая, нет и следа кровотечения. Значит, не выкидыш.

«Не время», — так сказала Тея.

— Хвала Небесному Дракону, я подумал, что тебе крышка! — зачастил Ченг, обхватив ладонями лицо и закатывая глаза.

— Что... случилось? Где мы?

— Удираем от черных всадников, что же еще! — ответил мальчишка, и только теперь я почувствовала, как меня подбрасывает на мягких тюках, а мимо проплывают темные силуэты холмов. — Мы с капитаном затащили тебя на повозку, а потом вперед кавалькады выскочил этот монстр... Черный Рыцарь! Я никогда не видел его раньше! Ух, какой же урод! Он глянул своими огненными глазами, и ты вскрикнул и потерял сознание!

— Мне... что-то нехорошо стало, — пробормотала я и поднялась окончательно.

Холмы убегали назад, луна прыгала в тучах, как поплавок, холодный ветер омывал лицо и постепенно возвращал к реальности.

— Где господин Ю? Ганс?

— Они задержат всадников, — отозвался капитан Фа, сидящий ко мне спиной и подхлестывающий лошадей. — Нам нужно как можно скорее добраться до ближайшего поселения.

Я села, под ладонь подвернулось что-то холодное и твердое. Мушкет! Я закусил губу, борясь с непрошенными слезами.

— А если... если они погибнут?

— Не говори так! — закричал Ченг. — Господин Ю и господин Ганс справятся с кучей всадников! К тому же, им помогает магия! Я сам видел!

Магия? Ну конечно, духи-драконы. Они окрепли достаточно, чтобы и посторонние люди теперь видели их. На что они способны еще? Мне оставалось только гадать, и я надеялась, что их силы хватит, чтобы противостоять натиску чудовищ.

— За нами погоня? — спросила я.

— Возможно, — не оглядываясь, ответил капитан Фа. — Но мы почти у цели.

Я заметила, как между холмами в тумане помаргивают теплые огоньки окон. Может, и Шэн с Гансом уже нагоняют нас? Обернувшись, я не увидела ничего, только плотную ночную мглу, поглотившую горизонт. Хоть бы они справились! Господи, пусть у них получится! Пусть получится у нас всех, ведь цель так близка!

Живот снова прострелило болью. Я ахнула и стиснула зубы, перед глазами поплыли разноцветные пятна. И вместе с пятнами из темноты наперерез нам выскочил черный всадник.

— Тпру! — закричал Фа Дэ-Мин и натянул поводья. Чег ловко выхватил мушкет и, прицелившись, выстрелил. Воздух наполнился порохом и дымом, я зажмурилась, но в последний момент увидела, что пуля прошла насквозь, не причинив монстру никакого вреда!

Ченг выругался по-альтарски. Так, что если бы рядом была моя Жюли, она бы закрыла

уши и покраснела. Как она там? В порядке ли Гретхен? Вся прошлая жизнь казалась красивым и таким далеким сном. Там был любящий Дитер, было солнце, каждое утро восходившее над горами, были цветущие сады и свежесть цветов...

Где это все? Над миром спустилась тьма, и, открыв жадный зев, извергнула неубиваемых чудовищ.

— Еще! — сквозь сжатые зубы процедила я. — Стреляй еще, Ченг!

Он выстрелил.

Всадник лопнул с тихим хлопком, обдав нашу повозку хлопьями сажки. Я видела, как капитан Фа, держа поводья одной рукой, другой, зажимая мушкет, пытается зарядить его, и тоже сквозь зубы шипит ругательства. А мне нехорошо, все тело сотрясает дрожь, по спине катится пот и крутит живот, не сильно, но довольно неприятно. Может, это волнуется Тея? Может, чувствует что-то? Чье-то приближение?

— Тварь, получай! — зарычал капитан Фа.

Еще один всадник, соткавшийся из тьмы, лопнул и рассыпался в прах. Наши лошади заржали и неслись уже, не разбирая дороги. Колеса прыгали на ухабах, подбрасывая тюки. Я держалась одной рукой, другой поддерживала живот.

Должны успеть! Должны! Где там мои драконы? Где Ю Шэн-Ли с Гансом?

Быстрее! Еще быстрее!

Всадник выскочил наперерез.

Наши лошади вскинула вспененные морды, сбились с шага. Повозка накренилась и прочертила длинную борозду в земле. Тюки покатались по камням, оставляя за собой размотанные шелковые дорожки. Ченг кубарем вывалился на землю, продолжая что-то кричать.

Еще один монстр выскочил слева. Второй — справа.

Капитан Фа бросил поводья и кинулся ко мне. Он успел в последний момент: сграбастав меня в объятия, он сгруппировался, и мы оба полетели на землю, я упала прямо на него, прижала к пожухлой траве. Послышался треск ломаемых оглоблей, разлетелись колеса и борта. Приоткрыв глаза, я видела, как лошади все еще бегут, таща за собой поводья и деревянные щепы.

— Теперь... — прохрипел капитан Фа. — После такой... близости... мы просто обязаны... пожениться.

Я вспыхнула и осторожно сползла с него. Меня трясло, слабость разливалась по телу. Зато капитан бодро вскочил на ноги и вскинул мушкет.

— Уходи! — крикнул он мне. — Беги, Мар-Тин! Пока я жив, ни одна черная сволочь не посмеет приблизиться к тебе!

Выстрел. Снова и снова!

Слишком поздно...

Чернота накатывала океанскими волнами. Может, они уже смяли сопротивление Ганса и Шэна, может, смогли победить и драконов. Хотелось плакать от отчаяния и боли. Но вместе с отчаянием в груди кипела ненависть. Нет времени сдаваться! Я вспомнила, что мне сказала Тея.

«Не время для потерь!»

Черное море расступилось, пропустив вперед предводителя.

Он будто летел по воздуху, но земля трескалась и осыпалась под копытами его скакуна. Над черным шлемом вращался облачный водоворот — Черное Зеркало в обрамлении

тусклых звезд.

— Подойди ближе, — процедил капитан Фа, перезаряжая мушкет. — И я накормлю тебя пулями.

— Я... с тобой, — вытолкнула в ответ и прицелилась. — Это — за Шэна и Ганса.

Выстрел!

Пуля ушла в молоко. Рука дрожала, и я промахнулась. Досада! Какая же досада!

— За погибших товарищей, — поддержал меня капитан Фа и тоже выстрелил. Два всадника, мчавшиеся по бокам черного рыцаря, лопнули, как наполненные чернилами воздушные шарики.

— За Ченга.

Еще одну тень разорвало в клочья.

— И за нас с Мартиным, — пуля разбилась о широкую грудь черного скакуна. Встав на дыбы, он забил передними копытами, выдувая ноздрями серный смрад. Черный рыцарь привстал на стременах и вскинул руку, в ней сверкнул огненный меч. Я почувствовала, как прогревается вокруг меня воздух, трескается, идет сухими волнами.

У меня осталась последняя пуля. Не нужно торопиться.

Конь ударил копытами в землю. Она завибрировала, пошла трещинами. Тяжело дыша, я следила, как рыцарь наклоняется надо мной. Его шлем с черным плюмажем был непроницаем и глух, только в прорези для глаз горели золотые огни, как два маленьких солнца. От них кружилась голова, и мир вокруг сжимался тисками.

Душно! Так страшно и душно...

Я едва нащупала рукой мушкет, взвела курок и подняла дуло.

— А это, — прошептала я, — за моего...

Черный рыцарь медленно снял шлем.

Меня точно окунуло в расплавленную лаву. Этого не могло быть! Это какое-то наваждение! Дурной сон! Нереальность!

— Дитер! — закричала я и упала в этот знакомый взгляд, в эти пылающие солнца, в этот жидкий огонь, от которого не было спасения. И, упав, вспыхнула в нем, как головешка.

— Приказано... взять живым, — мертвым голосом произнес Дитер и заслонил собою все небо.

Звезды в последний раз вспыхнули и погасли. Черное Зеркало поглотило нас целиком.

15. В плену

Четыре шага туда, четыре обратно. Под потолком — крохотное зарешеченное окно. Сколько ни пытайся — не допрыгнешь. Сколько ни кричи — никто не придет. И за решеткой глухая темнота.

Как я здесь оказалась, помнила с трудом. Кажется, меня затянуло в портал, а потом я потеряла сознание. Очнулась уже на топчане, плохо застеленном дерюгой. Прямо на полу стояла тарелка с ломтями уже подсыхающего хлеба и стакан воды.

— Кто-нибудь! Эй! — пыталась позвать я, но голос тонул в тишине.

Никого, даже стражников нету. Почему их нет, если я в тюрьме?

— Умник? Забияка? — попробовала я снова.

В голове тишина, кулон едва теплый и какой-то мертвый. Я накрыла его ладонью и попыталась отогнать страшные мысли. Что произошло во время сражения? Почему никто не откликается? Неужели...

Я подошла к решетке и сжала прутья. Тотчас ладони пронзила острая боль.

— Ай! — я отдернула руки и отскочила. В полумраке прутья едва-едва светились,

Страх сжал меня тисками. Я погладила живот и прошептала:

— Не время для потерь, не так ли, доченька?

На глаза наворачивались слезы.

Не знаю, сколько я пробыла в полном одиночестве и тишине. Временные рамки сгладились, света из окошка поступало ничтожно мало, и я не понимала, что снаружи: день или ночь. Я ходила по клетке, как раненая пантера. Стены давили, неопределенность моей судьбы было худшей из пыток.

Проголодавшись, я съела черствый хлеб, давясь и запивая его водой. Легла на топчан, глядя в низкий потолок. Задремала, словно провалилась в обморок, и не видела снов.

Поэтому не сразу услышала, когда меня позвали.

Не по имени, просто грубо крикнули:

— Эй! Подъем!

И загремели ключами.

Я поднялась с трудом, протерла усталое лицо. Сон не придал мне сил, эта клетка, наоборот, высасывала их. И я глядела на охранника мутным взглядом, но не понимала, чего от меня хочет этот человек, одетый не по-фессалийски и не по-альтарски, в странный темный мундир с меховой оторочкой.

— Лицом к стене! Руки за голову! — скомандовал человек, и я поняла, что говорит он по-фессалийски.

— Где я? — вместо того, чтобы выполнить приказ, спросила я.

Вопрос, конечно, проигнорировали.

— Лицом к стене, я сказал! — повторил охранник, недвусмысленно хватаясь за пояс, где крепилось оружие.

Возмущение захлестнуло меня. Раскомандовался, гад! Нашел себе узника замка Иф! Не сцепила зубы и медленно выполнила требования. Охранник прогрохотал по каменному полу тяжелыми подошвами и грубо пихнул меня в спину. Черт, это не особенно больно, но довольно унижительно! Как можно так обращаться с беременной женщиной? В кончиках пальцев защипало, и я насторожилась: может, это просыпалась моя магия, с помощью которой я однажды смогла отбить нападение черных всадников? Но зуд прошел так же быстро, как появился, и к моему разочарованию руки мне заломили за спину и защелкнули на запястьях браслеты.

— Следуй за мной, — сказал охранник и развернул меня за плечо.

— Вы так и не ответили мне, куда я попал? — снова попыталась я, и снова не получила ответа, только очередной тычок в спину.

«Духи, где вы?» — тоскливо подумала я.

Где Шэн? Ганс? Ченг? Даже капитан Фа?

Вспомнилось, как они доблестно отбивали нападение, и под ложечкой засосало. Может, их тоже взяли в плен? Или...

Я тряхнула головой. Нельзя думать о гибели! Все будет хорошо! Тея сказала, что все будет хорошо, а ей можно верить. Она Оракул!

Потянулись темные извилистые коридоры. Эхо от голосов отдавалось от стен, с потолка то и дело капала вода, и я встряхивала отросшей челкой и ежилась, когда вода попадала за ворот, от стен едва исходил тусклый желтоватый свет, по левую руку тянулись наглухо

закрытые решетки темниц, но сквозь них ничего не было видно, и я не понимала, пустуют ли они или кто-то из моих друзей, как и я, просыпается сейчас на топчане и не может понять, где оказался? От моего молчаливого спутника добиться чего-либо оказалось делом крайне затруднительным, а я не хотела новых тычков, и поэтому тоже молчала.

Коридор постепенно пошел вверх, и вскоре начались ступени.

Здесь было немного светлее и суше, хотя с каждым шагом идти становилось все труднее, и я невольно замедлялась, отчего мой конвоир недовольно хмурился и все чаще толкал меня в плечо. Но вскоре ступени окончились двустворчатой дубовой дверью. Мой охранник ударил медным молоточком, и ему открыл еще один стражник — вдвое выше ростом и шире в плечах. Он что-то прорычал невразумительно, даже мой кулон не справился с переводом, поэтому я не поняла ничего, только разобрала, как мой охранник лаконично ответил:

— К ярлу.

Гигант кивнул и сграбастал меня широченной ладонью. Дальше они уже конвоировали меня вдвоем, и мысль о побеге, которая вспыхнула в голове, растаяла, как сахар в кипятке.

«От такого не убежишь», — уныло думала я, разглядывая шкафообразную фигуру стражника.

Тем не менее, я продолжала подмечать дорогу, которой меня вели. Я видела и родовой замок Мейердорфов, и дворец короля в Фессалии, и пышный комплекс в Империи Солнца, Альтаре. Здешняя архитектура сильно отличалась от всего, что я видела раньше.

Во-первых, замок был мрачным. Действительно, мрачным: минимум света, сырые стены, изъязвленные плесенью, железный и медный декор тронут коррозией.

Во-вторых, изображения драконов здесь встречалось не так часто, как в Фессалии. Но те, что встречались, больше напоминали мутировавших чешуйчатых собак. Ощеренные пасти с клыками вызывали чувство гадливости, а выпученные глаза, блестящие, как натертые пуговицы, казались тупыми и бездушными.

В-третьих же, я не видела еще ни одного хозяина, питавшего такую любовь к винтовым лестницам и скругленным углам. Даже зала, куда меня привели, была овальной, сглаженной, и круглые узкие окна, и колонны по периметру, и даже трон у дальней стены навевали мысли о пещерах и сталагмитах.

Мы остановились посреди залы, и я впервые увидела повелителя Кентарии.

Он был высок крепко сложен и сутул. Квадратная голова низко сидела на могучей шее, меховая накидка покрывала плечи и длинным шлейфом свисала с трона. Маленькие светлые глазки, похожие на булабочные головки, сверкнули из-под черных бровей и уставились на меня в упор.

— Пленник по вашему приказу доставлен, ярл! — отчетливо проговорил первый охранник, тот, который владел фессалийским.

Хищный оскал раздвинул густые черные усы.

— Превосходно! — по-кентарийски ответил повелитель. — Пусть кланяется мне!

Громила пихнул меня кулаком между лопатками. Удар был такой силы, что я не удержалась на ногах и, всхлипнув, упала на колени, мысленно взмолившись: «Только бы удержаться! Только бы не удариться животом...»

Не ударилась, только шумно выдохнула и скрипнула зубами, когда охранник схватил меня за волосы и пригнул голову вниз.

— Кланяйся, чужак! — прорычал он. — Воздай хвалу нашему ярлу Элдору Эл`Варуку!

— Обойдетесь, — сквозь зубы процедила я.

Кажется, меня не услышали или не поняли. Исподлобья я глядела, как повелитель Кентарии довольно ухмыльнулся и опустил косматую голову.

— Чудесно, — сказал он. — Где остальные?

— В казематах, ярл, — с готовностью ответил один из охранников. — Извольте привести и их?

— Не сейчас. Я поговорю с ним, — он ткнул в меня пальцем, на котором сверкнул отраженным светом крупный гранат. И я тут же вспомнила, что похожий видела однажды в шкатулке фессалийской королевы.

— Имя? — спросил тем временем ярл Элдор по-фессалийски.

— Мое? — прохрипела я, и снова заработала тычок.

— Свое я знать, чужак! — рыкнул ярл.

— Мартин, — выдохнула я, решив, что лучше отвечать, чем молчать.

— Фессалиец?

— Да.

— Почему с альтарцами?

— Мы из одной гильдии купцов, — сказала я. — Торговали вместе.

— Лгать! — рявкнул ярл Элдор и стукнул кулаком по колену. — Ты шпион альтарской армии!

Я промолчала. Конечно, шпион. Вот только он откуда знает? Впрочем, не просто так были посланы всадники, и не просто так мои портреты были развешены по городам. Повелитель Кентарии искал меня... или Мэрион фон Мейердорф, жену фессалийского генерала. Вот только зачем? И где сам Дитер? Действительно ли я видела его тогда? Или это было сном? Одно радовало: кажется, мои друзья были живы, ведь не зря охранники обмолвились и о других пленных.

— Ты шпион, — повторил ярл Элдор. — Что ты успел вынюхать, чужак?

Я снова не ответила. Да и что могла? На самом деле, удалось узнать не так уж и много. Надеялась, что могу прийти к местному повелителю, как торговец. Но меня пленили, как шпиона вражеского государства. Так что я могла сказать?

— Почему молчишь? — зашипел ярл Элдор. — Говорить! И тогда, может, я продлить твою жалкую жизнь!

— Неслыханная милость, — пробормотала я и решила гнуть свою линию. — Но я не шпион, я обычный торговец, господин.

— Ярл, — поправил меня громила.

— Ярл, — повторила я. — Мы не сделали ничего дурного, везли шелка на продажу, когда на нас напал отряд черных всадников.

— А под шелками иметь оружие, — сощурился ярл.

Я закусила губу и упрямо ответила:

— Посудите сами, как еще торговцам отбиваться от разбойников? Конечно, у нас было оружие. Но это еще не делает нас шпионами.

— Не заговаривать зубы! — крикнул повелитель и хлопнул в ладоши. — Позвать моего верного Рыцаря!

Один из охранников тут же поклонился и вышел из залы. Тогда ярл Элдор снова хищно улыбнулся, и, наклонившись с трона, язвительно проговорил:

— Лучше ты рассказать сам! Думай, пока Черный Рыцарь не попытает тебя. У него все... все рассказывают!

Шаги были тяжелыми и гулкими. Меня колотило как в ознобе, хотелось действительно обхватить себя руками за плечи, чтобы унять дрожь. Чего ждать? Кто сейчас придет? Мне представлялось огромное чудовище с горящими как у дьявола глазами. Чем ближе слышались шаги, тем четче я различала и другой звук — тихое-тихое поскрипывание колес.

Двери распахнулись, и на меня повеяло сквозняком подземелья. Тем ледяным ветром, что срывается с горных вершин и несет с собой похолодание и снегопад.

Скрип колес стал громче. Я неосознанно отпрянула и уперлась лопатками в ладони своего конвоира.

— Ждать! — грубо выщедил он.

Я замерла. Но, боже, как же тяжело мне далось молчание!

Имя родилось в сердце, но умерло на губах.

Дитер!

Это действительно был он.

Фессалийский генерал и мой любимый муж, василиск, чей взгляд обращал в камень.

На нем были уже привычные черные очки, да и сама одежда оказалась черна: и доспехи с незнакомым мне гербом, вытравленным на груди, и высокие сапоги, и перчатки. Шлема не было, я хорошо видела его лицо: бледное, словно выточенное из цельного куска мрамора, с заострившимся носом и крепко сжатыми губами. На скуле темнел кровоподтек, какой я запомнила из сна.

— Дитер...

Я действительно произнесла это вслух? Что будет, если повелитель Кентарии догадается, что мы знакомы? Или он уже знает? Действительно, не может не знать, если объявил меня в розыск. Но я все-таки прикусила язык и тут поняла, что Дитер пришел не один.

Он катил впереди себя каталку, которая при каждом движении и издавала этот противный скрип. В ней сидел человек или нечто, похожее на человека: замотанная с головы до пят фигура, лица которой я не увидела вовсе, оно оказалось скрыто за фарфоровой маской. Кажется, правитель не слишком обрадовался такому явлению.

— Что такое? — произнес он по-кентарийски, и я понадеялась, что даже в отсутствии драконов-хранителей хорошо разбираю иноземную речь. — Разве я звал вас обоих?

Дитер не успел ответить, даже не попытался открыть рот. Вместо родного голоса я услышала другой — тихий, шепелявый, как змеиное шипение.

— Не рад встречи, мой друг? Забавляешься без меня?

Чем-то он показался мне до боли знакомым, но мне не хотелось думать, кого я вижу перед собой. Какая разница, когда рядом мой Дитер? Вот он, только протяни руку. Дотронься до сомкнутых на каталке пальцев, погладь, поцелуй в твердую щеку, прошептай на ухо: «Любимый...»

Мне было физически больно, что я не могу подойти к нему и даже окликнуть. Дитер... почему ты не смотришь на меня? Почему не чувствую твое тепло? Ты столь же холоден, как камень, из которого выложены эти стены, и так далек, как луна...

— Это шпион, — ответил тем временем повелитель Элдор. — И он опасен.

Короткий сухой смешок.

— Опасен? Вздор! Всего лишь вздорная девчонка!

Вот как! Я задохнулась, царапая ногтями браслеты на запястьях, куда могла дотянуться. Боль выжигала изнутри, я не могла понять, почему это существо на каталке

кажется знакомым? И почему мой Дитер молчит как истукан? Да живой ли он вообще?

— Вот сейчас и узнаем, — с ответной усмешкой сказал повелитель Элдор и лениво махнул рукой в сторону Дитера. — Приступай к допросу!

Пальцы генерала разжались, отпустив ручку каталки. Как заведенный солдатик, он шагнул в мою сторону. Шаг. Другой. Я невольно отпрянула, но сзади меня по-прежнему придерживал стражник. Тогда я сцепила зубы и заглянула в любимое лицо с надеждой и любовью. Пусть я не подам знак словами, но Дитер увидит мои глаза, наполненные слезами и радостью, узнает меня в лицо. Я ведь так ждала этого момента! Я сражалась с черными всадниками! Я прибыла в чужую страну, беременная, скрывающая свою женскую сущностью под мужской одеждой! Ты ведь узнаешь меня, правда, Дитер?

Он остановился прямо передо мной. Очки были глухи и черны, я не видела ни проблеска света в их глянцевой глубине, и кулон не отзывался теплом.

«Дитер...» — мысленно позвала я, словно надеясь, что генерал откликнется на мой зов.

Он сжал меня за подбородок, заставляя запрокинуть лицо вверх.

— Имя! — проскрежетал он, почти не разжимая губ. Я никогда не слышала, чтобы он говорил так! Даже в первые дни нашего знакомства, когда генерал был обижен на весь мир! Даже тогда он не говорил, как механическое существо, как мертвец, который ничего не знал и не хотел знать о своей прошлой жизни.

— Мартин, — шепотом ответила я. — Мартин фон Мейердорф.

— Она лжет! — зашипело со стороны.

Черная фигура заслоняла мне обзор, но я и так понимала, кто говорит это — существо с каталки.

— Она лжет, мой друг Элдор, — продолжил тот же мерзкий голос. — Это фессалийская шпионка.

— Ты женщин? — тут же резко спросил повелитель Элдор.

Дитер молчал, только крепче сжимал мой подбородок, до боли в зубах. Я не хотела плакать, но почувствовала, как слезы обожгли веки и потекли по щекам.

— Говорить! — взвизгнул Элдор.

— Говори, — повторил Дитер, и в его очках зажглись огни. Господи! Пусть бы не зажигались, столь пустыми и холодными они были.

Я молчала. И в тот же миг грубая рука сжала меня между ног. Я взвизгнула, дернулась, толкнув Дитера плечом. Он даже не покачнулся, но руку убрал.

— Женщина, — ровно сказал он.

Мои щеки залила краска. Между бедер жгло, хотя не было так уж больно, но зато было обидно. Почему он так поступает со мной? Несправедливо и больно! Пожалуйста, Дитер!

— Тварь, — зашипело существо на каталке.

— Лгунья! — крикнул повелитель Элдор. — Шпионка! Как посметь?!

Посметь что? Переодеться в мужчину, обмануть правителя или шпионить в Кентарии? Возможно, все вместе.

— Какие быть твои планы?! — продолжил повелитель. — Рассказать немедля!

Я старалась дышать носом, от этого дыхание становилось шумным и сиплым. Закованный в броню Дитер нависал надо мной скалою. Да полноте! Неужели это действительно он?! Может, это пустоголовый двойник? Голем, созданный ужасным магическим ритуалом? Почему он никак не реагирует на меня? Почему я чувствую исходящий от него холод? Что вы сделали с моим мужем! Изверги!

— Говори, — процедил Дитер и сжал мое плечо. Хватка у него была генеральской, каменной. Я скорчилась, слизывая языком слезы и думаю еще и о том, чтобы не повредили моей девочке. В животе уже покалывало болью, как недавно, когда меня взяли в плен.

Только бы выдержать!

— Будьте вы... прокляты! — процедила я.

— Убить! — завизжало существо на каталке.

Ладонь наотмашь хлестнула меня по щеке. Я откинула голову и зажмурилась, борясь с рыданиями и болью, с обидой, с разочарованием, с усталостью последних ночей и дней.

— Убить ее! Стереть в порошок! Заколдовать! Окаменить! — продолжала бесноваться тварь. И за визгом слышался успокаивающий голос повелителя Элдора:

— Не спеши, дорогая. Пленники еще нужны.

— Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! — голос оборвался на высокой ноте. Я ждала, но ничего не происходило. Я была все еще жива, и пальцы Дитера все еще сжимали мое плечо. А потом я услышала хрипы: так мог хрипеть издыхающий зверь. И, приоткрыв глаза, увидела, как корчится в каталке существо.

— Спа... си, — хрипело оно, царапая скрюченными пальцами горло. Маску перекосило, из-под покрывала летела каменная пыль. Откуда она там?

— Скорей! — приказал и Элдор, соскакивая с трона и подхватывая заваливающееся на бок существо. — Не медли!

Дитер отпустил меня так быстро, что я не удержала равновесие и повалилась на вовремя поставленные руки стражника. А сам в два широких шага пересек залу и подхватил существо с другой стороны. Стянув перчатку с руки, Дитер выхватил нож. Я ахнула, не сдержав вскрика. Лезвие блеснуло в тусклом свете, остро полоснуло по ладони.

Будто во сне, я видела, как Дитер стиснул кулак и опустил его над съехавшей маской. Кровь капала, заливая фарфор, текла по землистому лицу, капала на покрывало.

— Так, — повторял повелитель Элдор. — Так... пой ее, мой раб.

Хрипы перешли в стоны, потом во влажные причмокивающие звуки. Меня едва не вывернуло наизнанку, когда я поняла, что это существо в каталке пьет кровь...

Маска окончательно соскользнула с лица и упала на пол, стукнув фарфоровым боком, но не разбилась. Да и не до того мне было! Во все глаза я глядела на существо в каталке.

Сначала мне показалось, что у него не было лица. Вместо этого было что-то бугристое, землистого цвета, твердое, как камень. Потом я различила нос и один выпученный глаз, волосы, разметавшиеся по плечам. С каждым глотком каменные морщинки разглаживались, тусклый глаз наливался блеском, а конвульсии все реже сотрясали тело, пока не прекратились вовсе.

Облизнувшись острым язычком, существо высунуло из-под покрывала белую худую руку и ласково погладило Дитера по щеке.

— Спасибо, мой мальчик, — проворковало оно уже хорошо поставленным женским голосом. — Ты верно служишь мне.

Дитер вынул платок и обернул разрезанную ладонь.

— Рад служить, госпожа, — безэмоционально ответил он.

Женщина засмеялась. Этот смех был мне знаком, порой он являлся мне в самых неприятных снах, и я надеялась, что никогда больше не услышу ни этого смеха, ни этого голоса.

— Узнала теперь? — спросила женщина.

А я не могла кивнуть. Потому что передо мной сидела Анна Луиза, бывшая королева Фессалии.

— Вижу, что узнала, — хихикнула она. — Приятно встретить старых знакомцев на чужбине.

Я дрожала, не в силах справиться с обуявшей меня ненавистью. А Анна Луиза, словно красуясь, развернулась ко мне лицом, наслаждаясь моей реакцией. Господи, я бы предпочла поцеловать лягушку, но не видеть перед собой это отвратительное лицо, едва похожее на человеческое. Она выглядела настоящим Квазимодо: окаменевшая половина лица была неподвижна, от этого улыбка женщины получалась кривой и жуткой.

— Смотри, друг мой Элдор, — продолжала она, — на этих двух голубков. Вот те, кто поломал мою жизнь, нарушил планы. Она, юная выскочка, вскружившая голову фессалийскому чудовищу. И тот, благодаря которому я стала такой развалиной.

Анна Луиза сухо рассмеялась, и с губ посыпалась пыль.

— Скоро все станет по-прежнему, моя любовь, — вежливо ответил повелитель Кентарии.

— О, да! — подхватила женщина. — Тот, кто меня изуродовал, тот и поможет.

И она погладила Дитера по руке. Эта тварь снова погладила Дитера по руке! Я задыхнулась, изо всех сил сжимая челюсти. А Дитер стоял как околдованный, безгласный и пустой. Из него выпили жизнь и волю, и я не могла видеть его таким.

— Скоро я стану, как прежде, молодой и красивой, — прошелестела Анна Луиза. — А Дитер, мой мальчик, поможет мне в этом. Кровь василиска для обычных людей яд, а для меня — лучшее лекарство.

Она снова засмеялась, потом закашлялась, выхаркивая каменную крошку. Я отвернулась, не в силах на это смотреть. Духи-хранители, где же вы?! Дайте мне сил...

— Я высосу его до капли, — все еще доносился до меня проклятый голос, — а потом раздавлю тебя, чертовка. И тебя. И своего малохольного муженька. О, что может быть слаще мести? Ваша смерть не будет быстрой, о, нет! Я наслажусь каждой секундой вашей агонии! А потом, — она высунула из-под покрывала руку и сжала ее в кулак, — я раздавлю Фессалию.

— О, это будет хороший подарок! — заулыбался Элдор.

— Лучший подарок для нас обоих, дорогой, — проворковала Анна Луиза.

— Я буду правителем двух королевств!

— Двух королевств и одной империи. Не забывай про Альтар.

Они засмеялись.

— Полагаю, на сегодня можно закончить допрос этой маленькой шпионки, — сказала Анна Луиза, не глядя на меня. — Я чувствую себя гораздо лучше, с каждым днем мои силы прибавляются. И мне так хочется побыть с тобой, моя любовь! Пусть эта девчонка подумает в темнице над своей судьбой, пусть помучается. У нас еще есть время.

— Есть, моя дорогая, — Элдор наклонился, поцеловал ее бледную ладонь и дал отмашку стражнику. — Уведите пленницу! Продолжим после.

— Нет, нет! — вмешалась Анна Луиза. — Пусть ее отведет наш доблестный рыцарь.

Она с нескрываемым торжеством поглядела на Дитера, и тот как сомнамбула сделал шаг вперед.

— Отведи пленницу в подземелье, — велел по-кентарийски Элдор. — А потом сразу же езжай в Даррен и хорошо перетряхни этот городок! Мятежники совсем обнаглели!

Переवेशать до одного! Пусть знают, как подрывать авторитет ярла!

— Как пожелаете, мой господин, — учтиво поклонился Дитер.

Он схватил меня под локоть и потащил к выходу. Я не сопротивлялась, любое сопротивление бесполезно. Да и зачем?

Мы шли по темным коридорам обратно в подземелье. Шаги Дитера были тяжелы и размеренны, хватка все такой же железной. Когда мы миновали ворота и стали спускаться вниз по крутой лестнице, я подала голос:

— Дитер...?

Он молчал. Отблеск светильников отражался в очках, и лицо как никогда казалось каменным, словно когда-то Дитер заколдовал не фессалийскую королеву, а самого себя. Как мне достучаться до него? Как всколыхнуть окаменевшее сердце?

— Ты помнишь меня, Дитер? — снова попробовала я. — Свою пичужку? Так ты называл меня всегда.

Я попробовала поймать его взгляд. Бесполезно. Мое сердце заныло, обливаясь кровью.

— Пожалуйста, вспомни, — я прижалась к нему, заглядывая в лицо. — Как ты рассказывал мне историю своей семьи. Как мы смотрели на звезды с крыши королевского дворца. Какой сладкой была ночь, и какой бесконечной наша любовь. Дитер...

Я задыхнулась, сглатывая слезы. Слышит ли он меня? Но остановиться уже не могла и продолжала говорить.

— Ты говорил, что я самое важное, что случилось в твоей жизни. Что без меня ты не жил, и умер бы за меня тоже. И я тоже готова была умереть за тебя! Слышишь? Ты единственный, ради кого я осталась в этом мире и если бы мне предоставилась возможность вернуться, я бы никогда не сделала это, просто потому, что здесь меня ждешь ты. Потому, что тут теперь мой дом. Рядом с тобой! И я не побоюсь ни черных всадников, ни мести королевы, ни войны, и до последнего буду сражаться за наше счастье! Даже когда у тебя не будет сил — я смогу биться за обоих! Я справлюсь! Любимый...

Мне показалось, что Дитер сбился с шага. Его лицо немного разгладилось, брови страдальчески сдвинулись над очками. Мы спустились с лестницы и пошли по коридору, приближаясь к месту моего заточения.

— Мне больно видеть, как ты служишь Элдору, — сказала я.

— Я служу повелителю Элдору, — механически повторил Дитер. — И госпоже Анне Луизе. Я клялся им в вечной верности.

— Они околдовали тебя, — с горечью ответила я. — Не знаю как, но это злое и отвратительное колдовство. Они пользуются тобой так же, как пользовался король Максимилиан. Однажды ты уже смог обрести независимость, так сделай это снова!

Я вздохнула и облизала губы. В горле пересохло, сердце трепетало, и вместе с сердцем в моем чреве, пробуждаясь, дрожала Тея. Моя маленькая девочка... Тебе больно находиться рядом с отцом, когда он служит злу, не так ли? Я постараюсь, чтобы скоро это прекратилось. Как бы там ни было, я защищу тебя!

— На тебя надеется фессалийский народ и народ Империи Солнца, — продолжала я. — Ты великий полководец, одним своим появлением ведущий за собою войска. Если черных всадников не остановишь ты, их не остановит никто.

— Черных всадников невозможно победить, — машинально ответил Дитер, и его пальцы на моем плече дрогнули. — Они пришли с той стороны Черного Зеркала.

— Его открыла Анна Луиза, не так ли? — тут же выпалила я.

На лице Дитера не дрогнул ни один мускул, и он не ответил, но я была уверена, что угадала верно. Как я могла противостоять ей? Вместе с еще нерожденной дочерью, пусть и Оракулом? О, если бы я только знала!

— Поэтому я пришла к тебе на помощь, любимый, — продолжила я как можно мягче, но убедительнее. — И пошла бы за тобой в огонь и воду... почему пошла бы? Потому, что сейчас я отвечаю не только за себя, но и за нашу дочь. Ты помнишь об этом?

Мы подошли к решетчатой двери, и Дитер остановился. Я заглянула в его лицо. Если бы только мои руки были не скованы! Я бы сняла с него эти дурацкие очки и заглянула бы прямо в глаза, без страха и отвращения, с любовью — так, как могла смотреть только я. Он вспомнил бы тогда!

— Ее зовут Тея, — сказала я. — Пожалуйста, вспомни. У нее твои волосы и мои глаза. Мне с каждым днем все тяжелее оберегать ее, но я держусь ради нее и ради нас с тобой. Потому что вы — мое сердце, мое сокровище! Я люблю тебя, Дитер! И люблю нашу доченьку...

Он глубоко вздохнул. Выражение муки промелькнуло на лице, по телу прошла дрожь, и в очках блеснул знакомый теплый огонек. Губы приоткрылись.

На какое-то мгновение мне показалось, что он хочет что-то сказать. Может, назвать мое имя. Может, сказать, что любит меня и помнит. Может, даже поцеловать...

Теплая ладонь легла на мою щеку, погладила ласково, нежно, совсем как прежде. Я заплакала беззвучно, прижавшись к его руке губами. Он мягко убрал руку, и выражение муки изгладилось с лица.

— Я служу повелителю Элдору, — глухо произнес Дитер. — И королеве Анне Луизе.

Огонек в очках погас, и лицо снова стало каменным и пустым.

— Приказано доставить пленника в каземат.

С этими словами он втолкнул меня в камеру. Засов лязгнул, точно опустившийся нож, разрезавший мое сердце пополам.

16. Тайна фессалийской королевы

Едва только стихли гулкие шаги, как я упала на топчан и расплакалась. Невыносимая боль терзала мое тело и душу. Будь проклята эта ведьма! Будь проклят правитель Кентарии!

Я плакала так горько и безутешно, что, в конце концов, у меня заболела голова, и я провалилась в бессознательное состояние, в котором не было снов. Очнулась от странного шепотка: призрачный голос доносился со стороны, но что говорил? Не могла расслышать.

«Так и сходят с ума», — мрачно подумала я, вытирая мокрое от слез лицо.

— Подумаешь, спит! — различила я слова одного призрака. — Так разбуди!

— Почему я должен? — огрызался второй. — Ты буди!

— Эй, умолкните! — прошипел третий, чей шепот казался мне реальнее других. — Тут выбираться надо, а не спорить.

— Как же ты выберешься, если над нами Черное Зеркало, — проворчал первый, и я с усилием приподняла голову с топчана и повернулась в сторону решетки.

— Кто тут? — спросила вслух.

Молчание, возня в темноте. Потом за дверью замаячил темный силуэт и тихий голос произнес:

— Мартин, не пугайся! Это я, Ченг!

Мальчишка вынырнул из темноты. Я подскочила:

— Ченг!

И прикрыла ладонью рот: не услышал ли кто? В два шага пересекла помещение и шмыгнула носом:

— Ты как тут оказался, а? Как же я рад тебя видеть! Это действительно ты?

Мальчишка заулыбался, но к решетке близко не подходил.

— Я, — закивал он лохматой головой. — Капитан тоже удивился, когда увидел меня утром.

— Капитан Фа? — уточнила я, и сердце тревожно стукнуло.

— Он, он, — снова закивал мальчишка. — Его камера не очень далеко, — и неопределенно махнул рукой в сторону. — Но охраняется не так хорошо, как твоя.

— Как моя?

— Да, тут какой-то магический полог, — он замялся и сморщил нос. — Я его не вижу, конечно. Но твои помощники видят.

— Мои кто?

Воздух возле Ченга заискрился беловатым свечением, уплотнился и превратился в двух сияющих дракончиков.

— Умник! Забияка! — обрадовалась я.

На душе стало легче, слезы окончательно высохли, и я бы бросилась к ним, не разделяя нас решетка. Духи-драконы теперь казались выше меня ростом. Развитые лапы скребли от нетерпения камень пола, сложенные крылья топорщились, а в ноздрях Забияки то и дело вспыхивали огненные искры.

— Где же вы были раньше?!

— Там же, где и все, — проворчал Забияка. — Думаете, только на вас действует магия Черного Зеркала?

— Мы сражались с черными всадниками, — мягко перебил друга Умник. — наших сил хватило, чтобы задержать их на какое-то время. Потом нам на помощь пришли господин Ю и Ганс.

— Боже мой! — всплеснула я руками. — Они живы?

— Живы, — успокоил меня Умник. — И зализывают сейчас раны, думая, как выволить вас. Включая Ченга и капитана Фа.

— Значит, Шэн и Ганс не в плену? — спросила я.

— Не видел их, — вмешался Ченг. — А это моя уже третья вылазка.

— Они сейчас в городке Виллоб, недалеко от замка, — пояснил Забияка. — Дыра дырой, но хорошее место, чтобы спрятаться.

— Разве мы не в столице? — с недоумением спросила я.

— О, вовсе нет! Этот замок — всего лишь летняя резиденция местного правителя. Замок стоит над обрывом на скале, и очень удачно скрыт со всех сторон лесом, из города его практически не видно. Зато с воздуха он как на ладони.

Драконы переглянулись и ухмыльнулись как по команде, блеснули сахарные клыки, и я поежилась. Кажется, мои маленькие помощники действительно набирают силу. Вон, как вымахали! Да и не хотела я столкнуться с теми, у кого во рту пара натуральных пил.

— Дальше всего мы искали вас. И то не нашли бы, если бы не Ченг, — Умник кивнул в сторону мальчишки. И тот надул щеки от гордости.

— Как же тебе умудрилось выбраться? — спросила я.

— Ловкость рук и никакого мошенничества! — подмигнул маленький хитрец. — Ты

видел кентарийцев, Мартин?

— Ну... да, — осторожно ответила я, еще не понимая, куда клонит мальчишка.

— Довольно крупные. Широкоплечие. Настоящие медведи, правда?

Я вспомнила правителя Элдора, вспомнила попадавших на пути крестьян и завсегдатаев таверн, и согласно кивнула.

— Здешние решетки построены с учетом кентарийской комплектации, вот что! — торжествующе закончил Ченг. — А ты посмотри на меня! Я просочился через решетку, как вода сквозь сито.

Он засмеялся, радуясь собственному подвигу. Действительно, альтарцы куда мельче кентарийцев, что уж говорить о подростке? Я теперь поняла, что и сама смогла бы попробовать протиснуться сквозь прутья, если бы не два но: я носила под сердцем ребенка и еще слишком хорошо помнила свечение, исходившее от двери, даже если сейчас не видела его вооруженным глазом.

— А тебе зайти не могу, — грустно вздохнул Ченг. — И они, — кивнул на драконов, — не могут.

— Не можем, — подтвердил Забияка и тоже вздохнул. Из его пасти вырвалась беловатая струйка пара и белыми кристалликами осела на прутьях. Они снова засветились мягким светом, подтверждая, что здесь не обошлось без магии.

— Проклятая ведьма, — процедила я сквозь зубы.

— Поэтому и мы не сразу нашли вас, — сказал Умник. — Магия, и довольно специфичная. Такая же, но чуть послабее, защищает камеру капитана Фа. Ни вы, ни он, к сожалению, не выйдете без позволения хозяев замка.

Меня передернуло, моя маленькая Тея беспокойно толкнулась в животе, и я успокаивающе погладила ее ладонью. Тшш, маленькая, подожди, мы обязательно разберемся и с этим.

— Дитер тоже заколдован, — медленно сказала я, отводя взгляд и сглатывая ком в горле. — Я видел его сегодня.

И вкратце рассказала обо всем.

Драконы молчали. Ченг сжимал и разжимал кулаки. Будь его воля. Он первым бы бросился сражаться с правителем и его каменной любовницей, но надо отдать мальчишке должное: голос разума остужал горячую кровь, и он терпел. Только спросил тихо:

— Что же нам тогда делать, Мартин? Меня охраняют не так хорошо, как тебя и капитана Фа, и я мог бы попробовать стащить ключи у стражника. Только не знаю, поможет ли это? Да и как помочь генералу?

— Анна Луиза еще и раньше баловалась магией, — сказала я, вспоминая ее тайник, забитый склянками и зельями. — Думаю, это она открыла Черное зеркало.

— И оно вращается прямо над замком, — мрачно подтвердил Умник. — Но просто так его невозможно открыть. Должен быть какой-то очень сильный артефакт.

— Например, какой? — спросил Ченг и его глаза загорелись. — Вот бы его стащить!

— Если б мы знали, — с досадой ответил Забияка. — Обычно артефакт выглядит как украшение. Может, вы видели что-то необычное у Ее бывшего Величества?

Я вспомнила встречу с бывшей королевой. Она была закутана с головы до ног, и никакого украшения я не заметила. Вот разве что сама каталка или фарфоровая маска, которая упала с ее лица. Может ли она быть артефактом? Да еще столь мощным, чтобы открыть портал между мирами? Мы этого не узнаем, пока не проверим. Вот только как?

— Вот если бы, — мечтательно сказал Забияка, — вы смогли бы выведать тайну этой фессалийской ведьмы...

— О чем ты говоришь! — одернул его Умник. — Разве ты не знаешь, что...

Он не закончил фразу, но выразительно глянул на напарника.

«Госпожа носит Оракула», — услышала я в голове.

— Но ведь получилось один раз, — возразил Забияка вслух. — Получится и во второй.

Они замолчали. Молчал и Ченг, только кусал губы и хмурился. Я вздохнула, приложила пальцы к вискам. Кровь шумела в голове, на щеке горело прикосновение пальцев Дитера. Помнишь, любимый, я сказала, что сделаю все ради вас с дочерью? Ведь если не победим мы, то и Тея не появится на свет. С королевы станется навредить и ни в чем не повинной малышке. Есть ли у меня выбор?

— Это будет нелегко, — сказала со вздохом. — Но я постараюсь.

Когда Ченг ушел, драконы свернулись возле порога, как сторожевые собачки, и сделались невидимыми. Единственное, что напоминало об их присутствии, это посверкивающие алые глаза Забияки.

Безмолвный стражник принес мне обед, если можно так назвать безвкусную кашу-размазню и стакан воды. Зато снял браслеты, и я долго растирала израненные запястья. Поев, я легла на топчан и отвернулась к стене. Мысли бродили по кругу, я вспоминала то изуродованное лицо Анны Луизы, то текущую по подбородку кровь Дитера, то самого Дитера с безучастным лицом и пустотой в очках. Что они с тобой сделали, победоносный генерал? Никто и никогда не мог сломать и подчинить твою волю, и вот теперь...

Чувствуя, что слезы снова вот-вот польются из глаз, я зажмурилась и попыталась вздремнуть. Может, Дитер придет ко мне во сне? Таким же, каким я его помнила: подтянутый, уверенный, ироничный. Но мои ожидания не оправдались.

Во сне я опять увидела черных всадников. Теперь они жгли дома, и пламя лизало небо, где алой короной горела оправа Черного Зеркала. Люди бежали в ужасе, бросая годами нажитое имущество, падали под копыта коней и молили о пощаде. Но пощады не было: впереди ужасной кавалькады скакал Черный Рыцарь. Теперь на нем не было шлема, и я хорошо видела его лицо: окаменевшее лицо моего Дитера. Его волосы ерошил ветер, и огненный меч пылал в руке, касаясь соломенных крыш, вмиг вспыхивающих от этого прикосновения.

— Дитер! — звала его я.

Мой голос тонул в ужасающем реве стихии.

Дитер не откликнулся: он был глух к моему зову и к мольбам людей, он ослеп от пожара и продолжал сеять вокруг страдания и смерть.

Очнись же, любимый! Как же мне достучаться до тебя?!

Я замерла, не в силах пошевелиться и сдвинуться с места, когда снова заметила крохотную фигурку, бегущую наперерез всадникам. Косы развевались по ветру, подол волочился шлейфом.

— Назад! — закричала я. — Тея, назад!

Она остановилась прямо посреди дороги и вскинула руки.

Конь под Дитером заржал, встал на дыбы. Я видела, как Дитер натягивает поводья, как наклоняется, хмурия брови, словно пытаюсь вспомнить. Я не слышала, что говорит Тея, но могла различить, как она протягивает что-то в раскрытых ладонях, и Дитер поворачивает голову то влево, то вправо. А потом берет из рук моей девочки предмет.

В свете пожара кроваво вспыхнул камень кентарийского граната в золотой оправе.

Перстень!

Я сразу узнала его: точно такой дарил повелитель Элдор своей любовнице, и благодаря ему я смогла доказать королю Максимилиану, что на его груди пригрета настоящая змея.

Мускулы на лице Дитера шевельнулись. Его губы разъехались в счастливой улыбке, он опустил руку и погладил Тею по волосам, нежно и ласково, как только может погладить отец своего ребенка. А потом подкинул перстень.

Конь взвился, раскрыв острозубую пасть, и проглотил перстень на лету. А потом лопнул и вместе с Дитером рассыпался на пепел. Исчезли и черные всадники, огонь угас и над крышами потянулся дым. Потом погасла и звездная оправка, и Черное Зеркало, замедлившись, прекратила вращение, а потом растаяло без следа.

И ничего не стало.

Я очнулась, мокрая, как мышь, глотая сырой воздух и утирая лоб ладонью. Сердце билось как ошалевшее, в животе тихонько ворочалась Тея, и я положила ладони поверх одежды и погладила свою малышку.

— Шшш, маленькая, это только сон...

Сон, в котором, наконец, пропали черные всадники, и Зеркало закрылось навсегда. Но почему? Неужели...

Я сглотнула вставший в горле ком. Мои пальцы задрожали, комкая край одежды, я резко выдохнула и окликнула негромко:

— Забияка? Умник?

«Да, госпожа?» — откликнулись духи внутри моей головы. За решеткой блеснули перламутровые морды, одна сгустилась и превратилась в белую, другая почти слилась с темнотой.

«Кажется, я знаю, что за артефакт носит Анна Луиза», — мысленно сказала я.

«Расскажите, госпожа», — сказал Умник.

«Да, не держите в себе», — поддакнул Забияка.

Я собралась с мыслями, помассировав виски, потом ответила:

«Думаю, это гранатовый перстень».

Морда за решеткой замерцали ярче.

«Любопытно!» — выдохнул дым Забияка и сверкнул глазами.

«Аккуратнее, не то своей иллюминацией всю стражу переполошишь, — проворчал Умник. — А что за перстень, госпожа?»

«Я думаю, тот самый, что кентарийский вождь подарил однажды Анне Луизе. Или похожий на него, — поразмыслила я. — Из граната, который добывают только в Кентарии. Возможно, он обладает некими магическими свойствами. И точно такой же я видела на пальце самого правителя Элдора».

«Это может быть парный артефакт, — согласился Умник. — В таком случае, сила его удваивается».

«А еще гранат называют кровавиком в этих краях, — сказал Забияка. — Говорят, если его подержать в крови любого существа, наделенного магией, то камень возьмет на себя силу этого существа, кроме того, с его помощью можно будет призывать и контролировать этих существ».

— Кровь василиска! — воскликнула я, и зажала рот ладонью, поняв, что произнесла это вслух.

Да, все в этой стране завязано на крови. И помощью крови василиска королева мечтала обрести былую красоту и здоровье, и с помощью той же крови смогла подчинить себе Дитера.

— Мне надо выбраться отсюда, — прошептала я, сжимая кулаки. — И завладеть перстнем.

Драконы переглянулись и сдвинули морды. Кажется, о чем-то шептались.

«С вашего позволения, госпожа, мы расскажем об этом Ченгу, — сказал Забияка. — Он поможет».

Я согласно кивнула. Если мальчишка сумел выбраться из клетки несколько раз, сумеет пробраться и к Анне Луизе, и, может, умыкнет перстень. Вот только что он будет делать один, если вдруг его обнаружат?

Я хотела поделиться своими опасениями с духами, но их уже и след простыл. Шустры, глаз да глаз за ними нужен! Мысленно позвав обоих и не получив ответа, я снова улеглась на топчан и задумалась. Можно ли верить сну? Я была уверена в этом: под сердцем у меня спала Оракул и делилась своими снами со мной. Кто, как не моя девочка, могла знать о секретах каждого человека в этом мире? Она крепла с каждым днем, и ее способности становились все сильнее. Удивительно представить, какой силой она будет обладать, когда родится на свет? Может, действительно в ее воле не только остановить войну, но и контролировать действие портала? А если она ошибается?

Да нет. Я тряхнула головой и, улыбнувшись, погладила животик. Моя малышка не может ошибаться, правда?

— Я люблю тебя, маленькая, — шепнула я. — И у нас все получится.

Снаружи послышался какой-то шум. Удары по решетке, потом гневные крики. Я приподнялась на локте и испуганно завертела головой.

По коридору послышался топот бегущих ног, потом грозные окрики:

— Молчать! Тишина, я сказал!

— Смерть Элдору! — вопил кто-то на ломаном кентарийском. — Гибель Кентарии! Вива Альтар! Фессалия вива!

— Заткнись, или я сам заткну твою пасть! — проревел хриплый голос охранника.

— Что ты мне сделаешь, кентарийская свинья? — насмешливо выкрикнул голос, и теперь я хорошо узнала его. Капитан Фа! Господи, да что он делает?! С ума сошел, не иначе!

— Это кто свинья?! Кому говоришь, червяк? — ответно лаял стражник.

— Ты, грязная морда! — торжественно ответил капитан Фа. — Да подойди, подойди! Кишка тонка? Собственных пленников боишься, трус? погоди, вот выберусь, вспорю тебе жирное пузо по альтарскому обычаю!

И вдруг запел:

— Никто не даст нам избавленья:

Ни бог, ни царь и не герой!

Добьёмся мы освобожденья

Своею собственной рукой!

— Гляди какой паршивый певец выискался! — окрысился охранник. — Сейчас я заткну тебе рот!

Послышалась грязная ругань, лязг открываемого засова. Я вскочила и подбежала к решетке так близко, насколько мне позволяла магическая защита, и стояла там, ни жива, ни мертва. Капитан обезумел! Его же убьют там! Как глупо...

— Иди сюда, придурок, — прорычал стражник. — Сейчас я...

Глухой удар. Потом грохот упавшего тела.

— Капитан! Нет! — закричала я, совсем позабыв об осторожности.

Меня затрясло от страха и волнения, зубы застучали о зубы. Что я могла сделать? Чем помочь? Я не могу вызволить даже своего мужа, не говоря уже об этом упрямом мальчишке, чьи подколки поначалу так раздражали меня, и чье откровенное признание стало для меня таким шоком. Я не хотела, чтобы он умирал! Только не так!

Забывшись, я схватилась за решетки и вскрикнула. Магия полоснула по ладоням колким электричеством, я отскочила и заплакала от беспомощности и боли.

— Отставить слезы! — вдруг услышала я.

Вскинув голову, сквозь пелену прямо за решеткой я увидела улыбающегося Фа Дэ-Мина, а рядом с ним маячил не менее довольный Ченг.

— Капитан?! — воскликнула я, одним махом вытерев слезы. — Но как?

— Ловкость рук и немного безумия, — сказал Фа Дэ-Мин. — Для фокуса понадобится двое: пока один отвлекает, второй обшаривает карманы. И — посмотри-ка!

В его руках звякнула и заблестела связка ключей.

— Отдохнули — пора и честь знать, — важно сказал капитан Фа. — За сим объявляю день открытых дверей! Ченг, предоставляю тебе право торжественно открыть ключом эту решетку и выпустить, наконец, нашего Мартина на свободу!

Не верилось, что наконец-то это произошло! Вот она, свобода!

Ченг бросился обниматься, Фа Дэ-Мин тоже меня приобнял, и я вздрогнула, почувствовав на своем плече теплую мужскую ладонь. Признания капитана еще были свежи в памяти, и я аккуратно отстранилась, на что получила обезоруживающую улыбку Фа Дэ-Мина и дружеский хлопок по плечу.

— Надо торопиться, — сказал он. — Сам понимаешь, у нас всего один шанс.

— А где стражник? — спросила я, крутя головой по сторонам.

— Отдыхает стражник, — засмеялся Ченг. — Капитан его хорошо приложил.

— Не скоро очухается, — усмехнулся Фа Дэ-Мин и дернул меня за рукав. — Ну? Идем!

— Куда? — машинально спросила я.

Он приподнял бровь.

— Как куда? Вызволять генерала Дитера.

«Хороший план», — радостно заметил в моей голове Забияка.

Я согласилась с ним: действительно, замечательный план. Вот только в нем не хватало кое-каких деталей. Например, как попасть в покои Анны Луизы, украсть у нее перстень, а заодно и у правителя Элдора? И мало того, украсть. Надо проверить, действительно ли это те самые артефакты, которые управляют силой Черного Зеркала?

Драконы снова разделились: на этот раз впереди летел Забияка, тускло подсвечивая нам путь лучше любого факела. Следом за ним сразу бежал Ченг. Мы с капитаном поначалу пытались протестовать, но хитрый мальчишка сказал, что только он может открывать любые замки, поэтому нам лучше подстраховывать его и не выпендриваться.

— Не выпендриваться! — ворчал Фа Дэ-Мин. — Слышал, Мартин? Ух, оттаскаю я за вихры этого стервеца!

А сам улыбался и явно гордился мальчишкой.

У очередной двери дремал стражник: меховая шапка сдвинута на лоб, грудь мерно поднимается и опускается. Ченг прошмыгнул мимо него, надеясь остаться незамеченным, но

споткнулся о выставленные ноги и стражник подскочил.

— Что? Где?! — выхватил из-за пояса мушкет и, заметив нас, закричал: — Подкрепление! Скорее!

Я похолодела. Оружия не было ни у кого из нас, но капитан набросился на стражника с голыми руками и попытался сбить его с ног мощным ударом в челюсть. Удар вышел смазанным, стражник пошатнулся, палец соскользнул с пускового крючка. Медальон кольнул меня электрическим током, и магия заструилась по венам, зацепила подушечки пальцев. Повинуясь минутному импульсу, я прыгнула вперед и выбросила ладони.

От них до стражника протянулись бело-голубые нити, тонкие и искрящиеся, наполненные силой. Стражник дернулся, точно его ударило током. А может, так оно и было. Я видела, как его тело сотрясают конвульсии, как он падает в беспамятстве на пол и, дернувшись, затихает.

Я опустила руки, дыша тяжело и быстро.

— Он жив? — испуганно спросила я.

К стражнику тут же подскочил Забияка, обнюхал лицо.

— Жив, — проурчал он. — Отличный выстрел, Мартин!

— И я пожимал тебе руку? — опасно произнес Фа Дэ-Мин и отстранился на всякий случай.

— Не знаю, как это получается, — призналась я, вытирая ладони о штаны и все еще чувствуя легкое покалывание. — Я еще не научился этим управлять.

— Скоро научитесь, — пообещал Умник, восторженно глядя на меня. Я чувала, он что-то недоговаривает, мой белый хитрюга. Может, сила зрела во мне так же, как вызревала Оракул? Как крепили сами драконы? Оставалось надеяться, что со временем мы разберемся во всем.

Тем временем Ченг отпер дверь, капитан Фа забрал из рук капитана и мы проследовали дальше. Я заметила, что и Ченг, и капитан Фа стараются держаться от моих духов на расстоянии, видимо, еще немного опасались их. Зато в такой компании бежать по темным коридорам оказалось не так страшно. Грызла только одна мысль: успеем ли? Найдем ли покои королевы и найдем ли артефакт?

— Сейчас налево, — сказал Забияка, поворачивая на развилке.

— С чего взял? — возразил ему Умник. — Я точно знаю, что направо.

— Да тебе откуда знать? — усмехнулся Черный дракон. — Всю жизнь просидел в поместье Адлер-Кёне и про Кентарию только из книжек узнал.

— А ты узнал из похмельных видений хозяина, — огрызнулся Белый дракон. — Здесь планировка типовая, там тронный зал, — он махнул хвостом, — там выход в летний сад, а туда значит покои.

Я вспомнила, что в тронный зал действительно меня вели по тому пути, куда указал Умник, хотя на стенах что тут, что там одинаково сияли настенные лампы, но голова собачьего дракона венчала только один свод.

— Решайте быстрее, — нетерпеливо сказал Фа Дэ-Мин, лаская трофейный мушкет. — Мне уже не терпится устроить революцию.

— Хороши революционеры! — грустно усмехнулась я. — Двое мальчишек и раненый капитан.

— Где раненый? — вскинул голову Фа Дэ-Мин. — Это? — он провел пальцами по тонкой ранке на шее и махнул рукой. — Пустяки! На настоящем воине все должно заживать,

как на собаке. А жожу я уже без трости, ты заметил, Мартин?

— Вы крепко держитесь на ногах, капитан, — с улыбкой ответила я.

— К тому же один из этих мальчишек умеет высекать из ладоней искры! — подхватил Ченг. — А другой, — тут он выпятил грудь, — в какую угодно щелку пролезет и любую закрытую дверь откроет! Не верите?!

— Верим! — хором с капитаном сказали мы и, не сговариваясь, повернули направо, чем вызвали недовольное шипение Забияки.

Пару раз на пути нам попадалась стража, но мы прятались в нишах, чтобы не вызвать лишнего шума, запертые двери исправно открывала отмычка Ченга. Потом нам пришлось замедлить шаг и отправить драконов на разведку. Присев на постамент, предназначенный для какой-то статуи, но теперь пустующий, я вытирала пот со лба и прислушивалась к внутренним ощущениям: не перетрясло ли мою малышку от быстрого бега? На меня ни Ченг, ни капитан не смотрели. Вытаращив глаза, оба глазели, как духи истончаются до едва заметной глазу беловатой дымки и всасываются в стены.

— Ты тоже колдун, Мартин, — покрутив головой, проговорил Ченг. — Где научился?

— Пообщался однажды с Оракулом, — уклончиво ответила я, а сама с тревогой думала, не заметит ли нас охрана? Не хотелось бы поднимать стрельбу и устраивать драку, тогда весь замок сбежится. А главное, с правителя станется привести с собой Дитера. Поднимет ли он на меня руку? Я старалась не думать об этом, стирая из воспоминаний каменное лицо генерала, и не думала о том, смогу ли сама поднять на любимого мушкет...

«Мы нашли покои королевы, госпожа», — шепнул в уши голос Забияки.

— Где? — выпалила я, не замечая, с каким удивлением воззрились на меня Ченг и капитан Фа.

«Сейчас поверните налево и пройдите через неприметные двери с драконами на ручках, потом дальше через анфиладу. Там никого сейчас, я прослежу».

«Нет, я! — возразил Умник. — Ты лучше с капитаном ищи покои правителя».

— Точно, у Элдора тоже был перстень, — подтвердила я.

Кто-то дернул меня за рукав. Я повернулась и увидела удивленный взгляд Ченга.

— Ты чего, а? — озабоченно спросил он. — Ты не спятил ведь?

Выражение его лица было таким озадаченным, что я едва не рассмеялась.

— Пока еще нет, — сквозь улыбку ответила я. — Я говорю с духами.

— Мысленно? — Ченг приоткрыл рот.

Я кивнула, и Ченг с капитаном переглянулись.

— Они рассказали, где искать королеву, — сказала я и поправила: — Бывшую фессалийскую королеву.

— Я с тобой! — подпрыгнул Ченг.

Я качнула головой.

— Мне помогут духи. Ты с капитаном лучше найдите правителя.

— Не рано ли распоряжаешься. Лейтенант? — задорно отозвался Фа Дэ-Мин.

— Простите, капитан Фа, — твердо ответила я, — но сейчас не до субординации.

— Без обид, Мартин! — поднял ладони капитан Фа, его глаза смеялись. — Ты брат генерала, ты общался с правителем, у тебя, в конце концов, магическая сила.

— Значит, договорились, — я поднялась с постамента.

— Береги себя, — сказал капитан Фа.

Поднял руку, точно хотел дотронуться до меня. Подержал на весу, потом опустил.

Я кивнула:

— Вы тоже.

Повернулась и пошла по коридору. Ченг и капитан скрылись в другом.

Идти одной оказалось страшновато. Оружия у меня не было, только магия и духи-помощники. Справлюсь ли я?

«Обязательно, госпожа», — отзываясь на мои мысли, сказал Умник.

Он материализовался прямо из стены справа и поплыл над полом, поглядывая на меня яркими синими глазами.

— Что? — спросила я, нахмурившись.

— Он вас любит, — мягко ответил Белый дракон.

— Кто? Дитер?

— Дитер само собой. Но я сейчас про капитана Фа.

Мои щеки вспыхнули румянцем, и я обеими руками пригладила волосы и вздохнула.

— Знаю... Что мне делать, Умник?

— Жизнь все расставит по местам, — уклончиво ответил дракон и махнул хвостом. — Нам сюда, госпожа.

Мы миновали анфиладу, пройдя под выбеленными сводами, здесь не было ни души, и шаги мои отдавались эхом от каменных стен. Если бы не уверения Умника, я бы никогда не подумала, что здесь живет женщина: все тот же темный камень, все та же аскетическая обстановка, что и в тронном зале. Посреди комнаты кровать под балдахин, возле стены платяной шкаф и единственное окно, забранное ажурной решеткой.

Где трюмо с зеркалами? Где хрустальные люстры? Где разноцветные пуфики, статуэтки, цветы? Даже вместо теплого запаха духов тут витал сухой и сладковатый запах тления. Не королевская спальня — могильный склеп.

— Как думаешь, Умник, где королева хранит артефакт? — вслух рассуждала я. — Тут должна быть или шкатулка, или потайная дверца.

— Может, в стенах? — предположил дракон. — Или в шкафу. Вы проверьте второе. А я первое.

Он снова растаял в воздухе, и я подошла к кровати, провела ладонью по шелковым одеялам — ледяные, словно в комнате долгое время не топили камин. Здесь, действительно, было холодно, но довольно сухо. Створки шкафа открылись легко, но снова к моему изумлению внутри не висело никаких платьев, только бесформенные накидки и ткани, да внизу пара простеньких туфель. Ни драгоценностей, ни роскоши. Чего ты добилась, Анна Луиза? Желала стать властелином нескольких стран, а прозябаешь в нищете как монашка.

— В стенах ничего нет, — доложил Умник, являясь за моим плечом. — Ни ходов, ни тайников.

— Странно, — рассеянно сказала я, вспоминая, как во дворце фессалийского короля нашла тайник за королевским портретом. Поворошила ткани, ощупала дверцы, потом залезла в шкаф, чтобы ощупать заднюю стенку.

И тут услышала шаги и знакомый скрип колес.

«Прячьтесь, госпожа!» — предупредительно шепнул Умник, но я уже и так поняла, что скоро в покоях появится их хозяйка.

Что же делать?!

Я прижалась к дальней стене и закрыла створки, оставив только узкую щель, сквозь которую была видна часть кровати и входная дверь. Умник растаял белыми искрами и уселся

на моем плече полупрозрачной уменьшенной копией себя.

Я ждала. Сердце колотилось все сильнее, пощипывали пальцы, собирая магическую силу. Если Анна Луиза обнаружит меня и попытается позвать стражу, я ударю ее молниями. Только бы суметь! Но еще лучше дожидаться, пока она уснет. Быть может, перстень она носит при себе? Скорее всего, так.

Хлопнула дверь. Скрип стал отчетливее, на стенах зажглись ночники, озарив комнату тусклым желтушным светом.

— Прикрути лампы! — послышался скрипящий голос Анны Луизы, говорила она по-кентарийски. — Не видишь, глаза режет?

Дробные шаги, шорох и свет стал приглушеннее.

— Так-то лучше. Теперь помоги...

Снова сухой шорох, хряхтенье, скрежет и сухое пощелкивание. Забыв дышать, я припала к щелке и ждала. Вот комнату пересекла горбатая тень: Анну Луизу вел под руки молодой и крепкий слуга. Даже в таком плачевном состоянии коронованная развратница окружала себя красавцами! Мне стало противно, и я зажала ладонью рот, чтобы не выдать своего присутствия.

Кровать под грузным телом королевы скрипнула и прогнулась, с головы слетел капюшон, и я увидела обезображенное лицо Анны Луизы так близко, что мне пришлось зажмуриться, чтобы справиться с отвращением.

Каменная горгулья, вот что приходило на ум.

— Забери маску, — велела тем временем королева. — И помоги лечь. Осторожнее, болван! Сломаешь мне ноги, возьму твои!

Она засмеялась шелестящим смехом, закашлялась, и я видела, как с ее губ слетают облачка пыли. Слуга аккуратно уложил свою повелительницу, принял из ее рук маску и подал стакан воды. Анна Луиза выпила воду, держа стакан одной рукой. Вторую она прижимала к груди, если, конечно, это бесформенное серое нечто можно было назвать рукой. Я вспомнила, как ломались каменные пальцы, когда взгляд василиска полоснул по королеве в упор, и сглотнула.

— Подушки повыше, — командовала Анна Луиза. — И дай мне книгу. Не видишь, дурак? На столике лежит. А сам убирайся.

— Может, желаете массажа? — подал голос слуга.

— Не сегодня, я слишком устала для этого. К тому же, — она хихикнула, — для массажа у меня есть фессалийский монстр. А он не чета тебе!

Вот как! Я вскинула в возмущении голову и вся вспыхнула от злости. Заставляет делать Дитера массаж? Какая наглость! Какое вопиющее бесстыдство! Грязная, старая ведьма с окаменевшим лицом, ты ответишь за все!

Хотелось высказать все это вслух. Но я молчала и смотрела во все глаза.

Слуга поклонился и удалился, оставив кресло-каталку у входа. Анна Луиза взяла книгу и какое-то время лежала, держа открытые страницы у того, что осталось от ее лица. Ее грудь тяжело поднималась, дыхание вырывалось с хрипом, и каменная крошка сыпалась на покрывало. Наконец, книга выпала из ее разжавшихся пальцев. Губы Анны Луизы растянулись в усмешке — ничего более мерзкого я не видела в своей жизни!

— Три, четыре, пять, я иду искать, — медленно проговорила она. — Выходи, ящерка. Довольно игр, я нашла тебя, чертовка.

Она повернулась в мою сторону и, вытянув палец, указала прямо на шкаф.

Я замерла, словно еще на что-то надеялась. Сердце выскакивало из груди, и мне казалось, если сидеть тихо-тихо, как мышка, то станешь невидимой, и все чудовища обойдут тебя стороной.

Но это было возможно только в детстве, а я давно уже не ребенок, и дворцовые интриги — не детская игра.

— Выходи добровольно! — прикрикнула Анна Луиза, приподнимаясь на подушках. — И ты, и твоя мерзкая ящерица! И поживее, пока я не позвала черных всадников и они не выволокли вас обоих!

Я возмущенно закусил губу, но все-таки приоткрыла дверцы шкафчика и выбралась на свободу — неуклюже, молча и пристыженно.

Здоровый глаз королевы заблестел. Она окинула меня знакомым взглядом, каким окидывают знатные элегантные дамы дурно вырядившихся простушек, уголок рта насмешливо пополз вверх.

— Очаровательно, — протянула она. — Время идет, а люди не меняются. Ты все также любишь рыться в чужих вещах и подслушивать, маленькая свинка.

Я вскинула голову и сжала кулаки, порываясь ответить, но перед моим лицом всплыл полупрозрачный дракон и зажал мне рот хвостом.

— Держите удар, госпожа! — тихонько взмолился он. — Не нужно пороть горячку!

— А ты умен, — похвалила Анна Луиза. — Знаешь, что лучше не спорить с тем, кто заведомо тебя сильнее.

— Легко быть сильным под защитой неубиваемых чудовищ, — угрюмо ответила я. — Или, как вариант, чужого мужа.

— Кому муж, а кому давний друг сердца, — все тем же невыносимо елейным голосом ответила Анна Луиза.

— Которого вы зачаровали и обманом и ложью заставили служить себе!

— А разве ты, маленькая ящерка, не сделала того же? — хихикнула королева. — Зачаровала своей чистотой, которую я назвала бы неопытностью. Наивностью, которую я бы назвала глупостью. Ты привязала Дитера, как хозяин привязывает собаку к конуре, время от времени бросая ему сахарную косточку. Но Дитер — матерый пес, рано или поздно он поймет, что старые хозяева куда лучше новых.

— Дитер не пес! — огрызнулась я, сжимая и разжимая кулаки. Внутри меня все дрожало от возмущения, в ладонях скапливалось электричество.

— Он василиск, — ответила Анна Луиза. — А это куда хуже. Он — воин, созданный ради войны. Его жизнь — битва, и мирная жизнь не для него.

— Вы ошибаетесь! — возразила я.

— Да неужели? — мерзкая ухмылка снова исказила губы королевы. — Не потому ли ты переделалась мужчиной и поехала за ним на войну? Дай-ка угадаю... услышав об опасности, Его Сиятельство не пожелал оставаться в семейном гнездышке. Ты, конечно, была против, и Дитер, конечно, согласился с молодой женой. Вот только наутро ты не обнаружила его в супружеской постели, только записку: «Прости, любимая. Уехал на войну». А может, и записки не оставил...

Я задыхалась, слушая ее слова. Они били точно в цель, и от этого становилось еще больнее.

— Оставил, — с трудом выдавила я.

Анна Луиза запрокинула лицо и расхохоталась. С подбородка посыпалась серая пыль,

покрыла тонким слоем шелковое покрывало.

— Боже, Дитер неисправим! — утирая слезы, сказала королева. — Вот видишь, дитя, я знаю василиска куда лучше тебя. И даю ему то, чего просит его душа. И моя, конечно. Теперь он слушается меня, захочу — будет целовать пыль под моими ногами или... — она недвусмысленно приподняла бровь, — или что-то еще.

Я подскочила, словно меня подбросил удар тока. С пальцев сорвались голубые молнии и разбились о натертый паркет.

— А вот этого не нужно! — прикрикнула Анна Луиза и, подняв руку, показательно покрутила кулон: перстень с гранатом на золотой цепочке. Значит, я была права?! Моя Тея не ошиблась?!

— Пока у меня есть эта штучка, настоятельно советую тебе воздержаться от магии, — сказала Анна Луиза. — И ящерицу держи при себе, иначе я отправлю духа туда, где ему и место — по ту сторону Черного Зеркала.

Умник, кажется, струхнул. По крайней мере, побледнел, почти сливаясь с воздухом, присмирел и затих.

— И что вы... хотите? — с усилием спросила я.

— Разве ты еще не поняла? — удивилась королева. — Хочу исцелиться с помощью крови василиска, вернуть себе молодость и красоту. Ну и попутно, — она кокетливо улыбнулась, что с каменным лицом выглядело довольно жутко, — вынудить бывшего муженька подписать капитуляцию и отказаться от трона в мою пользу. Если бы ты знала! — она закатила уцелевший глаз. — Сколько я мечтала об этом, сидя в своей темнице, куда меня заточил этот слюнтяй! Как я ненавидела его! Как лелеяла планы мести в своем сердце! О, это непередаваемое ощущение, знать, что дни твои сочтены, и никто никогда не поможет тебе, и ты обречена на вечную муку, на эту медленную и мучительную смерть!

Я тяжело дышала, слушая откровения королевы, кровь стучала в висках, электрические импульсы покалывали пальцы. Мне нужен был перстень, висящий на ее шее. Ах, если бы могла его взять!

«Ты сможешь?» — мысленно спросила Умника.

«Попробую, госпожа», — ответил дракон.

И окончательно растворился в воздухе.

— Но потом, — самозабвенно продолжала Анна Луиза, продолжая все яростнее крутить перстень, — мой сердечный друг, ярл Элдор, помог мне сбежать и открыть Черное Зеркало. Мы снова были вместе, он принял меня и такой. Объединив усилия, мы смогли позвать чудовищ из другого мира. И теперь я готова отомстить всем своим обидчикам!

Тут ее глаз завращался и уставился на меня. Я вздрогнула, втянув носом воздух.

— И главным образом, отомстить тебе и Дитеру, — закончила Анна Луиза.

Гранат вдруг между ее пальцами вспыхнул кроваво-красным. Королева вскрикнула и сжала кулак.

«Прости, госпожа! — услышала я скрипящий голос Умника. — Не могу... не получается!»

С громким сухим щелчком он появился из воздуха и, обессиленный, упал на пол.

— Вор! — зашипела Анна Луиза. — Гадкая тварь! Хотел поживиться моим сокровищем? Не выйдет! Стража! — завопила она во весь голос. — Сюда!

Мои мысли заметались. Может, успею нейтрализовать королеву, пока она одна и беспомощна? Может, удастся вырвать артефакт мне?

В животе шевельнулась Тея, но я не поняла, предостерегает она меня или подбадривает. Так, может, рискнуть?

Я вскинула руки, и на пальцах замерцали крохотные молнии. Но сделать ничего не успела. Распахнулась дверь и на пороге появился сам правитель Кентарии собственной персоной.

— Стоять! — прорычал он. — Или я убью его!

Он вытолкнул вперед перепуганного Ченга, у горла мальчишки блеснуло лезвие ножа.

17. Черное Зеркало

— Я знал, что вы пробовать бежать! — произнес Элдор, с ненавистью глядя из-под черных медвежьих бровей. — О, хитрые лисы! Но я ставить на вас капкан!

Он неприятно засмеялся, словно пес залаял, а Ченг всхлипнул. Его руки были связаны за спиной, на скуле свежел синяк.

— Прости, — виновато пробормотал он. — Я пытался, но...

Глаза у мальчишки были несчастными и мокрыми от сдерживаемых слез.

Я понимаю тебя, Ченг! Так понимаю! Мы действительно пытались, но враг слишком силен! Удастся ли победить?

Мой дух-дракон все еще лежал на полу и лишь изредка дергал хвостом, показывая, что жив, только сильно контужен. Я мысленно звала его, но Умник не откликался. А где же Забияка? И где Фа Дэ-Мин?

— С ними был третий, — с кровати донесся голос королевы.

Вот ведь, проклятая ведьма! Неужели читает мысли?!

— Не было, — возразил Ченг. — Мы вдвоем сбежали.

— Был кто-то еще, — упорствовала Анна Луиза. — Элдор, дорогой, ты сам сказал, что поймали троих шпионов.

— О, да! — согласился правитель. — Лисы быть в клетке, а теперь пойдут на воротник.

И засмеялся снова.

— Если вы про капитана Фа, — возразил Ченг, — то мы не стали его спасать. Он гадкий человек.

— Не спасать друга? — поднял брови Элдор.

— Какой друг! — дернулся мальчишка, и лезвие кольнуло его кожу. — Нет, нет! Не друг, он командир. Плохой командир, вечно нас гонял, вечно недовольный. Всегда драл розгами, если что не так.

— И всегда насмехался, — подыграла я, при этом не сильно кривила душой, если вспомнить наше первое знакомство с Фа Дэ-Мином. — И кормил плохо.

— Я понимать, месть, — оскалился в усмешке Элдор. — Все равно, вы умереть!

— Не сразу, дорогой, — проворковала Анна Луиза. — Сначала заберем у них нечто нужное нам...

— Конечно, — прохрипел Элдор и швырнул Ченга на землю, потом подошел ко мне и выкрутил руку. Я заметила, что на пальце правителя сверкнул точно такой же перстень, что и у Анны Луизы, но не успела ничего сделать и выгнулась от боли, зашипев сквозь зубы. Элдор скрутил мне запястья шнуром, который сорвал с балдахина.

Тем временем Анна Луиза прозвонила в медный колокольчик. Комната наполнилась звоном, эхо откликнулось далеко за дверью, прокатилось по коридорам. Звук резонировал во мне, и моя малышка снова вздрогнула и заворочалась. Если бы я приложила ладонь к

животу, то ощутила бы маленькую ручку или пяточку, но я не могла ничего сделать и не двигалась, ожидая, что вот-вот произойдет что-то дурное.

И это произошло.

Черный рыцарь, мой заколдованный Дитер вошел в покои привычно чеканным шагом, и у меня подкосились колени. Я ничего не могла с собой поделаться, я так любила его и каждый раз при взгляде на пустое лицо, меня охватывала неизбывная тоска. Что они сделали с тобой, любимый? Что они сделали со всеми нами?

— Подойди, — сказала Анна Луиза.

Дитер послушно пересек комнату и склонился над чудовищем, прижался губами к окаменевшей руке.

— Моя госпожа, — механически проговорил он.

Я отвернулась, сглатывая набухающие слезы. Рядом шумно дышал Ченг, но мне уже было все равно, что он подумает и скажет. Игра заканчивалась, и маскарад вместе с ней.

— Скажи, ты знаешь этих людей? — словно издеваясь, спросила Анна Луиза.

Василиск повернул голову в мою сторону, но в очках не вспыхнуло ни огонька, ни тени заинтересованности.

— Нет, моя госпожа, — глухо ответил Дитер.

Я едва не до крови закусил губу. Малышка в моем животе болезненно сжалась, и мое сердце заныло.

— Вспомни, — одними губами прошептала я. — Небесный Дракон и Звездная Роза...

На что я надеялась, глупая? Дитер стоял прямой и неподвижный как камень.

— О, наши пленники любят звезды! — меж тем хохотнул Элдор. — Готов устроить это сейчас же! Что скажешь, дорогая?

— Я ждала этого так долго, — жутко улыбнулась Анна Луиза и слегка приподняла каменную руку, от которой тут же откололся кусочек и рассыпался в прах. — Дитер, милый! Открой нам Зеркало!

От этих слов меня сковало как льдом. Не в силах пошевелиться смотрела, как мой любимый механически крутит спрятанный за балдахином скрипучий ворот. Тут же раздались лязг и скрежет, заработали невидимые шестеренки, и сперва мне почудилось, что кругом идет голова, но вскоре я поняла — это потолок вращается надо мной и разламывается на две половинки, обнажая черное, без малейших звездных пятен небо.

Ченг тоже задрал голову и приоткрыл рот, на его лице страх боролся с любопытством. Умник вздрогнул, и по его телу пробежали мерцающие искры, он глухо зарычал и тоже поднял морду, все еще не размыкая век.

Зеркало оказалось черным-черным, а его поверхность — жидкой и густой, как нефть, и медленно закручивалась по часовой стрелке. Внутри нее дрожали молнии. Не зеркало — небесный водоворот.

— Оно открывается раз в тысячу лет, — услышала я прерывающийся от восторга голос ведьмы. — Но мы, мой друг, смогли открыть его сами! Ты чувствуешь его мощь?

— О, да! — захрипел правитель Элдор, сжимая и разжимая кулаки. — Это сильная магия! Великая мощь!

Я чувствовала тоже. Меня на время словно парализовало, словно сам воздух сгустился и стал вязким и топким, не хватало воздуха, на волосах и пальцах потрескивало электричество. Я тихонько застонала и сжала кулаки, пытаюсь заодно выволить руки из петли шнура. Где же Забияка и капитан Фа? Если их не поймала стража, почему они не идут? Сбежали?

Стало холодно и неудобно. Нет, я не должна думать о предательстве! Такого просто не может быть!

— Мы будем могущественными правителями! — продолжала говорить Анна Луиза, извиваясь на постели и роняя каменную пыль. — Как только я встану на ноги, а с помощью василиска это случится очень скоро, мы станем владетелями сильнейших королевств! А после и богами!

— Когда возьмем силу Оракула, — подал голос правитель Элдор.

Я подскочила и в неверии воззрилась на него. Не ослышалась ли? За моей спиной раздался мерзкий смех ведьмы.

— А ты не знала? — издевательски спросила она. — Милая дитя, ты думаешь, для чего мы искали тебя по всей стране? Думаешь, ты представляешь для меня хоть какой-то интерес? Нет, милая, ты — не Дитер.

Я задержала дыхание, боясь пропустить хоть слово, и видела, как округлил глаза Ченг. Понимаю, мальчик, для тебя сейчас слишком много сюрпризов. Для меня тоже.

— Оракул, — сказала Анна Луиза. — Вот, что нам нужна. Сила всевидящей, всезнающей и вечной хранительницы тайн мироздания. Кто бы мог подумать, что эта сила сейчас в твоём чреве, чертовка? Готова отдать на отсечение руку, — она издевательски шевельнула каменными пальцами, — что ты и понятия не имеешь, какая честь тебе оказана грязная простолюдинка.

— Баронесса, — выдавила я. — А ныне герцогиня Мейердорфская.

Анна Луиза расхохоталась, ей вторил Элдор, и Черное Зеркало подернулось рябью, как будто тоже отзывалось на смех.

— Ты можешь обмануть глупого Максимилиана, — сказала ведьма. — Но не обманешь древнюю магию, — она подняла перстень и приложила к здоровому глазу, глянув на меня сквозь камень. — Я вижу тебя насквозь. Чужеземка, имя которой стерто со скрижали памяти. Наверное, ты не раз размышляла, для чего тебя призвали в этот мир? Так я скажу. Древние Боги посчитали, что ты будешь хорошим сосудом для Оракула, пока она не окрепнет. Чужая кровь и проклятая кровь — вот ингредиенты для зарождения чуда. Но довольно! — Анна Луиза опустила цепочку, и перстень ударился о каменную грудь. — Пора вершить ритуал. Дитер, дорогой. Слушай волю мою, достань нам Оракула из этой дряни! Мои страшные боги будут рады получить такой подарок!

— Нет! — закричала я, изворачиваясь всем телом и теперь еще сильнее дергая узлы. — Дитер, не делай! Пожалуйста!

Он шагнул ко мне, на ходу вынимая нож. Страшно блеснуло лезвие, блеск отразился в безднах очков, и Зеркало над головой завращалось все быстрее, словно древние боги ждали и дрожали в нетерпении, предвкушая жертву.

— Нет! — заорал и Ченг и кинулся наперез. Правитель Элдор зарычал и отбросил его пинком. Взвизгнув от боли и обиды, Ченг повалился на пол.

— Пожалуйста, любимый! — прошептала я, слезы грозились сорваться с моих ресниц, но никак не проливались. Даже когда Дитер схватил меня за волосы, заставляя смотреть в свое лицо, даже когда лезвие ощутимо кольнуло ребра.

— Любимый, — произнесла я медленно, пытаюсь пробить эту колдовством нарощенную бронь. — Пожалуйста, вспомни меня! Я Мэрион. Маша! Твоя любимая и жена.

— Я должен выполнить приказ, — мертво процедил Дитер и сжал меня сильнее. Сердце испуганно подскочило к горлу, Тея забилась в животе, и меня пронизала острая боль.

Я знала, она все понимает, чувствует, что ей грозит. Может, тоже пыталась достучаться до отца, и я поспешила помочь ей.

— Если ты выполнишь приказ, — заговорила я, — то убьешь не только возлюбленную и свою жену. Ты убьешь мать своей дочери. Дитер, пожалуйста, вспомни! У нас есть дочь! — выкрикнула я в его лицо, усиленно царапая узлы. Показалось или они немного поддались? — Я говорила тебе в Мейердорфском замке, говорю и теперь. Вспомни, может, она появлялась не только в моих снах? Маленькая девочка с темными волосами и зелеными глазами. Она дала тебе перстень!

Лицо Дитера дрогнуло. Брови сдвинулись к переносице, в очках промелькнул золотой огонек. Он хрипло задышал, и я почувствовала, как дрожит его рука.

— Не медли! — закричала Анна Луиза. — Кончай ее быстрее!

— Не делай! — поспешно перебила я, прижавшись к его груди. Теперь я чувствовала его сердце — тук-тук, тук-тук. Оно тревожно билось сквозь броню. Не каменное, живое. — Вспомни, как мы смогли снять проклятие! Наша любовь оказалась сильнее любой магии, любых козней! Сними же очки, любимый! И вспомни меня...

Все еще прижимая ко мне нож, другой рукой он взялся за ремешок, как всегда застегнутый вокруг его головы. Я увидела золотистое свечение, но не отвела взгляд. Какая разница, окаменеть или погибнуть от ножа? Мне не на кого рассчитывать, не у кого просить помощи. Свою судьбу мы кует сами, и чтобы стать сильнее, сначала мы должны стать, как расплавленное железо, потом окрепнуть, как лучшая сталь.

Он снял очки.

Его взгляд был тревожным и болезненным. Я видела, как расплавленное золото перетекает в его зрачках. Если он захочет — то вспыхнет, как солнце. И тогда не станет ни меня, ни Теи. И я смотрела на него так, как может смотреть влюбленная женщина на мужа. И бесконечно повторяла про себя: пожалуйста, вспомни. Пожалуйста...

— Я... помню, — прошептал Дитер.

Лезвие скользнуло вниз. Я не успела ни испугаться, ни вскрикнуть, зато почувствовала, как натянулись и лопнули узлы. Рывок — и руки мои на свободе! Я прильнула к Дитеру, спрятав лицо на его груди. А он приложил ладони к моему животу и нежно погладил.

— Я помню, — повторил он. — Глупая, как могла подумать, что я забыл про вас?

— Убить! — завизжала Анна Луиза. — Стража! Всадники! Убить обоих! Немедля!

— Предательство! — захрипел правитель Элдор.

Потом все произошло слишком быстро.

Элдор бросился на нас. Сверкнуло лезвие ножа, со свистом испарывая воздух.

Откуда-то с неба донесся рев, словно медведь проснулся в своей берлоге и заревел, потревоженный неудачным охотником. И снова свист, и еще одна тень, свалившаяся буквально нам на головы.

Метнувшись между мной и Элдором, человек вскинул мушкет. Раздался выстрел, запах пороха. Потом вскрик. И еще один.

Я увидела, как Элдор взмахнул руками. А потом упал. Почти одновременно с тем, кто спас меня и Дитера, загородив собой.

Не веря своим глазам и дрожа как в лихорадке, я видела, как на паркет оседает мой спаситель, мой несносный преследователь и несчастный влюбленный — альтарский капитан Фа Дэ-Мин. Из-под его ладони, прижатой к левому боку, хлестала темная кровь.

Это запечатлелось в моем сознании, точно фотоснимок.

Кровь на полу, посеревшее лицо капитана, его темные, слегка расширенные от удивления и боли глаза.

Сейчас он показался мне удивительно молодым, почти мальчишкой. Я вспомнила, как он умирал от яда тварей из Туманного Лога, вспомнила, с каким задором он играл в пьяную катарангу. Все это пролетело в мимолетной вспышке, и время словно замедлилось.

Я видела, как левый рукав Элдора тоже краснеет, как гримаса ненависти искажает грубые черты его лица. Воздух вдруг сделался совсем вязким, и я с дрожью заметила, как в нем застывает летящая прямо в меня картечь.

— Бе-ги-и! — услышала я искаженный, как в замедленном воспроизведении, голос Дитера.

Так же медленно он развернулся, выставив затянутую броней грудь. Его глаза вспыхнули, как маленькие сверхновые. И я невольно вскинула руку, заслоняясь от невероятного свечения. Но мышцы повиновались с трудом, и сзади меня что-то полыхнуло алым заревом.

Толчок был такой силы, что я рухнула на пол.

В последний миг увидела, как картечь разбивается о броню Дитера, и черты его лица искажаются в гримасе боли, не менее сильной, чем у капитана Фа.

— Дитер! — закричала я, вкладывая в крик всю боль, все отчаяние, всю свою любовь.

Меня накрыло свинцовой тяжестью, я едва обернулась назад, чтобы уловить свечение перстня на шее Анны Луизы.

«Неужели все? — подумалось мне. — Прощай, любимый Дитер. Прощай, смелый Фа... Мы даже не смогли сказать друг другу что-то важное...»

Как жаль, что так вышло. Как жаль, что все кончается вот так. Я не хотела этого. Я все бы отдала, чтобы была возможность повернуть время вспять!

Закрыв глаза и стискивая зубы до боли, я в последней попытке прижала ладони к животу, стараясь уберечь мою девочку от надвигающейся гибели. Пусть знает, что папа и мама до последнего защищали ее...

Потом мир завертелся, Черное Зеркало надо мной выгнулось и опустило в разлом на потолке длинный и черный щуп, похожий на вращающееся торнадо. Я все еще пыталась отползти, но раструб щупа коснулся моей макушки. Я почувствовала еще один толчок.

И меня засосало в черноту, где не было ничего, кроме вращающейся бездны — ни стен, и пола, ни потолка, ни звезд. И я висела, будто в воздухе, как та Алиса, что провалилась в кроличью нору и зависла в бесконечном падении.

Может быть, так и приходит смерть?

Я глубоко вздохнула и закрыла глаза. Тогда пришло ощущение полета, голова поплыла, и я распахнула ресницы, пытаюсь понять, чудится ли это мне или происходит на самом деле.

Открыла — и увидела Тею.

Она кружилась рядом со мной, платье вздыбилось колоколом, а распущенные волосы обрамляли лицо, как черное облако. Тея улыбалась и сказала:

— Привет, мамочка.

Ее голос был подобен ангельскому колокольчику, в зеленых глазах таилось лукавство.

— Тея, — смогла выдохнуть я. — Мы... умерли?

Сколь трудно же мне было произнести это страшное слово! Я гнала его, но все-таки звук выстрелов, запах крови, мой Дитер, в грудь которого влетает картечь и раненый капитан не шли из головы.

— Нет, — ответила девочка, и будто камень свалился с души, но Тея тут же коварно добавила: — Еще нет. Черное Зеркало открылось и ты провалилась во временную воронку.

— Что это значит? — с недоумением спросила я, все еще продолжая падать.

Было не страшно, хотя и немного тревожно.

— Это значит, что два камня-магнита активизировались и создали пространственно-временной коридор между мирами и их вероятностями, — начала объяснять Тея, но, поймав мой недоумевающий взгляд, звонко рассмеялась и легко, как акробат, перевернулась через голову, приблизившись ко мне и подмигнув зеленым глазом: — Прости, мамочка, я иногда говорю странные вещи. Но если ты действительно собралась меня родить и воспитывать, придется к этому привыкнуть.

— Я поняла... почти, — кивнула ей и тут же спросила: — А как же Дитер? И капитан Фа, и Ченг, и драконы? Почему они не попали сюда вслед за мной?

— Потому что только ты носишь в животике Оракула, — улыбнулась Тея. — Я думала, это очевидно. Иногда, во сне, я могу дотянуться и до папочки. Но сейчас это невозможно. Поэтому ты должна сделать выбор за всех нас.

— Какой выбор? — растерянно спросила я.

— Смотри!

Тея очертила рукой дугу. Справа от нее черноты посветлела, расплылась, сквозь тонкую прозрачную пелену проступили очертания города...

Я глянула и ахнула, а кровь побежала живее, волнуяще.

На горизонте вырастали высотки спального района, ближе зеленел сквер с фонтаном и уютными лавочками, покрашенными к лету, улицы, прямые, засаженные тополями, запруженные машинами, тянулись во все стороны, блестели трамвайные пути, мигал трехцветным глазом светофор. Я знала это место!

— Мой родной город, — в великом потрясении проговорила я и жадно распахнула глаза, чтобы не пропустить ни одной детали.

Прозрачная пленка, точно линза бинокля, приблизила одно из окон. Сквозь прозрачный тюль я различила родительскую квартиру, папу и маму, сидящих за обеденным столом. Линза мигнула, и показала мне подругу Юльку, гуляющую под ручку с однокурсником. Оба заливисто смеялись и, кажется, были счастливы. Потом мне показали мой университет, мою новую квартиру, мои цветы, поливаемые соседкой, которой я обычно доверяла ключи.

И острое чувство ностальгии вспыхнуло в груди и потащило с невероятной силой туда, где текла оставленная мною жизнь. Я вытянула ладони, желая прикоснуться к тому миру, но ладони уперлись в упругую мембрану, которую ни разорвать, ни расцарапать, и от обиды по щекам потекли слезы.

— Ты хочешь вернуться? — услышала я за плечом детский голосок.

Вздрогнула, моргнула, смахивая слезы.

— А разве это возможно? — жалобно спросила я и обернулась.

Тея больше не улыбалась, смотрела серьезно, понимающе.

— Из этого места возможно вернуться в любую точку мироздания, — ответила она. — Сейчас я показала тебе один путь. Теперь покажу другой. Смотри!

Она провела еще одну дугу, и новая линза возникла уже слева.

Это была Фессалия, прекрасная, как роза в пору цветения. Белоснежный и полностью отреставрированный Мейердорфский замок, холеные скакуны в конюшнях, а на площадке у фонтанчика маленькая люлька, накрытая кружевным розовым покрывалом. Подошел Дитер,

наклонился и поцеловал спящую в ней малышку, и я снова не смогла держать слез, и снова мое сердце забилося раненой птицей, а моя душа раскололась на части: одна тянулась в прошлое, другая всей душой желала остаться здесь.

— Твой выбор, — немного грустно произнесла Тея. — Я показала тебе две вероятности, теперь все зависит от тебя.

— Это слишком жестоко, — прошептала я. — Я не могу выбрать... Ведь если я останусь, родители и друзья будут думать, что я погибла. А если вернусь туда — то никогда не встречу Дитера, не полюблю и не рожу тебя...

— Всегда нужно чем-то жертвовать, — вздохнула Тея. — Капитан Фа пожертвовал жизнью ради тебя, мамочка, даже зная, что ты не будешь принадлежать ему. Наш папочка закрыл тебя от картечи, понимая, что может не увидеть моего рождения.

— Но если... если я останусь, — дрожащим голосом произнесла я, — ведь можно сделать так, чтобы родители не думали, будто я умерла? Чтобы они... были счастливы.

— О, да! — оживилась Тея. — Реальность можно скорректировать. Ты помнишь Мэрион?

— Это мое имя, — с удивлением ответила я.

— Ты позаимствовала его у юной баронессы вместе с титулом и судьбой, — улыбнулась Оракул, и теперь я заметила, что ее взгляд гораздо старше, чем мог бы быть у пятилетнего ребенка. Она и говорила так, взвешенно и мудро, как только и может говорить величайшая волшебница, рождение которой было предсказано духами.

— Бедная девочка пропала, когда ты заняла ее место, мамочка, — продолжила Тея. — Настоящая Мэрион отправилась в место, подобное тому, где сейчас находимся мы. Она впала все это время, но ты можешь дать ей шанс проснуться.

— И что случится тогда? — затаив дыхание, спросила я.

— Тогда она вернется в твой мир вместо тебя. Она полная твоя копия внешне, а по характеру настоящий кроткий ангел, — Тея задорно рассмеялась и лукавство снова вспыхнула в ее глазах. — Она с отличием закончит университет, устроится переводчиком и встретит молодого, но подающего директора одной развивающейся немецкой компании.

— И она полюбит его всем сердцем и выйдет за него замуж? — улыбаясь сквозь слезы, проговорила я.

— Обязательно! И родит твоей маме и папе чудесную внучку. Они назовут ее Таня.

Я плакала, уже не скрываясь и не вытирая слез.

— Пусть она скажет, — срываясь, попросила я, — пусть скажет им, что очень по ним скучала, и как сильно любит их...

— О, да! — оживилась Тея и ткнула пальцем в линзу. — Гляди! Она уже стучится в дверь!

Я жадно наблюдала, как моя мама вытирает испачканные мукой руки о передник и кричит папе, чтобы он открыл дверь. Как папа откладывает газету и идет открывать... и застывает на пороге.

— Маша! — говорит он, и мама кидается в коридор.

Девушка, точная копия меня, входит в квартиру и ставит на пол спортивную сумку.

— Я сдала сессию на отлично! — тихо, словно стесняясь, говорит она. — И так соскучилась по вам...

Они бросаются в объятия друг друга, и тоже не сдерживают слез. Прозрачное окошко наполняется туманом, бледнее, и наконец гаснет. Остается одно — там, где сидит над

люлькой коленопреклоненный Дитер.

Я тронула его изображение пальцем, провела по щеке.

— Я так тебя люблю, — прошептала я и обернулась к девочке. — И тебя люблю, моя маленькая Тея.

Она вспыхнула от радости, заулыбалась до ямочек на щеках и бросилась ко мне — ни Оракул, ни могущественная волшебница, — обыкновенный пятилетний ребенок.

Я обняла ее, чувствуя запах молока и сладости. Поцеловала в теплую щеку, и она уткнулась носом в мою шею и засопела, крепко-крепко обнимая ручками.

— Я люблю тебя, мамочка, — прошептала она и погладила по волосам. — Но у тебя есть всего десять минут.

— Я справлюсь, — ответно шепнула я.

— Тогда... ты готова?

Ответить я не успела. Тея стала таять, уменьшаться в моих руках, одежда исчезала, волосики на голове закручивались в пушок, и вот уже на моих руках не пятилетний ребенок, а младенец. Сладко закрыв глазки, малютка вздохнула и продолжила таять, прижимаясь к моему животу боком, пока не исчезла совсем, и я почувствовала наполнившее меня тепло — моя еще не рожденная девочка вернулась в люльку околоплодных вод, где ей придется сладко проспать еще несколько месяцев.

Только бы успеть!

Чернота снова завертела меня в штопор, дернула вниз, и я почувствовала, как под ногами спружинил и отвердел паркет. Проморгавшись, я увидела, что снова нахожусь в покоях Анны Луизы. Зеркало вращалось над моей головой, но уже гораздо медленнее, чем прежде. Над разломом в потолке, свесив удивленную морду, сидел Забияка. Так вот как капитан Фа попал сюда! Наверное, вместе с драконом прошел тайными ходами и явился в самый нужный момент.

Сам капитан стоял на одном мыске, пренебрегая всеми законами физики. Рядом в выпаде склонился Элдор. Лезвие его ножа блестело, нацеленное в бок Фа Дэ-Мина.

Я первым делом выбила его из рук правителя, потом скрутила с его пальца перстень и вытащила мушкет. Дитер склонился над полом, защищая меня. Хотелось бы оттащить его в сторону, но сил не хватало. Тогда я просто вложила ему перстень в ладонь, мушкет вложила в руки Ченга, а сама подняла валяющийся на полу шнур и скрутила Элдору руки. Потом прошла к постели, где лежала Анна Луиза и сдернула с ее шеи второй перстень и надела на свой палец. Присела над Умником, погладила по морде.

— Теперь мы победим, — пообещала я.

И время истекло.

В воздухе раздался тихий хлопок.

Капитан Фа вскрикнул, падая. Элдор дернул руками, и зарычал, обнаружив, что связан.

— Ченг! — закричала я. — Держи его на мушке! Дитер!

Мой генерал полоснул по мне взглядом, и все понял без слов. Подскочив, он шагнул к Элдору и взял его за горло.

— Испепели его! — верещала Анна Луиза, напрасно ища перстень. — Испепели их всех! Убей! Отдай на корм древним богам и черным всадникам!

— Убью! — прохрипел и Элдор, одним рывком разорвав узлы. О, этот кентариец действительно был силен! — Берегись, тварь!

— Василиск, — холодно отозвался Дитер. — Так называют меня на родине.

Его глаза полыхнули золотом. Я отвернулась, на всякий случай закрывая лицо. Инстинктивно следуя моему жесту, отвернулись и Ченг с капитаном Фа. А вот правитель Элдор не успел.

Я слышала, как завопила королева, осыпая всех нас проклятиями. Слышала шорох, с каким обычно осыпаются камни. Сквозь пальцы различила силуэт дракона, который спикировал вниз. Решив, что теперь можно, я оглянулась и не увидела Элдора — вместо него посреди комнаты стояла каменная статуя.

— О, святые духи! — потрясенно прошептал Ченг.

Забияка хлестнул по статуе хвостом, и камень разлетелся крошкой.

— А это — для тебя, госпожа! — насмешливо сказал Дитер, выделив последнее слово.

Золотая вспышка полыхнула снова. Анна Луиза выгнулась, и застыла, широко открыв рот, между ее губами стала скапливаться каменная пыль, и сами губы окаменели, и я встряхнула руками и полоснула по статуе молниями. С шумом и шорохом бывшая королева рассыпалась в прах.

Пыль, камень и мусор — вот, что осталось от Кентарийских правителей.

— Победа! — закричал Ченг.

— Победа! — заорал и капитан Фа.

А Забияка спикировал к Умнику и обнял его крыльями.

— Как ты, приятель? — спросил он.

Умник приоткрыл сапфировый глаз.

— Не дождетесь, — пробурчал он. — Я еще на именинах погуляю.

Я засмеялась, и вдруг почувствовала, как слабость накрывает меня с головой. Колени подогнулись, голова наполнилась звоном и я на миг провалилась в темноту.

А очнулась уже в заботливых объятиях, и такой родной и близкий голос повторял:

— Пичужка? Очнись, родная! Ты в порядке? А малышка?

Я вздохнула и ответно обняла Дитера.

— В порядке, — прошептала я и снова почувствовала, как слезы помимо воли капают из глаз. — Мы правда победили? Правда?

— Правда, — ответил Дитер и обнял меня крепко и нежно. — Я так боялся за тебя, любимая. Так боялся потерять тебя и дочку...

— Я тоже, Дитер, — мягко произнесла я. — Смотри!

Обняв его, я замороженно наблюдала, как Черное Зеркало вращается все медленнее и медленнее, сереет, почти сливаясь с рассветным небом.

— Нельзя допустить, чтобы портал открылся снова и привел за собой новых монстров, — серьезно ответил Дитер и снял с пальца перстень, покрутил в руках, рассматривая на свет.

— Но теперь мы можем управлять ими! — возразила я, показав и свой артефакт.

— Кто знает! — отозвался Умник, встряхиваясь, как пес. — Лучше не искушать судьбу.

Он подлетел ко мне и широко разинул пасть. Раздвоенный язык слизнул перстень с моей руки, как хлебную крошку.

— Ам! — весело повторил и Забияка, глотая перстень Дитера, и блеснул алыми глазами. — Жжется!

В момент, когда драконы проглотили атрефакты, Черное Зеркало растаяло совершенно, и небо заалело заревом восходящего солнца. Я счастливо вздохнула и прижалась к груди мужа, прошептав:

— Теперь у нас все будет хорошо. Мы так долго шли к нашему счастью...

— Ты и правда прошла через три страны, — засмеялся Дитер, глядя меня по животу.

— И даже из другого мира, — ответила ему и потянулась губами.

Он поцеловал меня, долго и сладко. Я зажмурилась от удовольствия, словно опять погрузилась в место, где не было ни пространства, ни времени. И только услышала удивленный вздох и обескураженный возглас Ченга:

— Ну ничего себе проявления братской любви!

Мы прервали поцелуй и прыснули от смеха. Я покраснела, спрятав лицо на плече Дитера.

— Что такое? — проворчал он. — Супругам не запрещено целоваться!

— Я подозревал, — грустно проговорил капитан Фа.

Оглянувшись, увидела его, усталого, улыбающегося немного печально. Но в его взгляде не было ни злости, ни тоски. Перехватив мой взгляд, он спросил:

— Так как же твое имя на самом деле, лейтенант?

— Мария, — улыбаясь, ответила я и слегка отстранилась от Дитера. — Прости, я не могла сказать раньше.

— Понимаю, — кивнул он. — Тогда... Позвольте, Ваше Сиятельство? — обратился он к Дитеру.

Генерал приподнял бровь, но ничего не сказал. Тогда Фа Дэ-Мин подошел ко мне, взял ладонь и почтительно коснулся ее губами.

— Простите, что был так несносен, — искренне произнес он. — И простите за мою самоуверенность. Первая любовь, как и иллюзии иногда больно ранят, но я приму этот урок, как подобает мужчине.

— Я люблю тебя как друга, Фа Дэ-Мин, — я нежно пожала его ладонь. — Мне хотелось бы, чтобы ты был счастлив.

— Так и будет, — улыбаясь, но все еще тая в глазах грусть, ответил он. — Я счастлив называться твоим другом. И если понадобится моя помощь, вы оба можете опереться на мое плечо. — Он повернулся к Дитеру и сдержанно кивнул: — Будьте счастливы, генерал. Вы заслужили такое сокровище.

— Будь и ты, капитан, — улыбнулся Дитер. — Горжусь, что мы сражались плечом к плечу.

«Мы еще найдем ему прелестную альтарку или фессалийку, госпожа», — мурлыкнул в голове Забияка.

«Может, и кентарийку, — подхватил Умник. — В конце концов, теперь вам всем придется проводить больше времени в Кентарии».

— Это еще почему? — вслух спросила я, моргая от удивления.

— Да потому, что стране нужна теперь сильная и справедливая рука, — подмигнул Умник. — Ведь король Элдор умер.

— Умер, — подхватил Забияка, — и да здравствует новый король Дитер!

— И наша прекрасная королева!

Оба дракона перевернулись в воздухе, хлопая крыльями и свиваясь хвостами. Глядя на их ужимки, я не смогла сдержать улыбки, хотя щеки заливал румянец.

— Королева, — повторила я и с сомнением посмотрела на Дитера. — Разве это возможно?

— Нет ничего невозможного, моя пичужка, — ответил он и снова притянул меня к себе,

погладив по животу. — К тому же, не забывай! Дочке нужно приданое.

— А Оракулу мама и папа! — подхватил Умник.

— И новая колыбелька, — кивнула я. — Дитер, ты не представляешь, какую колыбельку я видела в... ээ... во сне. А еще покрывало, расшитое цветами и отороченное кружевом, и...

— Мы займемся этим в ближайшее время, — пообещал Дитер.

Его взгляд светился восторгом и любовью. Я крепче прижалась к нему, погладила ладонью живот и ощутила, как Тея толкнулась внутри.

Спасибо тебе, дочка. Ты помогла мне сделать правильный выбор.

Мое сердце там, где моя семья.

Эпилог. И жили они долго и счастливо...

Тею клонило в сон. Сегодня она хорошо поела и теперь мирно посапывала, прижавшись пухлой щечкой к моей груди. Теплая, нежная, пахнущая молоком. Такая родная.

— Хотите, я отнесу ее в колыбельку, госпожа? — по-альтарски спросила седовласая Сонг. Пурпурное одеяние и татуированные кисти рук выдавали в ней монахиню со священного плато Ленг.

Они явились в Кентарию спустя месяц после закрытия Черного Зеркала — пять женщин и пять мужчин в монашеских одеяниях, и принесли лаванду, душистую смолу, приправы и четыре кристалла горного хрусталя, которые расставили в каждый из углов моей спальни, а два духа-дракона, вымахав каждый с буйвола, теперь охраняли западную и восточную башни.

— Это убережет вас и новорожденного Оракула от зла, — поклонившись, сказала Сонг, которая была у монахов за главную. Она и принимала роды.

Тея родилась на рассвете, когда в Альтаре еще всю зрели плоды, а в Кентарии траву сковывал легкий морозец. Хотя Дитер предлагал мне вернуться в Империю Солнца или хотя бы в Мейердорфский замок, я напрочь отказалась от этой мысли. Пусть климат в Кентарии и был более северным, зато здесь были могучие сосновые леса, свежайший воздух, полноводные водопады и люди, которые сначала встречали нас с осторожностью, но постепенно открывали свои суровые, но все-таки человеческие сердца.

У Элдора не оказалось ни наследников, ни родных. Сначала Дитер воспринял в шутку идею стать кентарийским правителем, но вскоре эти слова не показались такими уж смешными. Во-первых, Дитер избавил страну от ужасных черных всадников, которые пропали вместе с Черным Зеркалом, и граждане Кентарии оценили этот поступок. Во-вторых, после гибели Элдора в его армии началось брожение, и только твердая рука василиска могла снова вернуть порядок.

Пока совет старейшин не без давления со стороны Фессалии и Альтара постановил сделать Дитера наместником кентарийского престола, страна всю готовилась к коронации, а мы готовились к чуду рождения, поэтому не спешили.

Теперь, баюкая на руках мирно посапывающую дочурку, я думала, как верно оказалось предсказание старой О Мин-Чжу: Тея остановила войну и закрыла портал в чужие миры, откуда нам могли грозить новые чудовища и бесчисленные беды. Мы все надеялись, что навсегда.

Мои верные друзья и помощники вернулись в Альтар. Ганс — к любимой Жюли, Фа Дэ-Мин — к родителям и сестре, а заодно забрал с собой и Ченга, о котором пообещал заботиться, на что мальчишка ответил такой хитрой улыбкой, что я поняла: легко не будет.

Шэна мы попросили остаться на время.

— Я знаю, что в Альтаре тебя ждут дела, — сказал Дитер, а я подмигнула, в лукавой улыбке послав безмолвное: «И дочь», а Шэн тепло улыбнулся в ответ и тоже подмигнул мне, — но твоя помощь будет неоценима, особенно в качестве королевского министра.

— Уже примерил корону, Ди? — приподнял брови Ю Шэн-Ли.

— Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом, — рассмеялся Дитер. — Я видел, в каком упадке находится Кентария, как запуганы местные жители, сколько неиспользованных природных ресурсов только и ждут, чтобы ими занялась хозяйская рука. Так почему бы не попробовать? Тем более, когда у меня есть такие мудрые и опытные люди, как ты, Шэн.

— Ну, если я нужен тебе только как специалист...

— И как друг! — быстро заверил Дитер и подал протянутую руку. — Без друзей и близких мы — пушинки, влекомые ураганом.

— Я буду счастлив работать с тобой, Ди, — ответил Шэн и пожал протянутую руку, а потом поклонился мне. — И с тобой, лейтенант альтарской гвардии и новая королева Кентарии.

Тогда мы обнялись.

Теперь же, когда все позади, слушая тихое дыхание малышки, вдыхая молочный запах ее волос, я слушала, как шумят за стенами сосны, как где-то в глубине нашей резиденции тикают ходики, и сквозь дремоту слышала, что кто-то мягко крадется за спиной. Подходит ближе, обвивает сильными руками, целует в макушку.

— Не хочешь немного поспать, моя королева? — тихонько спросил Дитер, щекоча горячим дыханием мое ухо.

— Жалко тревожить Тею, — ответно шепнула я, слегка поворачивая голову и утыкаясь носом в колючую щеку. — Мм! Опять всю ночь корпел над своими бумагами?

— Только утро, дорогая. Не волнуйся, я не переутомляюсь. А вот ты...

— Мне помогает Сонг и Марта.

— И все же тебе нужно больше отдыхать.

Он наклонился и слегка коснулся губами лобика Теи. Малышка спала так крепко, что ничего не почувствовала, только чему-то заулыбалась во сне.

— Однажды наша девочка станет величайшей волшебницей всех королевств, — вздохнула я. — Но посмотри теперь, какая она незащищенная и маленькая, правда?

— Пока ее мама воин, а папа василиск, ей ничего не грозит, — тихо засмеялся Дитер и поцеловал меня в губы. Я ответила на поцелуй, растворяясь в тепле и неге. Так уютно, так хорошо...

Вздыхнув, я положила голову на плечо мужа и сквозь дрему услышала шепот мужа:

— Отдыхайте, мои маленькие птички. Вы обе этого заслужили, а беречь ваш покой буду я.

«И жили мы долго и счастливо, — с улыбкой подумала я. — Лучшего и быть не могло».

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net